

Страница

12+

Татьяна Абиссин
Фэй Родис

Татьяна Абиссин Фэй Родис Страница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29623320

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-12628-2

Аннотация

Люба Журавлева – сирота, с детства воспитывается дядей, с которым не слишком ладит. Люба делает первые шаги в модельном бизнесе. По стечению обстоятельств девочка переносится в параллельный мир, где ее признают Страницей – иноземкой. Героине предстоит пройти три испытания. Испытания, которые прежде не мог пройти никто...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Опаздывать – запрещено!	12
Глава 2. Соперницы	20
Глава 3. Прическа по старой моде	29
Глава 4. «Барышня»	35
Глава 5. Разные уровни	42
Глава 6. Живой манекен	48
Глава 7. Плакун	54
Глава 8. Не косплеер и не актер	61
Глава 9. Дорога из Мерлого леса	73
Глава 10. Особняк семьи Рэм	83
Глава 11. Прошлое Солнечной страны	94
Глава 12. Сладкие объятия сна	112
Глава 13. Гномы-Старейшины	128
Глава 14. Голосование	145
Глава 15. «Ковры в конуре»	156
Глава 16. Продавец ковролетов	176
Глава 17. Еще один сон	181
Глава 18. Случайные находки	190
Глава 19. День Нептунисов	199
Глава 20. Прошлое Странника	213
Глава 21. Когда ломают любимые игрушки	225
Глава 22. Ирэн Ша	232

Глава 23. Проклятие дома Рэмов	243
Глава 24. Мальчик из ПСП	258
Глава 25. Замок Крармия	269
Глава 26. Птица в клетке	278
Глава 27. Магарь вида Хамелеон	284
Глава 28. Враги и друзья	291
Глава 29. Прощальный вечер	298
Глава 30. Небесное яблоко	303
Глава 31. Первое Испытание	310
Глава 32. Возвращение	325
Эпилог	328
Приложения к книге «СТРАННИЦА»	353

Татьяна Абиссин, Фэй Родис Страница

Пролог

С автострады, что находилась в десяти метрах от узкой дорожки, доносился ровный гул автомобилей. Запах свежей листвы и недавнего дождя смешивался с пылью и гарью. По пропахшей сыростью тропинке уверенно шагали хмурый мужчина и молодая женщина с коляской.

Мужчина то и дело сморкался в клетчатый платок, мысленно проклиная лето, аллергию на пыльцу, резкий запах цветов, и, возможно, ту, что шагала рядом, шурша шелковым платьем и улыбаясь спящей в коляске малышке. Сегодня мужчина увидел племянницу впервые, но все равно отказался взять ее на руки.

– Ты ей нравишься. И почему ты такой «бука», а, Вадим? Не хочешь обнять малышку? Она же – твоя единственная племянница, – вздохнула Катя.

Сестра словно специально злила его. Уж кому, как ни ей, знать, что он детей терпеть не может. Да и на прогулку отправился только затем, чтобы попросить некую сумму из

средств отца, полученных Катериной по завещанию. Вадиму-то в наследство ничего не досталось. Отец считал, что мужчина обязан обеспечивать семью, а не наоборот.

– Кать, не приставай. Лучше под ноги смотри! Тут дорога – ямы сплошные. Никак не отремонтируют, и о чем мэрия думает! Ишь, как коляску трясет! Того и гляди, перевернет, – пытаюсь сменить тему разговора с «чудной крошки, которая похожа на ангела, и самая красивая, самая умная, самая лучшая», Вадим обнаружил, что они дошли до ворот парка.

Сестра покачала головой, но не нахмурилась. Она вообще редко обижалась, в отличие от самого Вадима, способного спустя годы вспоминать чужой промах или не вовремя сказанное слово. Продолжая катить коляску по узкой аллее, окруженной кустами цветущего шиповника, Катя замурлыкала себе под нос колыбельную песенку.

– И почему карусели? Неужели нельзя выбрать для прогулки более тихое место? – нахмурился Вадим, когда они подошли к вращающейся платформе с разноцветными лошадками.

На аттракцион, сверкавший яркими лампочками, веселой стайкой устремились школьники. От вспышек фотоаппаратов у Вадима заболели глаза. Мужчина с неудовольствием протер их рукой.

– Но Любе нравятся карусели! Она всегда такая довольная, когда мы с ней приходим сюда. Не капризничает... – возразила Катя.

«Теперь понятно, кому я обязан этой прогулкой по жаре, – мужчина бросил гневный взгляд на Любу, мирно сопевшую в коляске. – Вся в мать, такое же чучело! И имя у нее глупое! Наплачется еще с ним! В честь «большой любви» названа, не иначе, хоть Катька так и не призналась, кто же отец...»

– Ты хотел поговорить, – после короткой паузы заметила сестра. – Начинай. Знаю, ты человек занятой. И просто дышать свежим воздухом в парке тебе некогда. Вижу, что-то случилось. Расскажи – постараюсь помочь, если это в моих силах.

Вадим открыл рот, но ответить не успел. Мир вокруг замер, словно кто-то установил показ художественного фильма на «паузу». Застыла в воздухе летящая мимо карусель, замерли галдящие дети, оседлавшие металлических коней, и даже стоявшая рядом с ним Катя.

Мужчина попытался пошевелить рукой, и с испугом понял, что он – единственный, кто может это сделать. Но каждое движение давалось ему с невероятным трудом, словно тело опутали невидимые, но очень прочные нити...

А потом появился «он». Вадим не успел сделать ни шагу. Оставалось только смотреть на создание, словно пришедшее из кошмарного сна.

В воздухе с противным скрежетом расплывалась тягучая черная клякса, напомнившая Вадиму фильмы о пришельцах и иных формах жизни. Спустя несколько мгновений грязь приняла очертания человеческой фигуры.

«Человек, это человек!» – с облегчением сообразил Вадим. Но желание поскорее сбежать отсюда никуда не исчезло.

Незнакомец, ступивший на асфальт прямо из грязной кляксы, был одет явно не по погоде. На нем красовался кожаный черный плащ с большими круглыми пуговицами; такой длинный, что почти полностью скрывал фигуру. Две седые косы лохматыми змеями выглядывали из-под старомодной шляпы. Огромные черные очки скрывали лицо. Или что-то там? Вадим всерьез сомневался, что у субъекта есть лицо. Он не видел ни глаз, ни рта, ни носа. И позднее, сколько ни пытался, не смог вспомнить хоть какую-то запоминающуюся черту.

В левой руке «видение» держало зонтик, на вид самый обычный, разве что прозрачный. В правой руке «пришельца» находился потертый портфель с металлическими уголками, на вид совершенно обыкновенный...

До тех пор, пока седой не повернул его боком, так что Вадим увидел человеческий глаз прямо в проеме бокового кармана. Хотя, нет. Стекланный глаз, который казался очень живым.

– Я её нашел. Угроза будет устранена, – произнес незнакомец ровным голосом, глядя в Катину сторону. Глаз в его портфеле совершил двойное вращение. Вадима затошнило. Мысль о том, что его сестре грозит опасность, тут же сменилась воображаемой картинкой, как чужак избавится от слу-

чайного свидетеля. Надо дать понять этому «вторженцу», что он, Вадим, тут не причем. Его сестра всегда была странной. И, конечно, сама виновата во всех бедах.

Пока Вадим обдумывал свое незавидное положение, чужак протянул в их сторону руку с портфелем. Из вращающегося глаза вырвался столп света, окутавший фигуру Кати и малышки в коляске. На миг сестра Вадима вместе с дочкой растаяли в воздухе, но появились вновь, когда свечение погасло. Правда, их фигуры словно потеряли часть цвета, как крылья бабочки, с которых разом стряхнули всю пыльцу.

– Дело сделано, – удовлетворенно хмыкнул пришелец. Вращающийся глаз остановился и прикрылся сам собой. – Заговорщики наказаны. Палата Гриотов будет довольна. Я забрал у слишком самоуверенной женщины и ее потомства всю удачу, все возможности. Теперь мне осталось только... – незнакомец глянул на Вадима. Тот почувствовал, как земля качнулась под ногами. – Мы наблюдали за вами, Журавлев Вадим Николаевич. Вы же не хотите знать, что сейчас произошло, верно? Не мечтаете разделить участь предателей?

Вадим отчаянно помотал головой. К его удивлению, ему это удалось. Он понятия не имел, что сейчас произошло, но чутье подсказывало, что он только что словно побывал на чужих похоронах. Или на своих собственных?

– Вот и славно! Просто очаровательно! – заулыбался чужак, заметив его смятение. – Мы искренне надеялись, что вы проявите благоразумие. Вашей задачей, Вадим, с сегодняш-

него дня будет присматривать за сестрой и за вашей милой племянницей. И, если узнаете что-то интересное, чем захотите поделиться, вас непременно услышат. Через этот портфель, – чужак всунул Вадиму в руку свою жуткую ношу. – Мы готовы щедро оплачивать ваши услуги. Примите бездельницу в качестве залога наших будущих доверительных отношений.

Вадим удивленно раскрыл рот, заметив блеснувший на запястье левой руки золотой браслет, инструктированный крупными изумрудами.

– Не дрожите так, и спрячьте наш подарок в ваш новый портфель! – снова улыбнулся темный волшебник (по крайней мере, Вадим причислил его к таковым). – Мы много знаем о вас. Вы получите доступ к финансам своей семьи, которые вам так необходимы, если позаботитесь о том, чтобы Катерина больше никогда не увидела дочь.

– Но как?!

– Очень просто. Очнувшись, ваша сестра будет болтать всякие глупости про Гриотов и параллельные миры. Печально, конечно, но порой у женщин после родов страдает психика. Нельзя же оставлять ребенка с безумной женщиной! Милой Любочке лучше расти подальше от нее. А вы будете ее единственным опекуном... Думаю, Катерина отпишет вам все средства, лишь бы вы заботились о её дочери.

– Но у девчонки есть отец!...

– Он не объявится, уж поверьте, – притворно вздохнул чу-

жак. – А теперь, прощайте. Никогда не забывайте про наш уговор, Вадим.

Глава 1. Опаздывать – запрещено!

Примечание от автора: прошло 12 лет.

– Почему не помыла за собой чашку? Лентяйка! – удар ладонью по щеке, не сильный, но от того не менее обидный, заставил Любу отшатнуться.

Девочка исподлобья взглянула на Ольгу Михайловну, не собираясь извиняться. Нотации на тему: «старших нужно слушать», «мы тебе только добра желаем», и «взрослые знают лучше» всегда казались ей полной чепухой. Да и Михайловна до сих пор её уважения ничем не заслужила:

– Я опаздываю на конкурс, Ольга Михайловна. Когда вернусь, все уберу. И вымою пол. Я же всегда это делаю!

Любимая женщина дяди Вадима побагровела:

– Опять дерзишь? Или решила, пару раз покрутившись на подиуме, что теперь – «звезда»? У Вадика – золотое сердце. Взял тебя, сироту, к себе в дом. Кормит, поит, воспитывает. И чем же ты ему отвечаешь? Не можешь за собой чашку помыть, дурында?

– Я подрабатываю в его модельном агентстве, приношу деньги. Это же была ваша идея? Вы потребовали у дяди, чтобы я оплачивала проживание? – Люба свела брови к переносице и насупилась.

В отличие от многих сверстниц, она никогда не мечтала о карьере модели. Не желала она тратить все свободное вре-

мя, занимаясь хореографией и танцами. Не хотела прогуливать уроки, особенно контрольные. Ведь их все равно потом приходилось писать. Люба предпочитала проводить досуг за просмотром любимых сериалов на стареньком ноутбуке и играть в ПСП-приставку (портативную Сони Плестейшен).

– Должна же ты хоть как-то приносить *нам* пользу! – Михайловна сделала ударение на слове «нам», намекая, что в этой квартире нет, и не будет другой хозяйки, кроме нее. – И не думай, что дам тебе поблажку, только потому, что работаешь у Вадима! Если ты проспала и не успела сделать домашнюю работу, сама виновата. В следующий раз будешь ответственной. Или, помяни мое слово, ничего хорошего из тебя не выйдет!

– Я все поняла, Ольга Михайловна. Только я опаздываю. Я могу идти? Если пропущу конкурс «Барышня», дядя будет недоволен. И мне придется сказать, что это вы меня задержали, – Люба забрала чашку из рук раздраженной «тетушки», быстро ополоснула ее и поставила на свободное место в сушилке.

– Какая же ты наглая, Любка! И за что мне это наказание? А ведь Вадим из-за тебя семью заводить не хочет. Насмотрелся! Говорит, до твоего совершеннолетия и слышать ничего не желает о собственных детях. Поняла, о чем я? Я ж по твоей вине страдаю! А ты не ценишь, прошмандовка! – Ольга Михайловна патетично вздохнула, трагическим жестом прижав пальцы к вискам.

– Дядя Вадим использует вас, как и меня, – шепнула Люба, выскользнув из кухни.

Из Владыкино до центра еще долго добираться. А ругать Ольгу Михайловну дядя не будет. Зато ей, Любе, за опоздание или неучастие в конкурсе, влетит.

Девочка торопливо собирала сумку под аккомпанемент тоскливых причитаний Михайловны, сдобренных элитным коньяком. О её плане «отвести в ЗАГС» дядю Вадима, Люба знала уже давно. И помогать ей с этой затеей не собиралась. Более того, исполнение мечты Ольги Михайловны стало бы для Любы кошмаром. Пухленькая блондинка средних лет слишком любит распускать руки по любому поводу! Если Михайловна станет её официальной тетей, уж лучше сразу отправиться в приют.

Впрочем, Ольга, обернувшись законной женой Вадима Журавлева, и сама догадается подыскать для надоевшей «племянницы» школу-интернат.

– Внимание! Напоминаем, что поезд проследует мимо станции «Фрунзенская», не останавливаясь. Станция закрыта на ремонт... – механический голос потонул в грохоте вагонов, увлекаемых в тоннель метро.

Люба растерянно заморгала, убирая мобильный телефон, с которого читала фэнтези-роман, глубоко в сумку. Быстро вскочив с места, она направилась к выходу.

«Кто бы знал, что пересадкой на Сокольническую здесь не

обойдется! Эх, если б я встала пораньше, сейчас не боялась бы опоздать! Ведь нужно еще отметить у администратора, переодеться, накраситься... В чем-то Михайловна права, какая же я несобранная! Даже о том, что моя станция закрыта, узнала в последний момент! И что теперь делать? Двигаться к наземке? Кажется, здесь останавливается двадцать восьмой троллейбус, который довезет до Фрунзенской».

Мысли о троллейбусе номер двадцать восемь повлекли за собой неизбежные печальные воспоминания о репетиторе по математике, которого Люба дважды в неделю посещала в прошлом году.

А причиной этих встреч оказалась математичка Говорова, которая, выставив ей семь двоек в журнале за нежелание отвечать у доски, потребовала срочной беседы с родственниками. Дядя, после этого «душевного» разговора, пришел домой красным от негодования. И, скрепя сердце, отправил Любу к репетитору, а потом контролировал выполнение домашних заданий. То, что ей в будущем математика не понадобится, Вадима не волновало.

...Стоило девочке выйти из метро, как зарядил мелкий, но частый дождь. А зонт Люба с собой не захватила. Осталось радоваться, что прическа для выступления у нее простая и не пострадает от капризов погоды.

«Нет, правда, о чем я думала? Синоптики же обещали дождь», – размышляла Люба, вздыхая о забытом дома зонтике. С шестого этажа, где жили Журавлевы, небо с утра ка-

залось безоблачным. Но в Москве всегда так. В одной части города люди могут изнывать от жары, а в другой – жалеть о том, что не натянули с утра резиновые сапоги.

«Менеджер Катя сейчас сказала бы, что я напрасно дуюсь на погоду. Мол, у нас – как в Нью-Йорке, если не нравится погода – просто подожди пятнадцать минут. Но сегодня, как назло, этих минут у меня нет!»

– Доченька, давно троллейбуса не было?

Негромкий голос заставил ее оглянуться. Рядом стояла старушка, суетливо убиравшая в сумку потрепанный зонтик. Люба в ответ вздохнула:

– Я минут пять назад подошла. А здесь троллейбусы часто ходят? Мне нужно на Фрунзенскую, а станцию закрыли...

– Не переживай, здесь еще бесплатный автобус «нулевой» ходит. На нем тоже можно доехать. Какой первым прикатит, на тот и садись.

Журавлева слегка кивнула и замолчала. Ей хотелось повторить мысленно текст песни, с которой она выступает. Песня была из тех, что традиционно считаются «русскими народными». Но ее менеджер решила, что для конкурса «Барышня», где оценивались не только внешность и вокальные данные, но и обаяние кандидаток, песня подходит лучше всего.

«На Муромской дорожке...» – затянула про себя Люба. Тут рядом с ней послышался громкий топот. Девочка с удив-

лением уставилась на подбежавшую к остановке троицу – симпатичную женщину и двоих детей-погодок.

– Пока мост переходили, под дождь попали, – смущенно заметила женщина. Она пыталась встать под крышей остановки так, чтобы оказаться вместе с детьми на отрезке сухого асфальта. Любе пришлось потесниться, чтобы и бабуля, и новенькие, смогли укрыться от шумного ливня, в который за несколько минут успела превратиться противная морось. – Зато хорошо покатались на карусельках, правда, Боренька?

Любе вдруг показалось, что ей не хватает воздуха. Перед глазами потемнело. Машинально вцепившись в ручку висевшей на плече сумки, она пыталась понять, почему так реагирует на одно упоминание о каруселях.

«Ну да, с детства их терпеть не могу, и что такого? Кстати, именно в этот детский парк нас возили прошлой осенью. Подарок от агентства. Но я даже не смогла выйти из автобуса. Сидела, дрожала. И, сейчас, при одном воспоминании о каруселях, мурашки бегут по коже... Хуже, чем от любой «страшилки» в сети! И почему я снова здесь оказалась?! Сегодня явно не мой день!»

Любу отвлек от невеселых мыслей мальчик, указавший рукой за ее спину:

– Мама, а это что? Что на бумажке написано?

– Объявление, – снова смущенно улыбнулась женщина, явно надеявшаяся до прихода автобуса или троллейбуса просто помолчать, не привлекая внимания.

– И что там написано? – не унимался малыш.

– Предлагают стрижку домашних животных, – улыбнулась ему Люба.

– Мама, а давай мы нашу Лапку подстрижем? – тут же оживились ребята.

Женщина иронично выгнула бровь:

– И как вы это себе представляете? Она же у нас гладкошерстная кошка! Ее, разве что, можно покрасить. Но не думаю, что стоит причинять ей беспокойство.

Дети угрюмо замолчали. Люба зачарованно следила за чужой беседой, забыв о том, что нужно повторять песню. Ей вдруг тоже захотелось, чтобы у нее была обычная семья. Чтобы были мама, папа, брат, сестра и кошка... или собака. Вадим не позволял завести питомца из-за аллергии на шерсть.

«Если бы папа с мамой не погибли в автокатастрофе в Италии, какой была бы моя жизнь? Посещая парк с родителями, я бы точно не боялась аттракционов. И в конкурсе участвовала бы с большей радостью. Ведь они обязательно пришли бы за меня «поболеть!» – тоскливо размышляла Люба, носком туфли размазывая грязный песок по асфальту.

Да, дядя Вадим слишком занят, чтобы прийти и поддержать племянницу. На этот раз уехал на неделю в командировку. И, когда Люба выйдет на сцену «Московского шелка», ей опять будет одиноко, несмотря на присутствие соперниц, жюри и прессы. Так одиноко, точно во всем мире она осталась совершенно одна.

Наконец, к остановке подъехал троллейбус, под завязку забитый людьми. Но ждать следующего Люба не могла. Следовало поторопиться – до начала конкурса оставалось чуть больше двух часов.

Прижатая толпой к мужчине, от которого несло дешевыми сигаретами, Люба с тоской думала о том, что сегодня – двадцать пятое июня две тысячи шестнадцатого года, давно двадцать первый век на дворе, а жизнь-то совсем не меняется!

Нет бы, придумали ученые надувные шары, вроде тех, что используют в зорбинге, которые могли бы передвигаться по воздуху. И тогда уж проблема с «пробками» в Москве сразу исчезла бы! Словно техника «Парка Юрского периода», но только наяву... Нет, пример неважный. Там все плохо закончилось из-за динозавров.

Ну, а если не шары, а флаеры? Совсем как в книгах Кира Булычева про Алису Селезневу! Серию про «Алису» Люба очень уважала.

Тогда все точно обошлось бы без жертв. А если взрослым нравится толкаться и ездить в автобусах, пусть сами этим занимаются. Школьникам же, разумеется, за исключением первоклассников, очень пригодился бы такой транспорт! Имея собственный флаер, она бы точно никуда не опаздывала.

Глава 2. Соперницы

Прикрывая голову полиэтиленовым пакетом, Люба спешила к входу в банкетный комплекс «Московский шелк». По пути она слышала дребезжание мобильного телефона, но даже и не думала отвечать. До места назначения ей оставалось шагов пятьдесят. Не стоило отвлекаться...

Когда перед девочкой замаячило высокое крыльцо, ведущее к зеркальным дверям, Журавлева перевела дыхание. Наконец-то, добралась!

– Где же тебя носит, Люба!

Услышав этот резкий голос, Люба вздрогнула. Она узнала менеджера по кадрам из дядиного агентства – Вику Зорину. Та, видимо, скрывалась за дверями от дождя, но выпрыгнула на крыльцо, едва завидев подопечную.

– Вы меня ждали? – запыхавшаяся Люба пыталась перевести дыхание. Да, она знала, что кто-то должен был передать ей одежду для конкурса. Но, чтобы сама Виктория этим занималась! В агентстве Журавлевой пообещали, что вещи от спонсоров привезут за пару часов до представления и оставят в гардеробе на первом этаже «Шелка».

– Где же ты была? Через час твой выход на сцену! Девочки сейчас «прогоняют» номера. А ты? – хмурая Вика поправила слипшиеся от капель дождя короткие волосы, уложенные так, что напоминали беличий хвост – пышный и чуть-чуть

растрепанный. В порывистых движениях менеджера было что-то от белки. Она всегда куда-то спешила.

– Но «Фрунзенскую» закрыли, – Люба с виноватым видом посмотрела на Вику.

– И что?

– Ехала от «Парка культуры» наземкой, потом пешком... – Журавлева по голосу Вики угадала какой-то подвох, но не могла понять, в чем он состоит.

– Любаша, с тобой все ясно. Если ты еще слишком маленькая, чтобы пользоваться метро, попросила бы Ольгу Михайловну тебя сопровождать! Тебе просто следовало доехать до Спортивной, а там отсюда рукой подать... Но, ты не ищешь легких путей, да? – покачала головой девушка, вручая Любе два тяжелых пакета. – Ладно, что уж теперь. Вот, держи. Здесь твой костюм. Иди скорее, переодевайся. Ступай прямо, пока не увидишь лестницу. По правую сторону – главный зал. При входе, с одной стороны, барная стойка, с другой – примерка.

– А вы со мной не пойдете?

Виктория смущенно прижала наманикюренный пальчик к пухлым, явно сдобренным силиконом, губам:

– Малыш, я не могу остаться. Уж, прости. Я не на работе, просто завезла вещи. Более того, у меня свидание! Мужчина мечты уже заждался в машине... Хорошо хоть парковка здесь бесплатная. Ну, я пойду, о'кей? Держись молодцом, «Аленушка»! Не посрами наш «Звездный компас»! По-

ка-пока! – чмокнув Любу в щеку, тем самым заставив в полной мере оценить аромат из весенней коллекции «Шанель», Вика бодро зацокала каблучками блестящих лодочек к выходу.

Журавлева уныло смотрела ей вслед. Дядя Вадим не только заставил племянницу работать в агентстве. Он еще и оказался автором глупого модельного прозвища. И его теперь повторяли направо и налево все, кому не лень.

Ну какая из неё «Аленушка»? Девочка вспомнила знаменитую картину Васнецова. Может, лицом-то и вышла... Но, вот братика у нее нет, и никогда уже не будет.

Люба улыбнулась зеркалу, привычно выискивая недостатки в своем образе. Что ж, пожалуй, ради этих коротких минут выступления в красивой одежде, и стоит немного потерпеть. Девчонки в школе ей завидуют. Хотя, есть ли в зависти что-нибудь хорошее? С подругами у нее никак не складывается. Зато среди мальчишек-ровесников Люба довольно популярна. После того, как она представила школу на нескольких публичных мероприятиях, она оказалась в центре мужского внимания.

«С таким именем разве может быть по-другому? – самодовольно подумала Люба. – С другой стороны, кому нужны эти мальчишки! Цветы, подарки и конфеты я и так часто получаю. А что-нибудь поинтереснее они придумать не в состоянии! Не говоря уже о том, что настоящая романтика встре-

чается только в игре...»

– Ба, кого я вижу! «Аленушка» решила почтить скромный конкурс своим присутствием. Кстати, через полчаса – начало. Поторопись навести марафет, красавица! И вот еще: «прогнать» свой выход ты уже не успеешь. А раз с вокалом у тебя – не очень, как и с внешними данными, – ты же так и не исправила свои слишком большие передние зубки, – то приготовься к проигрышу.

Женька Соболева, застывшая в дверях гримерки, поглядывала на нее сверху-вниз, улыбаясь в своей шакальской манере. Конечно, Люба никогда не встречала шакалов, но почему-то считала, что Соболева очень на них похожа. Характером, по крайней мере. Кажется, одета в пышное платье под старину. Люба лишь мельком покосилась на эту мегеру:

– Я-то успею сделать макияж. Но ты бы лучше выкинула меня из головы, Соболева. Сделай милость, подумай о себе. В следующем году ты «пролетишь» мимо этого конкурса.

Конкурс проводился каждый год, но участвовать в нем могли девочки до пятнадцати лет, а Женька была на год старше ее. Люба, убедившись, что её слова попали в цель (Соболева позеленела от злости), принялась наносить макияж.

В чем-то Женька права: любой визажист знает, что для хорошего макияжа следует провести у зеркала, как минимум, минут сорок. Да, и лучше, чтобы тебе помогал специалист... Но, разве у нее есть выбор? Вика Зорина ее бессовестно бросила. Ну, и ладно. Не в первой!

«Зато я могу пользоваться любой косметикой. Мало кому в моем возрасте так везет. Большинство мам запрещают девочкам краситься. А я сейчас могу представить себя известной моделью или актрисой», – успокоила себя Люба.

– Какой ты стала острой на язык, сестренка, – Соболева с отвращением фыркнула. – Не волнуйся за меня, я не подкачаю. Видишь, мама заказала мне платьишко в Париже. Как тебе? Ничего?

Только тут Люба обратила внимание, что Соболиха, готовясь к конкурсу, превзошла саму себя. Стройная фигура Женьки была окутана белоснежным облаком тончайших кружев, шелка, муслина и батиста – этакая сошедшая с гравюры какого-нибудь художника девятнадцатого века юная невеста. Дама сердца Пушкина? Нет, Лермонтова?

«Наверное, жюри тоже будет гадать...», – усмехнулась Журавлева. Люба знала, что мать Женьки замужем за владельцем крупного продовольственного холдинга, и ничего не пожалеет ради счастья любимой дочурки. Но сегодня она явно перестаралась, нарядив Женьку для конкурса, едва ли проще, чем олигархи своих юных жен на свадебной церемонии.

Длинные шелковые перчатки со вставками кружев скрывали не слишком изящные руки. Колдовские переливы шелка опьяняли роскошью при каждом тщательно выверенном движении. Для завершения образа благородной красавицы не хватало шляпки с вуалью, но в этом было свое очарова-

ние: темные волосы Женьки украшали живые цветы. В руках Соболиха нервно сжимала зонтик, причудливая ручка которого была из слоновой кости. Легкое напряжение рук – пожалуй, единственное, что выдавало ее волнение. На лице по-прежнему блуждала хищная улыбка, доказывающая, что Женька ради победы перегрызет горло любой сопернице.

– Здравствуй, Маша. Я – Дубровский! – Люба застегнула на ухе длинную серебряную серьгу в виде снежинки, а после небрежно приподняла левую бровь. Она точно знала, что такая простая мимика доведет Соболеву до белого каления. Журавлева давно заметила, как болезненно этот прием действует на дядю, на Михайловну и даже на математичку Говорову. Люба жалела об одном – она так и не научилась управлять второй бровью.

Женька фыркнула, задохнувшись от возмущения. Любе показалось, что та с удовольствием вонзила бы сейчас острие своего вычурного зонтика ей между ребер. Но нет, вместо этого Соболиха глубоко вздохнула, а потом вдруг медовым голосом протянула:

– Гляжу, твой дядя сегодня тоже не поскупился на шмотки, да, Журавлева? Правильно, невзрачную внешность нужно чем-то прикрыть. А хрустальный венец так сияет, что просто ослепит всех судий!

– Кокошник это, слабоумная, – пожалала плечами Люба, отнюдь не спешившая сообщить задире, что её одежда уже завтра вернется к спонсорам, и она, Журавлева, никогда не по-

лучит ее в личное пользование. Какая именно фирма подарила платье, Люба не знала, ведь пакет, который ей вручила Зорина, был совсем обычный, черный, без какого-либо намека на бренды.

– Ох, нарвешься ты когда-нибудь, Журавлева, – выдохнула Женька, – подними свою задницу, и катись уже в зал, по хорошему тебе говорю! Тебе нужно в листе у ведущей «Барышни» отметить, что пришла и выступишь. Скажи «спасибо», что я тебе, дуре, напоминаю!

Люба, вместо ответа, погляделась в зеркало. Возможно, следовало еще чуть-чуть припудрить лицо. Уж слишком бледная кожа! Или, может, и так сойдет?

Быстро встав из-за стола и освободив место другой девочке, которая решила подправить размазавшийся макияж, Люба вышла в зал, оставив хрупкий кокошник лежать на столе.

Большой зал радовал глаз разноцветными шарами, игрушками разных форм и размеров и живыми цветами, расставленными в больших тонких стеклянных вазах по периметру. Организаторы конкурса явно не поскупились, чтобы придать торжественность мероприятию. Удивительные черные стулья, бокалы и посуда из черного стекла – эффектное и необычное дополнение к окружающему интерьеру и пестрым, как стеклышки в калейдоскопе, стенам. Столики удивляли теплой лимонной подсветкой изнутри, создавая ощущение, что ты находишься в каких-нибудь сталактитовых пе-

щерах.

Люба быстро нашла ведущую конкурса и отметилась в заявочном бланке. Ведущая, оказавшаяся улыбочивой, чуть полноватой женщиной в очках, протянула Любе значок конкурсантки и смущенно заметила:

– Будешь выступать под номером двадцать восемь. Предпоследняя. Все, кто пришли до тебя, тянули жребий. Но ты опоздала.

Люба уныло кивнула. И, правда, как-то неудачно все сложилось, причем с самого утра. Пощечина Михайловны все еще горит на щеке. А ведь она потратила приличное количество тонального крема, чтобы ее замазать! И, похоже, неприятности продолжают...

«Все же плохо, что я выступаю в самом конце. Не люблю так. Придется нервничать, завидовать тем, кто «отстрелялся» раньше... Да и оценки, скорее всего, будут выше у тех, кто выйдет на сцену в первых рядах... Но вдруг я ошибаюсь? Может, если буду в конце, то жюри меня лучше запомнит?»

Звук разбитого стекла, донесшийся до неё, заставил Любу подскочить на месте, а потом со всех ног броситься в гримерку. Следом за ней туда же поспешили ведущая и одна из официанток.

Девочка замерла на пороге, не веря своим глазам: весь пол был усеян мелкой хрустальной крошкой. Посреди гримерки стояла Соболева, с самым трагическим видом заломив руки:

– Любаша, прости! Я только хотела поближе рассмотреть

твой чудесный венец, а он – возьми да и выскользни из рук! Какая жалость, правда? Не волнуйся, моя мама возместит стоимость вещи, – Женька перевела хитрющий взгляд чуть раскосых глаз на ведущую, – Римма Федоровна, в «Московском шелке» найдется какое-нибудь украшение, которое Люба могла бы использовать вместо венца? Ну, там, ленточка, цветочек?

– Ленточка, цветочек?! Да ты специально его разбила! – взревела Люба и уже собиралась кинуться на соперницу с кулаками, но была остановлена сильной рукой ведущей.

– Конечно, мы найдем что-нибудь. Люба выступает предпоследней, и мы успеем... Но, Евгения, после шоу я бы хотела серьезно поговорить с вашей матерью.

– Без вопросов, Римма Федоровна, – Женька скромно потупила глаза. – А пока буду готовиться к выходу на сцену. Ведь мой номер – третий по счету. Мне предстоит петь романс. Любаш, ты смотрела «Жестокий романс»? Мне особенно удаются песни из этого фильма. А что ты подготовила?

– Какая же ты дрянь, Соболева! – Журавлева крепко сжала кулаки, так что ногти вонзились в кожу, затем резко повернулась на каблуках к ведущей:

– Кто пойдет искать для меня реквизит? Вы?!

В разговор вмешалась стоявшая рядом официантка:

– Римма Федоровна не сможет. Она открывает конкурс. Пойдемте со мной. Я отведу вас к администратору, там разберемся...

Глава 3. Прическа по старой моде

За стеной приглушенно звучала очередная «минусовка», и, кажется, шло выступление участницы под номером «девятнадцать». Люба сидела у трюмо, сложив руки прямо перед собой, не в силах оторвать взгляд от прозрачной пластмассовой банки, в которую девушки из обслуживающего персонала «Шелка» упаковали остатки хрустального кокошника. Острые камни, сверкающие в приглушенном свете гримерки, напоминали сказочную алмазную гору.

«Гора моих надежд, – мрачно размышляла Люба, – интересно, что теперь скажет дядя? Хотя это и так ясно. С Соболевыми из-за меня он ругаться точно не станет. Просто загнобит: «ну и дура, раз не уследила за нарядом спонсора, бросила его без присмотра». Да еще высчитает с меня стоимость вещи. Хотя, чего я волнуюсь? Он и так забирает все заработанные деньги!»

– Люба, думаю, вот эти две атласные ленты подойдут к сарафану. Посмотри, какая лучше, – белая или синяя! – доброжелательный голос администратора Маши вернул девочку к реальности.

Люба критически осмотрела обе ленты, и удовлетворенно кивнула:

– Беру синюю. Белая по цвету сольется с волосами.

Маша кивнула:

– Пожалуй, ты права. А какую ты хотела сделать прическу?

Люба, невольно охнув, вспомнила, что собиралась переплести «косу». Та к настоящему моменту изрядно растрепалась.

– Обычная «коса»? Тебе не кажется, что это слишком просто?

– Возможно, но что же делать? Я ведь – не волшебник, а только учусь, как говорится. Это касается и прически. «Коса», «хвост», две «косички», вот и все, что умею. В агентстве «Звездный компас» у нас есть свой стилист. Обычно, перед съемкой, она мне помогает...

– Хочешь, сегодня я побуду твоим стилистом? – просто и тепло улыбнулась Маша. – Если доверишься мне, сделаю прическу, которая подчеркнет твою индивидуальность, и сильно не изменит этот... ммм...русский колорит, – она кинула выразительный взгляд на синий бархатный сарафан Журавлевой.

Время от времени, девочка поправляла пышные белые рукава, украшенные вышивкой, словно говоря: «Я выше этого, я справлюсь». Маше захотелось поднять ей настроение любой ценой:

– Похоже, ты сомневаешься в моих силах. Но у меня есть младшая сестренка. Я могу сделать тебе чудесную прическу, какую однажды сотворила ей на Новый год в третьем классе.

– Но сейчас – не Новый год, и я – не в третьем классе, –

вяло попыталась отказаться от чужой помощи Люба.

– Только подумай – твои золотистые пряди не будут спрятаны в «косе», а подчеркнут овал хорошенького личика. А плетение косицы по самому краю, как делали дамы в средневековье, сделает волосы похожими на покрывало из шелка.

Девочка улыбнулась и согласно кивнула. Может, образ средневековой дамы и не слишком вязался с ее песней и костюмом, но с распущенными волосами ей всегда шло больше. Да и подобную прическу ей еще не делали.

Некоторое время администратор Маша просто расчесывала ей волосы, тихонько насвистывая себе под нос слова из песни, гремевшей за стеной, на сцене большого зала.

Люба расслабилась, чувствуя плывущее по коже приятное покалывание. Странно, но до этого сменявшие друг друга стилисты из «Звездного компаса» ни разу не вызывали у нее ощущения теплоты, чего-то родного и близкого. А ловкие пальчики Маши, подхватывающие прядь за прядью от ее русых волос, переплетавшие их, и ловко укладывающие в хитрую прическу с помощью шпилек, резинок и лака, заставляли Любу получать удовольствие от самого процесса. И, четверть часа спустя, зеркало отразило Журавлевой ее новый образ. Результат чужих усилий внушал уважение – волосы превратились в люксовое полотно с ламинированным эффектом, напоминающее мулине цвета золотистый металлик. По краю волос окантовкой изящно выделялась тонкая коса.

Маша как раз споласкивала водой руки, когда Люба сумела пораженно выдохнуть:

– Супер! Лучшая прическа, которая у меня была! И мне даже немного жаль, что вы заканчиваете... На минуту я представила, что меня заплетает мама... – девочка резко замолкла, почувствовав, что взболтнула лишнее.

Но Маша не заметила неловкости:

– А твоя мама сейчас в зале, с другими гостями, «болеет» за тебя? Познакомишь нас после конкурса?

Люба покачала головой и вдруг, неожиданно для себя, сказала правду:

– Я при всем желании не могу вас познакомить... Мама и папа, они... Погибли в автокатастрофе. Это было давно. Я видела маму только на фотографиях.

Девочка замолчала, задумавшись, почему у дяди не нашлось ни одной фотографии её отца. Раньше ей и в голову не приходило спросить о нем. Возможно, она просто старалась не злить и без того не слишком расположенного к ней опекуна.

– Прости, Люба, я не знала, – расстроилась Маша. Повисла еще одна неловкая пауза, после которой администратор вдруг добавила, – не расстраивайся так из-за кокошника. В модельном бизнесе, как и в любом другом, всегда найдутся завистники, как твоя Соболева. Киснуть из-за этого не нужно, тем более, скоро твой выход. Еще чего доброго из-за такой ерунды испортишь свое выступление. Ведь она этого и

добивалась: разозлить тебя, вывести из равновесия. Неужели, ты позволишь ей манипулировать собой? То, что она сделала, доказывает только, что она очень сильно боится тебя. Понимаешь? А я буду сегодня за тебя «болеть». Так что, не смей проигрывать!

Журавлева чуть склонила голову набок, так что ровная тонкая коса по краю волос мягко мазнула по щеке. И, правда. Когда это она, Люба, успела стать такой «плаксой»? Ну-ка, взбодриться! Пусть у нее нет особых оснований добиваться победы в конкурсе, но это не значит, что она отдаст первое место без борьбы:

– Вы правы. Я выступлю на «все сто». Большое спасибо за помощь!

Маша игриво прищурилась:

– «Спасибо», и все? Приз на конкурсе – кругленькая сумма, пусть и в рублях. Поделишься?

– Попрошу дядю, чтобы он отдал вам часть, – серьезно ответила Люба. – Или я больше не буду работать. Но, не уверена, что он легко расстанется с деньгами, если первый приз, все же, достанется мне. Придется попотеть...

Администратор Маша весело расхохоталась и потрепала её по щеке:

– Да ты что, я же пошутила. Лучше приходи ко мне в гости в выходные. Познакомлю с сестричкой, испеку торт. Поиграем в карты или в приставку. Придешь?

Люба растерялась. Ходить в гости к незнакомым людям в их семье было как-то не принято. Дядя вообще внушал ей вести себя осмотрительно и не доверять чужим. Но Маша не похожа на плохого человека. К тому же, у нее, у Любы, нет настоящих друзей. В модельном бизнесе каждый за себя. И в школе также – невозможно просто учиться, приходится постоянно действовать с оглядкой, ведь защитников у Любы нет.

– Хорошо, я приду, – девочка несмело улыбнулась. Ей в голову пришла мысль, что в жизни нет случайностей. Нет плохих или хороших событий. Все зависит от личного отношения. И сегодня выходка Соболевой помогла ей, Любе, завести первого друга.

Глава 4. «Барышня»

Зависимость – страшное дело! Без инстаграммы и лайков от совершенно незнакомых в реале сетевых друзей, Люба чувствовала себя обделенной, словно теряла некую «самость». Запечатлев на селфи себя с новой прической и загрузив фото в сеть, девочка напряженно наблюдала за количеством последовавших лайков от подписчиков. К ее неудовольствию, лайков набралось всего пять штук. А ведь обычно набегало до пятидесяти! С досадой спрятав телефон подальше в сумку, Люба вернулась к насущным проблемам.

Проверив в последний раз, прочно ли закреплена атласная лента, концы которой падали на спину, Люба придержала край тяжелого бархатного сарафана. Наряд в ответ засверкал синими стразами в форме ромбиков, создавая ощущения очень дорогого костюма. Хитрость ее образа заключалась в том, что с виду простая модель сарафана, была украшена по кайме и выточкам стразами, мерцающими, как звезды при каждом легком движении.

Девочка бодро застучала каблучками по полу, спеша занять место в зале. Сначала ей казалось правильным не выходить, вплоть до момента своего выступления, чтобы не волноваться, сравнивая себя с другими участницами. Вот бы достать любимую ПСП-игру из сумки, полностью погрузившись в другую реальность. Но, заигравшись, можно пропу-

стить свой выход.

Да тут еще и Маша так пристально наблюдала за ее сборами! Администратор покинула гримерку, только убедившись, что Люба села за круглый маленький столик в третьем ряду. Под ее внимательным взглядом девочка постеснялась достать из сумки игру. Она побоялась выглядеть непрофессионально в глазах Маши.

Пришлось сидеть, слушать чужое пение, и, в страхе перед собственным приближающимся выступлением, терпеть мурашки, волной бегущие по телу. Когда объявили номер «двадцать восемь», Журавлева вышла на сцену. Сарафан путался в ногах. Люба страшно боялась запнуться об него. Стоило лишь вступить под разноцветье лучей софитов, ей показалось, что даже пол под ней прогнулся. Зато свет настолько бил в глаза, мешая рассмотреть лица в глубине зала, что она перестала бояться публики. Заметив тройку жюри, сидевшую справа от сцены, Люба решила петь для них.

Первым делом она представилась:

– Любовь Журавлева, тринадцать лет. В свободное время люблю читать и играть в компьютерные игры. Я исполню русскую народную песню «На Муромской дорожке».

Затем она отвесила низкий поклон по старинному обычаю: прижав одну руку к сердцу, и потом медленно, по-лебединому плавно склонившись, коснулась пола кончиками пальцев.

В зале зашептались. Любе послышался громкий смешок.

Кажется, Соболева никак не хотела послушать совета матери, и вести себя тише.

А потом включили музыку... И тут для Любы полной неожиданностью оказалась зазвучавшая «минусовка». Какой-то ремикс на её песню – слишком быстрый и совершенно не подходящий к напеву, что она готовила.

На мгновение её охватило отчаяние. Ну, почему ей так не везет? Сначала едва не опоздала на конкурс, потом история с кокошником, и сейчас, под занавес, другая «минусовка»! И так всю жизнь! Как будто, кто-то при её появлении на свет, играл в кости на её будущее, и с треском проигрался!

«Им же должны были еще вчера прислать нужную запись!» – Журавлева в панике почувствовала, что не попадает в такт, торопится. Все это отнюдь не способствует успеху её выступления. Щеки горели от унижения.

Раздраженно топнув ногой, Люба громко крикнула:
– Остановите музыку!

Не сразу, но ее просьбу удовлетворили.

Один из мужчин, член жюри, дяденька средних лет, на вид самый уставший, ворчливо заметил:

– Что же вы даже не смогли до конца допеть?

Люба ответила:

– Это не моя запись. Я не готовилась петь в таком быстром варианте. Я могу спеть «акапелло»? Насколько помню, это не против условий конкурса.

Мужчина неодобрительно крякнул и вопросительно поко-

сился на коллег. Женщина справа от него, в коротком бордовом платье с длинными рукавами и голой спиной, ответила Любе:

– Да, попробуйте, мы не возражаем. Жаль, конечно, что вы не проверили музыку до шоу. Но, видимо, с последними номерами всегда так...

Люба едва не захлебнулась от обиды, услышав про «последние номера», но смолчала. Ей требовалось собраться и спеть как можно лучше – чтобы те, кто недавно смеялся над ней, примолкли.

Люба прикрыла глаза на мгновение, мысленно представляя развилку широкой дороги, на которую бросают тень высокие сосны, и статную девушку в длинном сарафане, прощающуюся с любимым. Она знает, что он вернется, она будет верить и ждать. И тем мучительнее её разочарование, когда, она снова встретит его на этой же дороге «с красавицей-женой...»

Её голос зазвучал в полной тишине сначала спокойно и ровно, затем, набрал силу, выплескивая на слушателей самое сокровенное, знакомое каждому: боль от разлуки, надежду, горечь измены и силу настоящей всепоглощающей любви. Песня словно затрагивала что-то, скрытое глубоко в сердце, заставляя сопереживать героине.

Люба не видела, как Женька отвернулась, не в силах смотреть на соперницу, как горько вздохнула её мать, подумав о чем-то, давно забытом, за шопингом и поездками на модные

курорты. Администратор Маша наклонила голову, пытаясь скрыть подступившие к глазам слезы.

... А песня все звучала и звучала, чаруя и околдовывая каждой нотой, каждым повтором. Любе казалось, что её омывает теплая волна, поднимая все выше и выше. Словно её душа рвалась прочь из тела, к высокому небу, скрытому сводчатым потолком зала. И, лишь гром аплодисментов, обрушившийся внезапно, заставил её открыть глаза и вернуться в реальность.

Кто-то, сидевший за столиком жюри, тоже хлопал. Кажется, женщина, что разрешила ей спеть. Еще раз, коротко поклонившись, бледная Люба на негнущихся ногах поспешила покинуть сцену.

Соседка по столику, девочка с длинными темными волосами и смуглой кожей, похожая на татарку, показала ей большой палец:

– Молодчина! Ты классно выступила!

Люба от радости готова была ее расцеловать, но сдержалась. Только улыбнулась в ответ, и, обхватив себя руками, попыталась сдержать нервную дрожь.

– А теперь объявляем победителей! Третье место на конкурсе «Барышня» занимает Татьяна Воротнюк, поздравляем!

«Конкуренты дяди остались позади», – с легким превосходством отметила Журавлева про себя, очень надеясь на

успех.

Когда гул аплодисментов стих, а цветы и диплом торжественно вручили загрузившей обладательнице третьего места, по залу снова пронесся легкий шепот, выдающий волнение присутствующих. Чтобы лишний раз не переживать, Люба принялась складывать из бумажной салфетки «журавлика».

– Второе место заслуженно достается Любове Журавлевой, представительнице модельного агентства «Звездный компас». Выходите на сцену, Люба!

Люба, едва передвигая ставшие каменными ноги, медленно пошла к сцене. Что ж, она так старалась, а первое место все равно ушло к другой. И, даже думать страшно, к кому именно!

Римма Федоровна, ведущая шоу, елеиным голоском обратилась к девочке:

– Вы поразили жюри своей выдержкой и самообладанием, Люба! И, конечно, пением. Вы – очень смелая и талантливая девочка! В этом году вам немножко не хватило опыта, но в следующем, мы уверены, вы получите первый приз! Поделитесь со зрителями, как вы себя чувствуете, находясь, кажется, всего в шаге от победы?

Журавлева ненавидела подобные вопросы. Но пришлось натянуть на лицо дежурную улыбку и поклониться:

– Я рада, что мои старания оценили. Но мне еще есть, к чему стремиться. Благодарю всех, кто помогал мне и верил

в меня! Второе место – это тоже неплохо.

– Вы правы, Люба! Мы все желаем вам удачи! – сияющая Римма Федоровна вручила ей диплом, цветы и две небольшие корзинки. В одной поблескивала косметика от «Ив Роше», другая была забита шоколадом.

«М-да, подарить модели сладкое. Умно, ничего не скажешь. Дядя раздаст эти батончики работникам агентства», – невесело подумала Люба. И в этот момент объявили победительницу:

– Первое место занимает Евгения Соболева, исполнившая душевный романс «Любовь – волшебная страна» из кинофильма «Жестокий романс». Женечка, наши поздравления!

...Люба не сразу заметила, что уронила букет цветов прямо на пол.

Глава 5. Разные уровни

Люба сидела в кожаном кресле, краем глаза наблюдая, как участницы конкурса собирают вещи и потихоньку расходятся. Фаворитки шоу «Барышня» среди девочек не было: то ли она решила не толкаться в общей куче, а спокойно переодеться позже, в полной тишине, то ли ее задержали журналисты, до конца конкурса мирно дремавшие в последнем ряду.

Журавлева тоже не избежала этой участи – сказать пару напутственных слов на камеру для телевизионной передачи. Программа предназначалась для активных мальчишек и девочек, а также их заботливых родителей. Люба не забыла упомянуть и модельное агентство «Звездный компас», но не для того, чтобы дядя потом похвалил. Просто, по привычке.

А сейчас девочка шуршала страницами глянцевого журнала «Фонари». На тумбочке рядом с ней находилась целая стопка. Предполагалось, что участницы и их родители разберут по выпуску, но почему-то журнал проигнорировали. Многие девочки были расстроены результатами конкурса и торопились покинуть «Московский шелк», не замечая ничего вокруг.

Любе же очень хотелось перекинуться парой слов с Соболевой. Может, это глупо, но руки просто чесались вцепиться королеве дня в ее напомаженные волосы:

«Выскажу все, что о ней думаю, в лицо! Тогда хотя бы легче станет. И пусть не мечтает, что победила. Еще не вечер! Соболева однажды пожалеет, что перешла мне дорогу. И тогда извинится за этот случай. А я... Я стану намного популярнее ее!»

В журнале оказалось нечего читать. На каждом развороте – по яркой рекламе (шампуни, духи, косметика и тому подобное), и небольшие заметки на популярные темы – о любви, жизни «звезд», о новых фильмах и книгах.

Перевернув последнюю страницу, Люба, наконец, поняла, что осталась в одиночестве. Переодеться в джинсовый сарафан она давно успела, потому просто скучающе уставилась на дверь. Чтобы хоть как-то скоротать время, Люба перебирала в памяти конкурс, и последовавший за ним банкет.

Поела она сразу после оглашения результатов. Кусок в горло, конечно же, «не лез». Запеченное мясо, немного сыра, пару стаканов вкусного вишневого сока, и тарелку овощного салата, она в себя стоически запихнула. Просто потому, что для нее это – настоящий пир. Михайловна постоянно пичкала их с дядей «ужасно полезной», по её словам, но отвратительной на вкус едой. Да и порции Любе доставались «воробьиные», по причине того, что модель должна контролировать свой вес.

«Хотя бы поела вкусно», – вздохнула про себя Журавлева, и в эту минуту дверь в гримерку отворилась. Соболева всплыла в комнату все в том же белоснежном наряде, распро-

странья вокруг себя запах приторно-сладких духов.

Люба с некоторым сожалением подумала о том, что уже выпила весь вишневый сок. А то можно было бы «случайно» испортить одно очень красивое платье.

– Журавлева, ты чего домой не идешь? Думала, все уже разошлись. А ты тут, в темноте... Просто сцена из фильма ужасов! Кстати, прими поздравления. Прическа у тебя симпатная. Где нашла парикмахера в последнюю минуту? Не ожидала от тебя, да...

Люба поднялась и подошла к сопернице вплотную, глядя ей прямо в глаза. Они с Соболевой одного роста, но для конкурса Женька надела туфли на высоком каблуке.

– Гадина ты и стерва, – процедила сквозь зубы девочка, и вдруг поняла, что зря теряла время, чтобы дожидаться Соболеву. Все равно та никогда не признается в том, что специально разбила кокошник, чтобы вывести соперницу из игры. К тому же, из-за проигрыша теперь уже сама Люба ведет себя так же, как Женька, с самого начала конкурса. – Но все равно, прими мои поздравления с честной победой. Надеюсь, она тебя устраивает.

Журавлева подхватила сумку и пакеты и направилась к выходу, не ожидая, что Женька метнется за ней. Соперница преградила ей путь. Лицо Женьки потемнело от гнева, губы дрожали:

– Погоди-ка, «Аленушка»! Ты на что это намекаешь, а? Думаешь, если бы я не разбила кокошник, ты бы выиграла

конкурс? Очень смешно! Ты даже не приехала вовремя, чтобы проверить «минусовку»! Ты не смогла допеть до конца и попросила, чтобы выключили музыку! От твоей вялости, твоего равнодушия, меня тошнит, Журавлева. К тому, что случилось с твоей песней, я точно не причастна. Признайся, хоть сейчас признайся, что ты вообще не хотела выступать! И победа тебе не нужна. Вот она тебе и не досталась... А для меня эта победа – всё! И это не деньги, и не слава, нет. Это – мой билет в модельный бизнес! Возможность выбрать любое агентство, и подписать любой, самый крупный, контракт. Появиться во всех зарубежных журналах, посвященных моде. И я это заслужила, я столько сил приложила, чтобы стать лучшей! А ты – просто неудачница, Любка! Сирота, которую скинули на дядю родственнички! Какая из тебя модель? Не смейся меня! Скажи лучше, в кого ты такая уродина, что на сцену выпускать страшно? В свою мамочку?

Люба едва не ударила её. Не жалея, со всей силы. Гораздо сильнее, чем ее саму с утра стукнула Михайловна. Женька это заслужила. Пусть говорит, что хочет, про нее, но не про тех, кого уже нет в живых...

Но пощечины не последовало. Запястье Любы в последний момент перехватила чья-то твердая рука. Журавлева с вызовом повернулась к миротворцу. И тут же сникла, покраснев. На нее хмуро и огорченно смотрела администратор Маша:

– Вы, что, забыли, что за драки дисквалифицируют? Да-

вай, Соболева, переодевайся, зал скоро закроют. А ты, Люба, иди за мной. Ты обещала заглянуть ко мне.

Вздыхнув, Журавлева, повернулась и поплелась за администратором «Шелка». Ей вслед неслось злобное шипение королевы дня:

– Что, «Аленушка», заводишь друзей среди обслуживающего персонала? Не ожидала от тебя!

Люба сделала вид, что не слышит. Гораздо больше она волновалась, что сейчас её замучают нотациями по полной. За ссору, за злость, за то, что чуть не ударила Соболеву. А если администратор решит сообщить об инциденте её дяде...

Но, нет. Вернувшись в рабочую комнату, Маша просто протянула ей вырванный из блокнота листок, где были записаны адрес и телефон:

– Хоть ты и не победила сегодня, но все равно боролась до самого конца. Так что не опускайся до уровня Соболевой. Учти ошибки и постарайся их больше не совершать. И однажды ты поймешь, что многого достигла! Есть люди, которым не все равно, и которые верят в тебя, Люба. Знаю, как порой важно это услышать. Жду тебя в следующие выходные в гости. Пиши эсэмэски!

Люба на мгновение замерла, затем очень быстро, дрожащими пальцами спрятала листочек в карман джинсового сарафана. А после порывисто обняла администратора Машу. Затем, отстранившись, лукаво подмигнула ей перед тем, как уйти:

– Спасибо за все. И за прическу, и за то, что остановили меня. Я обязательно приду к вам в го

Глава 6. Живой манекен

Люба вспомнила, что оставила вещи от спонсоров в примерке уже на крыльце «Шелка». Пришлось возвращаться. Конечно, снова сталкиваться с Соболевой не хотелось. Просто видеть эту кикимору в ближайшем столетии будет неприятно.

«Но, что же делать? Мне нужны эти пакеты. Лучше завести их сегодня в агентство, а завтра – отдохнуть. Да и дядя голову оторвет, если узнает, что я потеряла вещи спонсоров», – огорченно думала девочка, снова пересекая просторный холл.

И тут она с удивлением заметила, как в примерку заходит мужчина. Был он статен, высок, в нелепой шляпе-цилиндре и с кожаным портфелем в руках. Когда неизвестный скрылся за приоткрытой дверью, Люба, ощутив укол любопытства, на цыпочках подошла ближе, но заходить не стала.

Соболева уже переделалась в модные джинсы и, совершенно обычную на вид, серую футболку. Не слишком аккуратно засовывая свой костюм в большой пластиковый пакет, она громко ойкнула, когда ее окликнули со спины:

– Соболева Евгения Макаровна, не так ли?

– Кто вы такой? Я уже ответила на все вопросы Светлане... – нахмурилась Женька, повернувшись и скрестив руки на груди. Наверное, за этот день ей уже хватило, и поздрав-

лений, и журналистов.

Мужчина, не торопясь, поправил шляпу на голове. Ощущалось в его жестах что-то неестественное, механическое:

– Я пришел к вам с очень заманчивым предложением. Рассчитываю на понимание и присущие вашему возрасту амбиции.

– Пойдите-ка... – Женька прикусила губу, стараясь выглядеть спокойно, но Люба, выглядывающая из-за двери, заметила, как Соболева осторожно подбирает слова, чтобы не нахамить. – Наверное, вы из какой-то фирмы. Решили поговорить со мной раньше конкурентов? Вы сообразительны. Но я не буду расписываться ни в каких рекламных контрактах, пока не изучу все «за» и «против». Так что можете оставить мне бумаги или визитную карточку. Завтра мой менеджер с вами свяжется... – Соболева величественно вытянула вперед руку. На запястье сверкнул браслет из зеленых камней.

– Евгения, к моему глубокому сожалению, я не могу ждать до завтра. На пребывание в этом мире нам дается только один день. Выбрать кандидата, доставить кандидата. Куда уж проще, казалось бы. Но все осложняется маленькой деталью, – представитель неизвестной фирмы сделал короткую паузу, в процессе которой всунул Женьке визитку.

Женька, как всегда, была слишком занята собой, чтобы вслушиваться в его сбивчивую, приглушенную речь. Но визитку с вытесненными на ней буквами рассмотрела:

– Делёж Дробь Один, манекен, уполномоченный Гриотами... Что за чушь?

Соболева протерла глаза, прочитала еще раз, потом вдруг расхохоталась, чуть помахивая карточкой, как маленьким веером:

– Это, что, Любка придумала? «Развести» меня? Видать, карманные деньги бедняжке девать некуда. Догадалась позвонить в передачу «Скрытая камера», курица бесхвостая! Ну, и где камера, болван?!

– Уважаемая Евгения Макаровна, от вас требуется только согласие. И больше ничего. Это делается, чтобы соблюсти закон равномерности миров. Но вы должны дать свой ответ прямо сейчас. Вы готовы последовать за мной и стать той, что изменит судьбу параллельного мира?

– Катись отсюда, пока не вызвала охрану! – Женька резко оборвала смех, и, оперев руки в боки, грозно двинулась на мужчину. Это выглядело комично – щуплый подросток наступает на крепкого, высокого дядю, пусть и немного растерянного. Но Люба не смеялась. От чужака в цилиндре веяло какой-то бездушностью, свойственной роботу, а не живому человеку. Что-то знакомое и опасное, какое-то неуправляемое воспоминание, вызванное этим мужчиной, не позволяло Любе просто войти в примерку и взять пакеты. А растущее в геометрической прогрессии чувство тревоги за Женьку удерживало девочку от того, чтобы просто сбежать, забыв о том, что видела.

– Итак, вы выбрали не добровольную, а принудительную транспортировку. Иногда такое бывает. Это не проблема для нас. Выбранного кандидата доставят в любом случае. А вот вы лишили себя некоторых привилегий.

– Принудительную-чего? – побледнела Женька, замерев на месте с открытым ртом и вытаращенными глазами. Она словно застыла, в один миг превратившись из обычной девочки, в двухмерный образ с плохой фотографии. Тем временем колдун (а как теперь Люба могла его назвать?) тоже внешне изменился. Черты лица дрогнули и стали расплываться. Спустя несколько секунд посреди гримерки стоял манекен из золотистого пластика, одетый как человек. При этом манекен был живым – он двигался, расстегивая свой гротескный кожаный портфель.

В полумраке мелькнул луч света, исходивший от жутковатой сумки Делёжа. Когда колдун повернул сумку боком к себе, словно с чем-то сверяясь, Люба почувствовала, что волосы на затылке зашевелились от ужаса. Прямо из кармана сумки ей, Журавлевой, любовался человеческий глаз. Хотя... Нет, скорее это стеклянный глаз, а не человеческий. Но он моргал, совсем как старая кукла Любы, которую ей подарила воспитательница в детском саду.

Глаз вдруг начал сиять – сначала слабо, потом все ярче, создавая узкий коридор света. Чужак, совершенно не замечая присутствия постороннего (или не заботясь о нем), повернул чудовищный портфель так, что свет из него стал па-

дать на Женьку, медленно охватывая всю ее фигуру.

В этот миг Люба забыла обо всем: и о злости на Женьку, и о собственной безопасности. Она знала только одно – что не может позволить Соболевой исчезнуть.

Возможно, если бы девочка не действовала импульсивно, все сложилось бы иначе. Например, она могла вырвать портфель из рук чужака и убежать. Или попробовать напасть на манекен со спины. Или позвать на помощь кого-то из взрослых...

Но минуты уходили, а ей просто хотелось спасти Женьку. Задиру-кривляку-Женьку, которая постоянно ставила ей «подножки» в модельном бизнесе. И Люба, ворвавшись в комнату, просто толкнула свою главную соперницу, как можно дальше в сторону. И сама попала в круглый луч света, исходящий из портфеля колдуна.

– Любка! – пораженно воскликнула Соболева, больно стукнувшись макушкой о пол, но успев заметить, как та буквально растворяется в воздухе.

Манекен из золотистого пластика огорченно покачал головой, глядя на Женьку с высоты своего роста:

– Жаль, очень жаль, Евгения. Вы пропустили занятное приключение. И Гриоты тоже будут недовольны. Но мы можем забрать из этого мира для испытания только одного человека. Сегодня мы видели добровольное согласие... Но, к сожалению, не от вас.

Соболевой показалось, что по гладкому лицу манекена

скользнула ухмылка. А затем Женя просто лишилась чувств. Она ничего не видела, не слышала и не ощущала. Ровно две недели.

Глава 7. Плакун

Любе казалось, что она падает сквозь разноцветный круглый коридор, состоящий из сменяющих друг друга колец. Словно бы она съела волшебный фрукт, уменьшающий тело, и провалилась в детскую пружинку, которую неизвестный озорник перекачивал из ладони в ладонь.

В какой-то момент почувствовав, что не может стерпеть тошноту, подступившую к горлу, девочка потеряла сознание. А когда пришла в себя, не узнала место, в которое попала.

Прежде чем открыть глаза, Люба попыталась подвигать кончиками пальцев. Ей казалось, что после такого падения от нее ничего не осталось. Даже каких-то маленьких кусочков. Ведь это – как свалиться с вершины Москвы-сити!

Наконец, девочке удалось пошевелить онемевшими пальцами. И впиться ногтями в землю. Да, под ней явно земля. Не пол, не асфальт. Но еще невероятнее ощущать дуновение ветра, разметавшего пряди волос.

Люба боялась открыть глаза. В голову лезли самые плохие мысли. Например, что она умерла там, в примерке, защищая Соболеву. А сейчас тот злобный манекен стоит рядом, и ждет, когда ее душа очнется, чтобы мучить ее. Чего только в голову не ползет, если любишь читать на ночь комиксы и фэнтези!

Открыть глаза было необходимо. И Люба сделала это, несколько минут неподвижно глядя в нависшее саваном высокое небо над головой, плавно скользящую по нему пелену облаков... и солнце!

Сначала она просто лежала, не двигаясь. Даже просто дышать страшилась. Потом собрала все силы, перевернулась на живот, стремясь закрыться от солнца. То шпарило совсем, как южное в знойный полдень.

«А, что, в загробном мире солнце тоже светит? – удивилась девочка, прижав прохладные от земли ладони к щекам. – Ой, что я делаю! Сейчас буду чумазая, как трубо-чист!»

Но ее опасения не оправдались. Оказалось, что земля, на которой она «отдыхала», была белой. Совершенно белой. Как первый снег. Или зубной порошок, только без характерного мятного запаха. Или как песок на райских островах вроде Бали. Любе доводилось о них слышать и даже рассматривать картинки, но оценить в реальности пока не удалось. Оставалось надеяться, что однажды она станет известной моделью, которую позовут сниматься на обложки известных журналов в других странах.

Люба задумчиво подперла голову кулаком, разглядывая окрестности. Они поражали унылым единообразием. Сразу стало ясно несколько вещей. Первое: Журавлеву забросило куда-то очень далеко от цивилизации. Второе: она в лесу. Третье: лес странный, ни на что не похожий. И, если Люба

обобщит свои наблюдения, то подытожит, что лес летний и зимний одновременно.

При этом снег здесь отсутствовал. Воздух был теплым, позволяя Любе не мерзнуть в ее джинсовом сарафане и легкой обуви. Никаких птиц на деревьях или надоедливых насекомых, от которых порой приходилось отмахиваться даже в Москве. Нет здесь и цветов, кустарников, травы. Никаких признаков водоемов поблизости. Просто белая рыхлая земля как в пустыне. Или на горе залежей известняка...

А деревья... Вот они особенно выделялись! Они стояли близко друг к другу, переплетая между собой множество белых, как земля, веток, лишенных листьев. Прямые и ровные узоры из одинаковых ветвей с кучей отростков неприятно напомнили Любе рисунки, изображающие строение человеческой нервной системы в учебнике по биологии.

«Точно я попала в сказку про Гретель и Гензеля. Там тоже был пугающий лес. Конечно, не белый... Но такой же опасный! Прямо чую, сейчас выйдет из-за дерева злая ведьма...»

Решив, что следует выбираться из этого неприятного местечка, Журавлева поднялась, отряхнула землю с колен, и тут заметила свою сумку, припорошенную песком. На сердце сразу стало теплее.

«Если мобильник работает, то сразу позвоню... По крайней мере, попытаюсь связаться с внешним миром!»

Люба, вздохнув, вспомнила о пакетах, оставшихся без присмотра в примерке банкетного комплекса «Шелк»: «Эти

спонсорские вещи сейчас хотя бы в родной и безопасной, или относительно безопасной, Москве. А я, вообще, где?!»

Порывшись в сумке, Люба вытащила мобильный. И не сдержала тяжелый вздох. Синий «Самсунг» со смешной стеклянной подвеской – четырехлистным клевером – разряжен. Или, возможно, сломался. В мутно-сером экране отразился нахмуренный Любин лоб.

Шансы выбраться из леса таяли на глазах.

Люба убрала телефон подальше в сумку, подавив желание швырнуть его в песок, как бесполезный хлам. Не стоит топиться. Вдруг она сумеет вернуться через ту волшебную дыру (или кроличью нору?), которая её сюда привела. А другой мобильный телефон ей все равно не купят. Да и все ее важные контакты в этом телефоне.

«Если все-таки сломался, отнесу в ремонт. Когда выберусь», – поправив на плече сумку, девочка решительно пошла вперед, выбирая путь, где светлее, и деревья росли подальше друг от друга. Она внимательно оглядывалась по сторонам, с осторожностью ступая по земле. Мало ли, какую опасность скрывает белый песок? Например, существуют зыбучие пески. Вдруг здесь и болота есть?

Мысли Любы прервал громкий женский плач. Оглушающее «аааа» доносилось откуда-то справа.

Люба, в прошлом обходившая стороной рыдающих людей, облегченно вздохнула. Все-таки в этом заколдованном месте она не одна. Прибавив шагу, девочка направилась в

сторону, откуда слышался плач, и через минуту выскочила на поляну.

Открытое место в лесу внушало надежду по ряду причин. Часть деревьев срублена. Правда, давно, и уже поросла белым мхом. Главное, деревья срублены человеческой рукой. И перевезены куда-то. Из этого следовало, что где-то не очень далеко живут люди. Остается только немного подумать и найти выход самой... Или спросить эту расстроенную женщину в белом одеянии, напоминающем платье или тунику.

Да, все-таки следовало обратиться к ней, подобрать нужные слова. Наверное, у неё какое-то горе. К сожалению, Люба не любила и не умела утешать плачущих людей. И она не знала, что случилось с незнакомкой. Девочка только надеялась, что дама не закатила истерику по той же причине, по которой и Люба сейчас здорово нервничает. Например, ее тоже забросило сюда воздушным потоком! Тогда, вероятнее всего, Журавлева лишится последней соломинки, не позволяющей ей пасть духом.

...Женщину сотрясали рыдания. Она прятала лицо от солнца и от невидимых лесных жителей в запутанных длинных волосах. Была она худая, босоногая и явно измученная.

– Простите. Вы так горько плачете! Может, я смогу чем-то помочь? – осторожно попыталась обратиться к ней Люба. Женщина в ответ зарыдала еще громче и горестнее, задрожала, сжавшись в комок.

«Надо ее успокоить. Что обычно делают в таких случа-

ях? Не знаю, никогда не пробовала выступать утешительницей. Нет у меня необходимого опыта... Вот у администратора Маши получилось бы. Она просто подошла к этой женщине и обняла бы ее», – мысленно вздохнула Люба. Девочка понимала: выбор у нее не велик. Можно и дальше скитаться по лесу в поисках выхода. А можно успокоить женщину и узнать от неё хоть что-то о месте, где они оказались.

Люба решительно подошла к женщине и обняла ее за плечи. Лица незнакомки девочка не видела. Ровно до того момента, пока опрометчиво не наклонилась к ней. В тот же миг волосы новой знакомой точно по волшебству поднялись в воздух, открывая лицо.

Журавлева заорала от ужаса. Она уже видела сегодня один живой манекен. Но тот напоминал куклу, когда сбросил магическую «маску». Сейчас же перед ней сидело существо из плоти и крови с очень бледной кожей. И без лица.

Попытка трусливо убежать, разумеется, с треском провалилась. Волосы женщины вдруг удлинились и переплелись точно хищные ядовитые змеи, и, спустя мгновение, облепили Любе ноги и руки. Словно тончайшая и одновременно прочная проволока, они держали ее, не позволяя вырваться или обороняться. И тут на девочку накатила волна апатии. Все кругом стало безразлично как грустной принцессе из старого мультфильма «Бременские музыканты», когда отец вернул блудную дочь во дворец. Страх, удивление, желание сбежать и жить – все исчезло. Мир вокруг перестал су-

существовать. Единственная необходимость – забыть обо всем и заснуть.

Перестать существовать. Навсегда. Ощутить тишину и покой...

Глава 8. Не косплеер и не актер

Темнота рассеивалась медленно. Сквозь дымку, вызвавшую временную слепоту, Люба с трудом разглядела золоченый лук, сверкающий в солнечных лучах. Стрела, вращавшаяся по своей оси, была нацелена прямо в голову Журавлевой. Древко стрелы выполнено из стекла, внутри переливается что-то зеленое, маслянистое.

Прищурившись, Люба рассмотрела и обладателя лука. Что ж. Ее спаситель (и возможный убийца в самые ближайшие минуты) пожалуй, даже хорош собой. За исключением некоторых деталей, над которыми Журавлева собиралась подумать позднее. Если исход их беседы окажется удачным для нее. И не закончится с того, чем начался...

Любе внушил уважение рост незнакомого мальчишки. В их выпуске седьмого «Б» все мальчишки – самые настоящие лилипуты. Конечно, классная, Алина Андреевна, любит повторять, что после восьмого года обучения парни растут как грибы в лесу. Или как дрожжевое тесто рядом с раскаленной печкой. Так что нет причин корчить гримасы во время урока танцев, если партнер на полголовы тебя ниже. Но Люба не хотела ждать, когда перейдет в девятый класс, и гусеницы-мальчишки, наконец, превратятся в бабочек-махаонов.

Ведь при такой нервной жизни можно и не дожить!

А еще сомнительно, что в голове у одноклассников с воз-

растом что-то переменится в лучшую сторону...

Вот почему приходилось засматриваться на юных красавчиков из агентства. К сожалению, те были старше ее, и обходили «Алёнушку» десятой дорогой. Или просто не хотели портить себе карьеру, связавшись с племянницей самого Вадима Журавлева, директора агентства «Звездный компас».

Но вернемся к «стрелку». Ростом обитатель белого леса не обделен, что Люба с удовольствием отметила. Выше ее на голову, железно! По возрасту казался ровесником, лицом – вполне европеец. Значит, можно договориться. Настораживал Любу только его вычурный костюм и волосы немыслимой для нормального парня расцветки.

– Ты меня только что спас? – спросила она, чтобы нарушить гнетущую тишину. Парень не сводил с нее тяжелого взгляда темных, как склянка с чернилами, глаз. Он просто молчал и разглядывал ее. Люба расценила это, как мирный жест, и тоже в ответ принялась осматривать его с ног да головы, отбросив пустую застенчивость.

Да, если б дядя увидел этого рыцаря с луком, обязательно постарался бы завлечь к себе в агентство! Посулил большие гонорары, заставил подписать много хитрых контрактов. Ведь красавчики на дороге не валяются, их искать нужно! А тут, на тебе, – и внешность, и обаяние. Опасная аура далеко не пай-мальчика!

– Ты косплеер? – вырвалось у Любы, когда она оглядела его с ног до головы в третий раз. Это вертелось на языке с

момента, как девочка открыла глаза. Все выдавало в нем ко-сплеера: человека, готового «влезть в шкуру» героя любого интересного фильма или книги не ради славы или денег, а во имя искусства!

У мальчишки были длинные синие волосы, уложенные... в оригинальную женскую прическу! Ну, или прическу, которая больше подошла бы представительнице прекрасного пола. Люба мысленно назвала ее «рыбий хвост».

Ровными блестящими прядями волосы лучника укладывались на правую сторону и спадали по красивому лицу лесенкой из завитков. У правого уха, с блеснувшим в нем кусочком камня цвета морской волны, волосы собирались металлическим зажимом в один пучок, который плавно переходил в короткую косицу до плеча. Синюю косу венчали два расписных бубенчика.

«И почему мобильный сломан? Вот кто мне теперь поверит, если расскажу, что встретила парня с таким гламурным причесом?!»

Костюм «лучника» тоже выглядел необычно. Именно он и навел Журавлеву на мысли о косплее. Или о съемках нового фильма с примесью фэнтези. Мальчишка щеголял в белой водолазке с коротким рукавом и приталенных брюках, расклешенных к низу, с пышными оборками по самому краю. Крайне бесполезный наряд для леса.

«Кажется, здесь модно ходить в белых вещах», – размышляла Люба, с удивлением останавливая взгляд на коротком

желтом плаще-накидке поверх простой футболки, который скрадывал мальчишеские плечи. Желтая перчатка без пальцев венчала одну из ладоней, цепко державшую направленный на нее лук. На ногах незнакомца сверкали чистотой кожаные башмаки с закрученными вверх носками.

Парень перед ней вполне мог быть актером, чересчур вжившимся в роль. А она случайно попала на съемки нового фильма. Вот и все. И этот «лапочка», исполнитель главной роли, перепутал ее с чудовищем, которое должен показательно уничтожить.

«Но если так... Та страшная тетка?! Она мне померещилась? Где она?» – Люба скосила глаза в сторону. И увидела рядом с собой кучку дымящейся жидкости грязно-коричневого цвета. Она растекалась по песку, не уходя в почву, совсем как нефть по воде, совсем как...

Ощущение, что она уже когда-то это видела, накрыло с головой. Но вспомнить, откуда оно, Журавлева не смогла.

– Что такое «косплеер»? И ты – что такое? – требовательно и в лоб спросил незнакомец. Девочка мигом уяснила, что в своих умозаключениях допустила глобальную ошибку.

Это – не съемки фильма или рекламного ролика. В её мире нет магии. А здесь она повсюду. Даже в первых встречных людях. А, значит, сейчас она не в Москве. Не в Подмосковье. Не за рубежом. И даже не на планете Земля. А космос знает где! Но тогда, как же она понимает чужую речь? По закону жанра, они должны с этим мрачным парнем объяснять-

ся знаками. А он болтает на хорошем русском языке. Правильном русском. Без всякого неприятного акцента, с которым Любе приходилось сталкиваться на работе в агентстве, и злиться оттого, что нужно вслушиваться в каждое чужое слово.

Тут к горлу подкатил тугой комок. А она сама по-русски говорит? Может, она, Журавлева, попала в будущее? Здорово бы, конечно, увидеть мир лет через триста, а потом вернуться домой, и давать эксклюзивные интервью, как девочка, преодолевшая пространство и время. Или написать книгу фэнтези. Или собрать ряд исторических фактов, а потом разбогатеть на исключительно точных прогнозах! Когда-то давно Люба мечтала оказаться Алисой из серии книг Кира Булычева. Но, разве такое возможно?

– Я? – Люба ожидала от собеседника больше логики в постановке вопроса. Но ехидничать по поводу умственного развития «стрелка» неразумно. Мысль о том, что она сейчас где-то «где все по-другому», привела ее к выводу, что не нужно действовать сгоряча. Ее чуть не убила тетка без лица. Не зная здешних порядков, легко попасть в неприятности. Правильно сейчас – заручиться поддержкой сильного. А «сильный» стоял перед ней с блистательным золоченым луком в руках и не улыбался. Значит, следует как-то разрядить обстановку.

– Я – человек. Меня зовут Люба. Журавлева Люба. Приятно познакомиться, – она с самым серьезным видом подня-

лась, сделала несколько шагов, и смело протянула «не-косплееру» руку в надежде на рукопожатие. Алису во время её приключений рукопожатие частенько выручало. С инопланетянами, с людьми – со всеми и всегда можно договориться. И даже подружиться.

Но только если сильно захотеть.

Прежде Любе не требовалось «подружиться» под угрозой смерти. Да и времени на друзей совсем не было. А вот прямо сейчас от её спокойствия и доброжелательности зависело все. Конечно, те книжки про девочку из будущего – всего лишь фантастика, красивая мечта о прекрасном завтра. Но частенько Люба копировала действия Алисы. И обычно ситуация всегда оборачивалась в её пользу.

Вредный мальчишка не пожал протянутую руку. Вместо этого он шагнул к ней ближе, продолжая сверлить черными глазищами и упираясь наконечником стеклянной стрелы прямо в девичью грудь:

– Говоришь, ты – человек? Но люди боятся Мерлого леса. Обходят его стороной. Я ни разу не встречал здесь людей. Если бы своими глазами не видел, как Плакун напал на тебя, я бы решил, что ты – новая магарь.

– Кто-кто? – Люба с видимым сожалением убрала руку. Этот синеволосый даже не представляет, сколько смелости потребовал от нее простой на вид жест.

– Магарь, – мальчишка склонил голову на бок, не моргая, глядя на нее. Так обычно смотрят рыбы за стенкой ак-

вариума. – Существо, которое хотело «высосать» тебя, или съесть, как удобнее, – тоже магарь. В этом лесу магарей много. Здесь нельзя находиться. Опасно.

– Нельзя-нельзя, вот заладил! – Люба раздраженно закусила губу. – Мог бы уже убрать свое оружие, а не тыкать им, раз понял, что я – человек!

– В Мерлом лесу нельзя расслабляться. Утратишь бдительность, и, считай, что ты – не жилец, – поучительно хмыкнул в ответ синеволосый.

– Если в лесу опасно, что ты здесь забыл? И еще разгуливаешь во всем белом, как на параде! И почему магари не нападают друг на друга? К «своим» они, что, добрее?

Вместо ответа, мальчишка выдернул стрелу из лука и убрал в колчан за спиной. Продолжая сжимать лук одной рукой, он вдруг сделал еще один быстрый шаг к Любе. Крепко схватил ее за подбородок, заставив взглянуть себе в глаза:

– Так и есть, ты – теплая, живая. Человек, судя по всему. Если только Гриоты не усовершенствовали свои технологии разработки магарей. Или не отправили к нам шпионку!

Люба, не задумываясь, ударила ребром ладони по сжавшимся на ее подбородке чужим пальцам:

– Руки убрал! Куда лезешь своими граблями?

Синеволосый страдальчески закатил глаза, мол, попалась же тупица. Но лук убрал тетивой вниз в налучь за спину. Затем снова хмуро заговорил:

– Не знаю, кто ты, и откуда, и почему не слышала о созда-

ниях Мерлого леса. Но, на всякий случай, я объясню. Магари не нападают друг на друга. Для жизни им требуется энергия людей. Конечно, не все магари – паразиты. Да и в этом лесу можно встретить не так уж много видов. Часть из них довольно безобидна. Например, я даже охочусь на чоккутов. Их мясо и мех очень ценны.

– погоди! Хочешь сказать, что и за пределами леса есть эти существа?

– Магари, что не из Мерлого леса, обычно держатся подалеже от людей. Они питаются солнечным светом и безобидны. Большинство магарей за пределами Мерлого леса Озерной провинции – не паразитического типа. Но наш разговор... придется отложить... – синеволоосый вдруг побледнел, как подгнившая ягода клубники, и стал медленно оседать на землю.

Люба успела подхватить мальчишку в последнюю секунду. Тот, задыхаясь, что-то пытался ей объяснить. Сначала Журавлева испугалась, что своими разговорами навлекла на них обоих беду. Возможно из-за спины «не-кошплеера» сейчас появится отвратительный монстр как в типичном фильме ужасов. А Люба понятия не имеет, как с ними, с монстрами, бороться!

К счастью для Любы, никаких волшебных существ вокруг не наблюдалось. А синеволоосый, наконец, смог отчетливо произнести:

– Достань из моей сумки синюю коробочку. Я не могу по-

шевелиться.

Журавлева, устроившаяся рядом со страдальцем прямо на песке, с неохотой полезла в карман чужой сумки. Немного порывшись, девочка выудила из него небольшую коробку.

– Раскрой ее, – потребовал парень, ужасно зливший Любу объемом выдаваемых требований. Пришлось подчиниться. Внутри лежал красный камешек очень похожий на рубин. Но, что-то подсказывало Любе, что это не – обычный камень. Он пульсировал изнутри как живой организм! Или как здоровое человеческое сердце.

– Забыл, что остался всего один... – тихо пробормотал себе под нос мальчишка, не отрывая взгляда от камня. – Сядь рядом, отогни ворот моей кофты, Любушек.

Журавлева почувствовала, что уши краснеют. Для чего ей трогать на нем одежду? Да... и как он там ее назвал? Какая еще «Любушек»? Откуда такая производная? Не Люба, не Любаша, не Любушка, а Любушек. Это от «воробушка» что ли?

С некоторым сомнением в адекватности с трудом дышащего парня, Журавлева придвинулась к нему и отогнула воротник водолазки. Девочка искренне надеялась, что этот мрачный паренек сейчас не симулирует. С другой стороны, он мог убить ее или тяжело ранить, не моргнув глазом. Но ведь спас от магари! Чуть раньше, с неизвестными мотивами. По доброте? Или потому что захотел использовать в своих целях?

Не зная ответа на эти вопросы, Люба могла бы еще сомневаться. Но тут она рассмотрела на шее мальчишки что-то плохое. Совсем плохое. Совершенно не попадающее под определение «норма».

Это был громоздкий и уродливый на вид металлический ошейник, намертво приросший к коже. В нем слабо мерцали семь камней, точь-в-точь таких же, как тот, что был спрятан в коробочке. Один из камней горел ярче остальных. Другие, словно гаснущие лампочки, бросали лишь слабую красноватую тень на ладонь Любы.

– Чего ждешь? Замени один из камней! – властно поторопил ее синеволосый.

Люба неохотно, но выполнила его требование. Едва она вставила новый «пылающий» камень в металлическую оправу, как тот, что она заменила, превратился в горстку пыли.

– Что за?! – она вопросительно посмотрела на лучника, который, кажется, снова обрел способность двигаться.

– Все вопросы – потом. Не представляешь, как я завидую, что у тебя нет этой штуки на шее... – мальчишка пошевелил сначала кистями рук, затем плечами, и глубоко вздохнул. – Не спрашивай меня ни о чем. Мы должны выбраться из леса до темноты. Тебе придется помочь мне встать на ноги. Сам я не могу...

– Но, что с тобой случилось? Похоже на приступ морской болезни... Или... просто какой-то болезни, – Люба послушно помогла ему подняться с земли и даже позволила опереть-

ся о свое плечо.

Синеволоосый махнул рукой прямо:

– Поможешь мне добраться до дома, оставлю переночевать. Хватит уже впустую болтать, теряя драгоценное время. Пошли.

Журавлева надулась, но перечить не стала. В Мерлом лесу с каждой минутой становилось все менее и менее уютно. А еще стал сгущаться туман. Постепенно, не сразу, но очертания деревьев потонули в белесой дымке. Так и заблудиться недолго. Или напороться на острые сучья, или споткнуться о выпирающие из земли корни деревьев.

...Люба перекинула руку лучника себе на плечо, и, подерживая его за талию, помогала ему двигаться вперед. Туда, куда он показывал. Ребята довольно долго брели по густому лесу. Новый знакомый двигался очень медленно, морщился то и дело, как будто испытывая сильную боль. Девочка боялась, что он ранен, просто не признается. Защитить сейчас она не смогла бы даже себя. Вот почему Люба вздрагивала от любого шороха. Ко всем неприятностям, как назло, добавилась жажда и чувство голода. Может, потому что из душной Москвы она выбралась на свежий воздух? Но, уж лучше бы не выбиралась...

Тут же вспомнился кусочек жареного мяса, приправленного клюквенным соусом, который подавали в «Шелке». А еще – сладкий вишневый сок. Складывалось ощущение, что прошло гораздо больше времени, чем пара часов. И она не

ела ничего, как минимум, сутки. Сейчас Люба с удовольствием запихнула бы в себя даже диетический омлет или салат с оливковым маслом, сделанный Михайловной.

Глава 9. Дорога из Мерлого леса

Когда они подошли к высокому крепкому дереву с пятью извилистыми стволами, лучник сказал:

– Теперь свернем налево. Не дрожи так. Здесь, недалеко от озера, нас не тронут. Редкие магари бросаются за движущейся добычей. Особенно когда та почти достигла границы леса.

Люба оценила эту трогательную заботу об ее душевном состоянии:

– Тебе лучше? Ты не ранен? Я бы хотела знать, как тебе помочь. Но я впервые вижу, и ошейник на твоей шее, и красный камень, и Плакуна. Мне страшно! Пообещай хотя бы не умирать, прежде чем мы покинем этот лес.

Синеволосый коротко вздохнул. В угольках глаз вспыхнула и тут же погасла злость. Журавлева не собиралась отступать, хотя такая реакция на простые вопросы ее пугала.

– Ты все еще не поняла, верно? В том, что мне сейчас плохо, есть твоя вина. Я убил Плакуна, а он оказался силен, лишив меня остатка «тепла». Или эмоций, как тебе больше нравится. Те камни, что в моем ошейнике, контролируют поток эмоций. Заменяв всего один, ты спасла мне жизнь. Не пополняя запас, я могу превратиться в манекен. Мне нужны деньги, чтобы покупать эти камни, так называемые «тепловики». А из-за тебя я лишился сразу шести камней в ошейнике.

ке. Ты – одна сплошная неприятность! Я собирался просто поохотиться на чоккутов. А ты все испортила!

Слушая злобные сбивчивые объяснения спутника, Люба не выдержала и больно пихнула его локтем под ребра. Мальчишка ойкнул и сжал ее плечо с такой силой, что, наверное, остались синяки:

– Смерти захотела?!

– Я просто поражаюсь, как парень может столько жаловаться! Раз твоя работа – шататься по этому лесу круглые сутки...

– У меня есть и другая работа!

– Ерунда! Раз ты приходишь сюда, то должен быть готов к таким магарям, как Плакун! А чего только стоят эти твои бубенчики на волосах! Их перезвон, конечно, совершенно никто не слышит! – возмущалась Люба.

– Я умею двигаться бесшумно. И с колокольчиками тоже проблем нет. А тебе советую сбавить тон! И да... Не лезь, куда не просят! Лучше на свой дикий наряд посмотри!

Люба обиделась:

– У меня хороший джинсовый сарафан от фирмы «Коллинз». А ты дурак-косплеер!

– Не знаю, что означают эти слова, но напомню, что собирался приютить кого-то у себя дома. Так что... помолчи, пожалуйста, – синеволосый сердито хмыкнул.

– Все равно не понимаю, – уже скорее по инерции бурчала девочка, – ты же должен предвидеть такие ситуации. То, что

магари тебя заметят, и нападут.

– Должен. И предвижу. Я специально выпиваю зелье, отпугивающее магарей. Но оно не означает, что моя охота всегда будет безопасной. Случайности исключать нельзя. Раньше я просто обходил Плакунов. Эти создания сильны по уровню магии, скрываемой внутри их тел. Они нападают, заманивая. Поверил, значит, пропал. Не бросаешься в их холодные объятия, чтобы утешить – скорее всего, останешься в живых. Убивать их мне не случалось. Я и не знал, что это разом сломает «теплоки»...

Лучник погрузился. Кажется, больше не злился. Люба была рада и этому.

– Спасибо, что спас меня. А что это за чоккуты, на которых ты охотился?

Девочка твердо решила продолжать беседу. Даже, если придется вытягивать из угрюмого красавца по одному слову. Молчать хуже. В информации есть сила. Люба надеялась, если не принять, то, хотя бы, попытаться понять мир, в который ее забросило по милости манекена, заявившегося в «Шелк».

– Чоккуты или травоглоты – это магари, созданные Гриотами. Довольно безобидные твари. У них очень вкусное мясо и красивый мех. Внешне похожи на белые меховые комочки с очень маленькими глазками. Их не видно из-за густой белой шерсти, как будто глаз совсем нет. Зато у чоккутов есть длинные усы, с помощью которых они ищут корни и траву.

И большой беззубый рот.

– Погоди, – заинтересовалась Люба, – как это они пережевывают пищу, если у них нет зубов?

– Растительная пища растворяется во рту у чоккутов. Не перебивай, это некрасиво.

– Хорошо не буду. Извини, – смутилась Люба. – А есть в них, в этих чоккутах, еще что-нибудь интересное? Много нужно сил, чтобы их изловить? Ты сегодня поймал хоть одного?

– Из-за тебя – нет! – сердито фыркнул парень, но, тут же, смягчился, когда запнулся, а Люба удержала его от падения. – Охотиться на чоккутов сложно, и даже опасно, если не знать правил. К ним лучше подкрадываться, пока они спят. Главное, успеть накинуть на них магическую сеть, как можно скорее. Если случайно разбудить чоккута, не успев пленить его, тот от испуга может увеличиться в два, а то и в шесть раз! И просто раздавить горе-охотника.

– Мне почему-то жаль чоккутов, – вздохнула Люба. – Они, наверное, милые. И убивать их – все равно, что травить котят.

– Знаешь что, – лучник бросил в ее сторону сердитый взгляд. – Если бы не эти деньги, то у меня не было бы «теплоков», и ты была бы уже мертва! Так что хватит с умным видом рассуждать о морали. Я считаю, что все волшебные существа – пусть, местами и необходимое, но зло. Они слишком долго мешают нам жить... Если однажды моя мечта осу-

ществится, все они... – мальчишка осекся под ее взглядом и вдруг покраснел, добавив после короткого молчания:

– Ты не думай, что, раз я тебя спас, то считаю человеком. Нормальные люди не болтаются по Мерлому лесу в одежде огородного пугала. Если ты – новый вид магарей, я выгодно продам тебя. И все. А если ты шпионка со стороны Гриотов, не жди в Озерной теплого приема.

– Озерная? М-м-м, что-то ты такое упоминал...

– Так зовется наша провинция. Туда мы и направляемся, – задира передернул плечами.

– Может быть, тогда пора нормально познакомиться, мистер хам и ворчун? Чем докажешь, что сам-то – человек? Ты тоже выглядишь подозрительным!

Её способность видеть во всем хорошее таяла на глазах. Помогать мальчишке идти было нелегко. Правую руку оттянула собственная сумка, а плечо, на которое с силой опирался лучник, совсем онемело.

– Хорошо, Любушек Журавлева, я представлюсь, – согласился с ней раненый, явно обиженный ее последним замечанием, – меня зовут Даньяр Рэм. Как тебе кажется, имя вполне человеческое?

– Вот и познакомились, – вздохнула в ответ Люба. – Так бы сразу. А ты что устроил?

– Почему я должен рассказывать о себе первой встречной девчонке? Я все равно тебе не верю, ненормальная!

– Сейчас точно кого-то брошу умирать в лесу! – топнула

ногой Люба. – С чего это я ненормальная? Две руки, две ноги и голова.

– Ты говорила, что я – плохой охотник, – злопамятно напомнил ей Даньяр, передразнивая. – Ни один человек в Озерной не смеет так разговаривать со мной. Они боятся лишний раз взглянуть в сторону дома Рэмов! А ты – наглая грубиянка, разгуливающая по лесу почти раздетой!

– На мне сарафан! Ух, и бесишь! – Люба могла бы пришлепнуть к этим словам пару горячих комментариев. Но тут как раз деревья расступились, и они вышли к огромному гладкому, точно гигантское зеркало, озеру. Оно напоминало великанье блюдце, заполненное прозрачным, точно слеза младенца, березовым соком.

Солнце медленно клонилось к горизонту. Красно-желтые лучи скользили по белым веткам, оставшихся за спиной деревьев. Заливая потоком золотистого света озеро, лучи сверкающими дорожками разбегались по воде в разные стороны. Подняв голову, Люба разглядела вдали крыши домов, расположенных по правую руку, и, чуть левее, высокие башенки, напоминающие детскую площадку в благоустроенном районе.

– Нам нужно обойти это озеро, Люба, – тихо вздохнул Даньяр, который, похоже, тоже устал ругаться.

«Наконец-то! – мысленно обрадовалась девочка. – Если столько злиться, можно отравиться собственным ядом!»

– Значит, ваша провинция названа так, потому что распо-

ложилась возле озера?

– Вроде того. Озеро именовали Волнистым. Оно глубокое даже рядом с берегом. Сюда, по приказу Гриотов, были отправлены последние виды водных магарей – Нептунисов. Здесь для них идеальные условия. За чистотой озера тщательно следят. Нептунисы редко контактируют с людьми и живут глубоко под водой. Но те, кому удавалось их увидеть, говорят, что они очень красивые. Вот только с рыбьими хвостами. И, все как один, – мужчины, – с ноткой превосходства в голосе прибавил Даньяр.

– Если вспомнить, как ты любишь магарей, ты и их бы, наверное, хотел извести, – уколола его Люба. Новую ссору она не планировала, но горе-охотник ее умело провоцировал.

– Ну и что? Должно же в нашей провинции быть что-то особенное. И я тебе рассказывал про наше замечательное озеро, а не про Нептунисов!

– Ладно-ладно, – поспешила с ним согласиться Люба.

Они медленно шли, обходя озеро, по едва заметной тропинке среди высокой травы. Большинство растений Люба видела впервые.

– А вы не боитесь купаться в таком глубоком озере?

Даньяр изумленно посмотрел на нее:

– Мы не купаемся в Волнистом. Общаться с Нептунисами строго запрещено.

– Ну, а если на улице жара? Подумаешь, взял, и разок окунулся. Не вижу здесь охраны! Может, все же, хоть лицо и ру-

ки вымоем? Я едва не умерла, пока тащила тебя из леса. С меня три пота сошло, так что...

– Так что, будь добра, помолчи немного, и ускорь шаг, Любушек, – Даньяр ущипнул ее за плечо. Журавлева поморщилась: не больно, но все равно неприятно. А лучник тем временем продолжал ворчать, – даже если купаться в озере не запретили, для юных особ вроде тебя это неприлично. Нептунисы мужского пола. Что тут непонятного?!

Люба уже собиралась высказаться относительно такой дискриминации, но замерла, подняв голову вверх. Даньяру тоже пришлось остановиться. Парень бросил на нее усталый взгляд:

– Ну, а теперь-то, что?

Девочка вместо ответа ткнула пальцем в небо. Рэм все понял. Сейчас и он услышал крики пролетающих птиц:

– Ты что, никогда птиц не видела?

Люба ответила не сразу. Ну, конечно, птиц такой окраски в Москве трудно отыскать. Своими радужными перьями они походили на попугаев. Но были для этого слишком крупными, размером с орлов. Каждое перо, то и дело, вспыхивало золотом в лучах заката, словно было покрыто акриловой краской перламутрового оттенка. Так могли бы выглядеть жар-птицы из старых сказок или мистические жители солнца, наделенные крыльями, которые каждую свободную минуту купались в золотом песке.

У птиц имелась еще одна уникальная особенность. Лю-

ба прищурилась, рассматривая пернатых. Нет, ей не показалось! Одна пролетевшая пара, за ней – другая... Они пугали и очаровывали одновременно. У птиц было всего по одному большому крылу, и, тем не менее, они уверенно держались в воздухе.

– Как... – выдавила из себя Люба, – как они летают с одним крылом? Разве они не должны упасть на землю?

– Глупая, – неожиданно усмехнулся Даньяр. – У них точно есть два крыла, уж поверь мне. Просто одно из крыльев – невидимое. Эти птицы – не паразитические магари, и могут питаться солнечным светом. Им нет нужды нападать на людей. Однокрылы держатся от людей подальше. Даже просто увидеть их, к большой удаче. По крайней мере, в Озерной в это верят... Однокрылы выбирают себе пару один раз и на всю жизнь. И, после этого, уже не расстаются, потому что могут умереть от тоски.

– Значит, птицы-однолюбы с прозрачными крыльями... – удивилась Люба. – Какие все-таки интересные эти птички!

– Да уж. Про однокрылов есть еще легенда. Будто перед смертью они могут подарить свои крылья человеку. Но не верь в красивые сказки, дурочка. Кстати... Почему я работаю для тебя проводником и рассказчиком совершенно бесплатно?

– Хочешь сказать – гидом? – автоматически поправила его Люба. – Просто отвечаешь любезностью на любезность. Ведь я помогаю тебе добраться до дома.

– Гляди, я забуду, что обещал тебе приют на ночь!

– Слушай, мне вот интересно. Если ты – лучник, почему не блондин? В исторических фильмах и экранизациях фэнтези, лучники, как правило, с длинными светлыми волосами! Вот вспомнить хотя бы Леголаса...

– В твоей голове каша, Любушек! Похоже, ты оказалась здесь по вине собственной глупости. Помолчи, пожалуйста, пока мы не доберемся до дома.

Люба обиженно прикусила губу. Но ей не оставалось ничего другого, кроме, как выполнить его просьбу.

Глава 10. Особняк семьи Рэм

Они подошли к дому, когда солнце село. По небу быстро расплзлись черные облака, предвещавшие или грозу, или дождь. Поднялся сильный ветер. Люба пожалела, что не взяла с собой легкую кофту, которую можно накинуть на плечи. Но устала она куда больше, чем замерзла. Хорошо, что дом Даньяра оказался крайним в поселке. Кажется, еще пара часов в пути, и Люба упала бы, не в силах пошевелиться.

Они стояли перед домом, чьи окна приветливо светились, подмигивая усталым путникам. Свет совсем не походил на электрический. Слабый и рассеянный – от масляных ламп или свечей. Но сам дом, выстроенный из белого камня, производил сильное впечатление. Наряднее всего смотрелась веранда на втором этаже, украшенная резными панелями.

Девочка задумалась на секунду, на что похож по форме дом Даньяра. И сделала вывод, что неизвестный архитектор пытался создать гигантскую каменную лампу. Лампа-дом состоял из трех этажей: нижний – самый широкий, второй – поменьше, третий – довольно просторный. Лохматая старая липа скрывала верхнюю часть здания толстыми ветками и звенящей густой листвой. В воздухе витал медовый аромат цветов и хмеля, побеги которого увивали все три этажа.

Крышу дома покрывал гладкий, как эмаль, материал, тускло поблескивающий в отблесках вечерних огней. Богато

украшенная веранда находилась на втором этаже. По её периметру располагались несколько фонариков, освещавших двор.

В целом, большой дом напоминал творение душевнобольного дизайнера, обладавшего на редкость дурным вкусом. И все же, размеры и внешнее убранство впечатляли. Но огорчало, что дом выглядел запущенно: белый камень порос мхом даже рядом с окнами. Часть оконных проемов была заколочена самыми обычными досками.

– Говоришь, что у тебя нет денег? Но дом твой явно не из дешевых. Или в вашей Озерной у каждого по такому? – вскинула брови Люба. Перед тем, как подняться на крыльцо, Даньяр потребовал у нее снять обувь и оставить у входа в дом.

Мальчишка не удостоил ее ответом. Только громко фыркнул и со всей силы стукнул деревянной колотушкой, прибитой к двери. Люба поняла, что эта массивная вещь заменяет современный звонок. Внутри слышались шаги. Дверь чуть слышно скрипнула, и в проеме появилась седая голова в мятой кепке:

– Дэн, я так волновался! Куда ты пропал? Обещал вернуться из Мерлого леса еще до полудня, несносный ребенок! Почему не жалеешь старика? Если еще раз... – в эту минуту дедуля заметил Любу и прикусил язык. – О, так ты не один! Понятно, почему задержался. Ну, проходите, проходите. Ужин давно на столе... Наверное, остыл.

– Она есть не будет! – коротко бросил Даньяр, пока они все вместе шли по длинному коридору, уставленному кадками с растениями самых разных цветов и форм.

– Интересно почему? – удивился дед, и обратился к Любе, – ты разве не голодна?

Люба быстро помотала головой. По ее смущенному лицу и краснеющим щекам старик все понял:

– Дэн, ты можешь говорить, что угодно. Только уясни, пока в этом доме хозяин – я, и не позволю оставлять гостей голодными. Тем более девочка помогла тебе в лесу... Твои родители, наверняка, не одобрили бы...

Даньяр, все еще опиравшийся на Любино плечо, только презрительно фыркнул. Девочка подумала, что он, совсем как кот со скверным нравом, что шипит на чужаков, и даже на самих хозяев, если те призывают его к порядку.

Несмотря на враждебность Даньяра, Люба в какой-то степени была даже благодарна ему. Она тоже с подозрением относилась к чужим людям. Если бы юный Рэм не бурчал, девочка подсознательно ждала бы подвоха от новых знакомых. Но Даньяр держал себя с ней грубовато и надменно. В этом девочка видела знакомую манеру поведения дяди Вадима и принимала ее за искренность. Юный Рэм не вызывал у нее плохих предчувствий. И, оказавшись у него в гостях, Люба чувствовала себя почти комфортно. Совсем как дома.

Дед Даньяра немного повозился с засовом, закрывая входную дверь. Потом, шаркая, обогнал их, освещая тусклый ко-

ридор светом фонаря, и показывая Любе, куда вести раненого. Это оказалась небольшая круглая комната (возможно, гостиная?) с мягким диваном, столом и шкафом, стоящим вплотную к стене.

Люба помогла Даньяру устроиться на диване. Затем, с видимым облегчением, села рядом, рассматривая скудную обстановку.

– Значит, вы познакомились в Мерлом лесу? Вот же случай! – дед поставил фонарь на стол перед ребятами. Те зачарованно наблюдали, как из темноты к нему слетела бабочка, и, сложив крылышки, замерла.

Старик открыл шкаф, погромел там посудой и бутылками. Потом достал из недр старой мебели закрытую деревянной пробкой колбу, которую тут же вручил Даньяру:

– На, выпей. После того, как ты почти лишился сил, это будет в самый раз. Хорошо, что у нас еще остался запас. Но, может, не стоило так безрассудно вступать в схватку с сильной магарью? Ведь у тебя есть зелье, позволяющее избежать столкновений...

– Не ругайте его, Даньяр спас мне жизнь! – горячо воскликнула Люба. Даньяр с досадой покосился на нее. Словно его бесило, что за него заступались. Как будто это не снимало с него ответственность, а лишь добавляло ее. Защита от девчонки, мол – ну, что может быть хуже?!

Дед Даньяра перевел на неё мудрый взгляд. Изучал с минуту, потом громко расхохотался. Обстановка вмиг разряди-

лась:

– Не помню, когда у тебя, внук, последний раз появлялись защитники! Как твое имя, храбрая девочка?

– Люба Журавлева, – смущенно кашлянула она в ответ, и устала на свои, крепко сжатые в замок, руки.

– А меня кличут Морий Рэм. Очень приятно познакомиться, Люба. Я впервые за долгое время вижу, как мой внук приводит домой друга.

Старик убрал руки за спину и склонил голову набок с самым довольным видом. Сейчас Журавлева рассмотрела его, как следует. С окладистой седой бородкой, в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, и в клетчатых, местами потертых, брюках, он выглядел самым обыкновенным дедушкой. Или сильно постаревшим папа Карло из сказки про Буратино!

– Не друга, а магарь неизвестного вида, – сердито откликнулся Даньяр.

– Ну-ну, не обижай Любу. Магарь не может переступить порога этого дома. Ты же помнишь о защите, которую установили твои родители? Люба – самая обыкновенная девочка. Разве что ее одежда вызывает вопросы. Но, похоже, она не из наших мест... – Морий Рэм вопросительно посмотрел на Любу.

– Она утверждает, что прибыла из другого мира, – ответил за нее Даньяр, который как раз приняховался к содержимому колбы и морщился. Люба отлично понимала его: мерзкий

запах у лекарства разъедал даже ее нос.

– Похоже, что девчушка говорит правду, Дэн, – кивнул старик. – Может, она – наша новая Странница?

Даньяр исподлобья взглянул на него:

– А я тогда – танцовщица в замке династа! Ты, что, забыл? Странница не может появиться в лесу! Столь уважаемую личность встречает сам династ, который и представляет её народу и гномам.

– У вас есть гномы? – встрепелась Люба, услышав знакомое слово. – Они...хम्म... тоже магари?

– С чего бы? – даже не повернулся в ее сторону Даньяр. – Они – часть нашей Солнечной страны. Всегда жили здесь. Их кровь такая же горячая, как и у нас...

– Понятно. Ну, извини за вопрос, – вздохнула Журавлева.

– Нам известно, что мир, из которого один раз в двадцать лет приходят Странники и Странницы, не похож, на наш. Но там живут обычные люди, из плоти и крови. Завтра же отведи девочку к гномам. Возможно, она – действительно «Странница», та, кому суждено спасти нашу страну. А сейчас, пей уже зелье восстановления! И пойдем ужинать. – Дед Даньяра поправил съехавшую набок кепку и с чувством стукнул кулаком по столу. В ответ на его действия фонарь чуть вздрогнул, а бабочка, сидевшая на нем, улетела обратно под потолок.

Даньяр скривился, но не стал спорить. Любе очень хотелось спросить, как она, обычная девочка, может помочь це-

лой Солнечной стране. Но возражать гостеприимному деду не хотелось. Объяснить, что произошла досадная ошибка, можно и попозже. Как знать, вдруг эти гномы помогут ей вернуться домой?

Когда Даньяр выпил лекарство, они втроем прошли по уже знакомому коридору, заставленному кадками с растениями, в просторную кухню. По дороге дед предложил им обуться. Тогда Люба с радостью надела на ноги вязаные шлепки. Это была вынужденная мера. Среди растений в кадках попадались и хвойные, раскидавшие острые иголки по всему полу.

Стол накрывала чистая скатерть. Над ним покачивались бумажные фонарики в форме птиц-однокрылов. Сквозь распахнутое окно проникал легкий ветерок.

«Вполне обычная кухня. Разве что вместо электрической или газовой плиты у них – глиняная печь...»

При виде блюд, расставленных на столе, у Любы засосало под ложечкой. Чего здесь только не было! Ароматная картошка, соленые огурчики, круглый зерновой хлеб свежей выпечки, чесночный хлеб, кусочки вяленого мяса, тонко нарезанная копченая рыба, помидоры, печеные яблоки, пышный пирог с клубникой, маленькие чашки со свежими сливками и компот в высоком графине!

– Если она будет ужинать за мой счет, я за этот стол не сяду! – пошел в наступление Даньяр. До кухни он добрался са-

мостоятельно. Видимо, зелье с ужасным запахом оказалось действенным.

«Жаль, что оно не улучшило его характер», – вздохнула про себя Люба.

– Тогда ешь у себя в комнате! – рассердился дед. – В этом доме ты не один работаешь. Не хочешь угощать Любу, обойдись без тебя!

– Вот и отлично! – мальчишка бросил обозленный взгляд в сторону притихшей, но уже примостившейся за столом гостьи. Потом решительно взял поднос и сгреб на него добрую половину содержимого тарелок вместе со столовыми приборами. Завершив «обирать» стол, Даньяр с оскорбленным видом направился к дверям:

– Пусть не поднимается в этом доме выше первого этажа. И спит в гостевой!

Дед, возмущенный до глубины души его поведением, только руганул след. Даньяр громыхнул подносом где-то в коридоре, и, видимо, поднялся по одной из маленьких лестниц наверх. Его шаги быстро стихли.

Люба решила отбросить скромность и налетела на угощение, как ястреб на стаю сонных голубей. Она не знала, что принесет завтрашний день. Если бы та гадость в Мерлом лесу закончила свое мокрое дело, она бы, Люба, сейчас не наслаждалась вкусом печеных яблок и чесночного хлеба.

Дед, устроившийся на высоком стуле напротив нее, задымил табачной трубкой, не притрагиваясь к еде. Кажется, он

немного расстроился, что выгнал из-за стола Даньяра.

«Бабушки и дедушки всегда тяжело переносят ссору с любимыми внуками. Особенно когда хотят их вкусно накормить, а не воспитывать», – подумала Люба. Ей стало, немного жаль, что у нее все не так. Дедушку и бабушку она не знала. По словам дяди Вадима, те рано ушли из жизни.

Люба от души наслаждалась ужином. Если постараться, во всем плохом можно найти повод улыбнуться. То, что Люба застряла здесь означает, что рядом нет Ольги Михайловны. Следовательно, можно радоваться маленькому пиру, который устроил чужой добродушный дедушка!

Некоторое время девочка беззастенчиво пробовала все подряд. Последним ее лакомством стали сливки. Вот уж чего себе не могла позволить модель! Но Люба понятия не имела, вернется ли она теперь в Москву, и придется ли еще выступать. Так зачем отказывать себе в удовольствии? Сливки оказались нежными, но не приторными, и буквально таяли во рту. Она осушила внушительную пиалу в розочках за один добрый глоток.

Встретившись взглядом с дедом Морием, Журавлева почувствовала, что кончики ушей краснеют. Ну да, на аппетит она не жалуется. Но ведь он сам предложил ей поужинать!

– Ты уж прости моего внука, – Морий проводил грустным взглядом новое кольцо дыма, вырвавшееся из его глиняной трубки. – Просто он не верит, что его, а, тем более, Солнечную страну, может спасти какая-то Страница.

Люба облизнула побелевшие от сливок губы:

– А чем отличается эта Страница от прочих людей? Вы утверждаете, что я – это она, только потому, что меня занесло к вам из другого мира. Но вдруг таких людей много? Раз возможность путешествовать между мирами существует...

– Странники – это спасители. Он или она могут появиться в землях Солнечной страны не чаще одного раза в двадцать лет. Последний раз было именно так... Гриоты выбирают человека в возрасте до пятнадцати лет и заставляют его пройти три испытания. К сожалению, дальше первого пока никто не продвинулся...

Люба нахмурилась:

– Испытания? Но ради чего? Ваша провинция выглядит вполне мирно. Это какая-то забава: принуждать чужих людей к участию в неизвестной, и, боюсь подумать, – опасной игре?

– Принуждаем не мы, а Гриоты. Это их развлечение – раз за разом смотреть, как разбиваются надежды простых жителей Солнечной страны. К сожалению, мы, те, кто родился на этой земле, не имеем права защищать ее. Только Странники, перешедшие грань между мирами, могут изменить судьбу.

Морий Рэм затушил трубку, встал из-за стола и подошел к печи, на которой тихо скворчал чайник. Люба видела, как угольки в печке вспыхивали и снова гасли, перед тем, как рассыпаться в пепел.

– Чайку? – спросил дед Даньяра. Она кивнула. Аромат

свежих листьев черной смородины и мяты, которые старик бросил в заварочный чайник, наполнил кухню.

Старик сосредоточенно помешивал сахар в чашке, даже не глядя на Любу. Его мысли витали очень далеко, и девочке было неловко возвращать Морю к их беседе. Но вдруг он заговорил. Голос деда изменился, в нем появилась некая напевность. Словно он рассказывал эту историю не раз, и не два. Люба догадалась, что предыдущим слушателем вполне мог быть Даньяр.

Глава 11. Прошлое Солнечной страны

– Есть легенда, которую передают из уст в уста жители Солнечной страны. И ты, Люба, послушай.

Когда-то на заре времен, там, где не ступала нога человека, не было ничего, кроме темного мрачного Леса. Жуткий, кишачий скользкими тенями и пропахший зловонью, таким был Лес, где правила тьма. Но, каждую ночь, всего на один час, Лес становился светлее. Это случалось, когда с неба спускался ребенок. Солнечный мальчик, так мы его зовем. Он гулял по Лесу, играя на флейте, и деревья расступались перед ним. Тьма рядом с ним превращалась в свет, а грязь под ногами – в алмазную пыль.

Что искал Солнечный мальчик в самом темном Лесу – неизвестно. Но его появления ждали все. И больше всех Болотная Ведьма. Она выбиралась из грязи и тины, надеясь услышать его песню. Была она единственной разумной говорящей тварью в Лесу. Но, увидев Солнечного мальчика издали, сбежала обратно в свое болото. Ей стало страшно, что тот не примет ее такой, какая она есть. Ведь она воплощала в себе все ужасы темного Леса. Болотная Ведьма не искала очищения, что дарила песня мальчика. Она желала только, чтобы он заметил её, чтобы принял как равную.

Время шло. Болотная Ведьма боялась показаться на глаза Солнечному мальчику. Однажды она собрала все лесные тени и попросила у них помощи. Ведьма хотела стать красивой, чтобы Солнечный мальчик не испугался и не сбежал раз и навсегда, увидев ее.

Лесные тени внимательно выслушали Ведьму. Они пообещали, что помогут ей измениться. Сбросить кожу, покрытую зеленью, струпьями и волдырями. Стать уже не Болотной ведьмой, а Королевой темного Леса.

«Но, есть условие, – говорили они, – все не так просто. Чтобы родилось что-то красивое и новое, старое и уродливое важно уничтожить».

Болотная Ведьма не знала страха. Она видела себя Королевой Леса, и потому добровольно отдала свое тело теням, как великую жертву. Ведьма грезилась о перерождении.

Так куски ее плоти растерзали на части, проглотили и разжевали те, кому она доверилась.

Но лесные тени обманули глупую Ведьму. Они с самого начала не собирались дарить ей красоту. Наоборот, они сами искали жизни через нее, через добровольную жертву. Поглотив тело и кости Ведьмы, твари обрели невиданную магическую мощь. Они получили внешность, которая обманула Солнечного мальчика, и магию, что однажды пленила его.

Став равными лучезарному мальчику с волшебной флейтой, лесные твари провозгласили себя Гриотами. Так родилась магия, неподвластная времени и Свету. Магия, порабо-

тившая Солнечную страну. Жадная магия, которая стремится поглотить любые миры на своем пути. И ваш мир, Люба, не исключение. Это лишь вопрос времени... Вот почему тебе нужно быть храброй.

Журавлева недоверчиво покачала головой:

– Какая-то путаная история. Где связь между Страницей и всем этим?

– В сказках и легендах истина кроется под множеством слоев.

– Примерно как начинка в шоколадной конфете? – Люба как раз раскусила одну, с белым наполнителем и в яркой обертке, с нарисованными на ней гномами.

– Что-то вроде того. Хочешь знать, что случилось с Солнечной страной? К сожалению, никто не сможет тебе точно ответить. А я лишь озвучиваю догадки, если тебе и, правда, интересно.

– Конечно, интересно!

– Хорошо. Тогда слушай. Представь, что в мире множество реальностей, не похожих друг на друга. Как-то два мира, как два города или два королевства, соседствовали друг с другом. То была Солнечная страна и страна Абрис. Жители Солнечной страны обладали красотой, знаниями, долголетием, в то время как люди, населяющие страну Абрис, не имели ничего из перечисленных достоинств. Единственное, что им нравилось, – это следить за своими соседями. И вот еще деталь, отличавшая народ Абрис. Их народ захвати-

ла в плен зависть, глубокая и разрушительная. Зависть свойственна почти всем, но мудрые люди не прислушиваются к её голосу.

Однажды люди Абрис захотели стать равными жителям Солнечной страны. Они призвали самых темных бесплотных духов. И те ответили, что исполнят их желание. Но для этого потребуется великая жертва. И, потеряв рассудок, народ Абрис согласился ее принести. Они отдали старый мир и свои тела темным духам, в надежде, что умрут и переродятся счастливыми, красивыми, сильными. Только духи, получившие жертву, оказались хитрее.

Поглотив глупых людей, духи, давно искавшие возможность сбежать из нематериального мира, смогли воплотиться в реальности и именовали себя, как Гриоты. Они могли менять форму тела по малейшему желанию.

Гриоты не остановились на том, что полностью истребили население Абрис. Они хотели получить гораздо больше, чем мог предоставить их маленький мирок. И тогда Гриоты создали армию «Клыкастых» – человекообразных существ с крыльями насекомых и ядовитыми клыками.

«Клыкастые» вторглись в Солнечную страну и покорили её. Гриотам требовалось все больше энергии, тепла, эмоций. И «Клыкастые» вначале забирали все и до конца. Это было страшное время для Солнечной страны. Но потом Гриоты поняли, что нельзя только срезать пшеницу, нужно и сеять ее. И прекратили массовое истребление Солнечных.

Они придумали систему манекенов. Именно она держит в страхе Солнечную страну. Но эта система сумела внести порядок при поглощении жизненных сил. Почти все в Солнечной стране должны платить за жизнь своими эмоциями. Если ты не работаешь, или тебе нечем оплатить «теплоки» в ошейнике – превращаешься в манекен, теряя человеческую суть. Ты даже не можешь покинуть этот мир по-человечески. Печальный финал – превратиться в грудку металла, и нет ничего страшнее такой смерти. Только самые богатые и знатные семьи избежали участи стать пустыми куклами...

Но с того дня, как Солнечную страну подчинили Гриоты, в народе стала передаваться легенда. Однажды из-за невидимой стены между мирами придет человек. Он вернет прежнюю счастливую жизнь. Не будет ни манекенов, ни чудовищ, люди перестанут ежедневно бороться за выживание.

Возможно, именно эта легенда убедила Гриотов в необходимости взять под контроль появление каждого человека, которого забрасывает к нам из другого мира.

Гриоты даже согласились вернуть Солнечной стране независимость, если однажды герой выполнит свою миссию. Возможно, они боялись героя. Или тех, кто распространяет легенду. Но теперь, каждые двадцать лет появляется кандидат в Странники, специально отобранный Гриотами. Жаль, ни один из них не прошел даже первого испытания...

Вот и вся история нашей страны, Люба. Теперь понимаешь, почему я принял тебя за Странницу? Ведь только они

могут пересечь грань между мирами. Простым людям такое не под силу.

– Но я попала сюда случайно... Если всё так, как вы говорите, то Гриоты в этот раз выбрали другую девочку, не меня. И, значит, я не смогу спасти Солнечную страну, – огорчилась Люба, вспомнив Женьку Соболеву.

– Странники до тебя тоже не отличались удачливостью. Просто подумай о том, что случайность – всего лишь часть закономерности. Что, если ты – та, кого мы ждем, та, что сможет изменить нашу жизнь? Представь, что мой внук не будет задыхаться оттого, что камни его магического ошейника вышли из строя. Подумай, сколько нас таких, в этой стране! Тех, кто все еще надеется свергнуть Гриотов!

– Но я – не героиня. Даже драться не умею. Разве только подставить подножку и ударить кулаком в глаз! Из меня получится плохая Странница. И, никудышный боец... Сегодня не я спасала Даньяра, а он меня.

– Может, ты – и не Странница, и попала к нам случайно. А, может, ты просто в начале великого пути. И однажды станешь той самой героиней из легенды, Люба! – старик положил недокуренную трубку в блюдце и пригладил бороду.

Люба недоверчиво сощурилась. По правде сказать, она очень не любила, когда на нее возлагали надежды. Было ли случайным её появление в Солнечной стране? Что бормотал тот манекен, который отправил ее сюда? Что-то про добровольное согласие. Да, определенно...

– Зачем Гриотам переправлять из нашего мира потенциальных героев? – спохватилась Люба. Этот вопрос долго вертелся на языке.

– Я тоже думал над этим. Жители Солнечной страны живут надеждой. Они верят в появление «настоящего Странника». Эта вера дает им силы работать, повышает настроение, а, значит, – увеличивает поток эмоций, который поступает в тайники Гриотов. И те могут упиваться властью и могуществом еще больше, населяя Озерную и другие провинции магарями... Чем больше Гриоты получают энергии, тем больше магарей появится в землях Солнечной страны.

– Но... Если есть что-то еще? Что происходит со Странниками, которые не выдержали испытание? – заволновалась Люба.

– Эти... несчастные, – взгляд старика затуманился. – Их дальнейшая судьба покрыта мраком. Чаще всего они превращаются в манекены и остаются навсегда в Солнечной стране. Пока они смогут поставлять свои эмоции Гриотам, они полезны. Были и те, кто не выдерживал превращения в манекен и умирал. Ведь вы, Странники, совсем не такие, как мы, жители Солнечной страны.

– Получается, мне пора писать завещание? – Люба почувствовала, что левый глаз непроизвольно задергался. Да, как она и подозревала, во всей этой истории с героями-Странниками нет ничего хорошего. Желание выполнять миссию, предназначенную Соболевой, напрочь исчезло. – И сколько

там этих испытаний для Странницы?

– Три испытания. Каждый раз Гриоты придумывают что-то новое. И не все испытания безопасны... Даже во время испытания можно погибнуть, если не быть осторожным.

Дед смущенно уставился куда-то в потолок, напряженно размышляя о своем. Кажется, его радость от встречи с живым героем начала понемногу таять. Наверное, потому что худенькая девочка, которая оставила на столе гору блестящих фантиков, совсем не походила на отважную воительницу. Такая малышка сама нуждается в защите.

– Что ж, – попыталась развеселить его Люба, которая очень не любила, когда в ее присутствии у людей портилось настроение. – Может, я никакая и не героиня. И мне на замену явится другой, и очень скоро. Кто-то, более подходящий. Придется подождать. Но знаете, меня и правда мучает вопрос, зачем Гриотам таскать из нашего мира «героев» в ваш! Может, за этим скрывается что-то большее, чем просто желание повеселить толпу? Что, если их жадность, как в той легенде о Болотной Ведьме, толкает их на новое преступление? Вдруг они нацелились на наш мир? Представьте, мало им стало Солнечной страны. И, каким-то образом, появление Странников позволяет им мало-помалу менять что-то и в нашем мире?

Старик кинул на нее настороженный взгляд. Что-то в нем заставило Любу убедиться в верности своих догадок. Но вслух Морий Рэм не спешил соглашаться:

– Уже поздно, а ты устала. Если поела, то пойдем... Я привожу тебя в комнату. Там ты сможешь отдохнуть.

Люба не удержалась и скорчила гримасу. Конечно, плохо так кривляться перед добродушным дедом. Просто ей стало ясно, что Морий сам не рад, что начал этот разговор. И сейчас желал лишь поскорее его закончить.

– Дедушка, а можно спросить... – Люба порылась в кожаной сумке и извлекла из неё зарядку от мобильного. – У вас здесь можно зарядить...эмм... электричеством эту вещь?

Дед Даньяра пару раз моргнул, затем поднял «зарядное» за длинный шнур, как если бы оно было крысиным хвостиком. И лишь потом, в недоумении, вернул вещь Любе:

– Не знаю, что это, но таких игрушек у нас не водится.

– У вас здесь нет электричества?!

– Нет, дочка. А это важно? Что, вопрос жизни и смерти?

Люба отрицательно помотала головой, но в душе готова была разрыдаться. Нет, она не считала, что дядя или Михайловна поднимут «на ноги» половину Москвы из-за её исчезновения. Скорее всего, они решат, что Люба просто сбежала из дома, как часто грозилась в последнее время. Дядя точно рассердится, что она сорвала несколько рекламных съемок. Вот и все.

Гораздо больше Любу беспокоило, что придется обходиться неизвестно сколько (а, может, даже до конца своих дней!) без милых приложений в гаджетах. Вроде контакта, фейсбука, Литрес, твиттера... Она даже не узнает, сколько

получила «лайков» за последнюю фотосъемку с плюшевыми медведями!

– Есть легенда, которую передают из уст в уста жители Солнечной страны. И ты, Люба, послушай.

Когда-то на заре времен, там, где не ступала нога человека, не было ничего, кроме темного мрачного Леса. Жуткий, кишасый скользкими тенями и пропахший зловонью, таким был Лес, где правила тьма. Но, каждую ночь, всего на один час, Лес становился светлее. Это случалось, когда с неба спускался ребенок. Солнечный мальчик, так мы его зовем. Он гулял по Лесу, играя на флейте, и деревья расступались перед ним. Тьма рядом с ним превращалась в свет, а грязь под ногами – в алмазную пыль.

Что искал Солнечный мальчик в самом темном Лесу – неизвестно. Но его появления ждали все. И больше всех Болотная Ведьма. Она выбиралась из грязи и тины, надеясь услышать его песню. Была она единственной разумной говорящей тварью в Лесу. Но, увидев Солнечного мальчика издали, сбежала обратно в свое болото. Ей стало страшно, что тот не примет ее такой, какая она есть. Ведь она воплощала в себе все ужасы темного Леса. Болотная Ведьма не искала очищения, что дарила песня мальчика. Она желала только, чтобы он заметил её, чтобы принял как равную.

Время шло. Болотная Ведьма боялась показаться на глаза Солнечному мальчику. Однажды она собрала все лесные тени и попросила у них помощи. Ведьма хотела стать краси-

вой, чтобы Солнечный мальчик не испугался и не сбежал раз и навсегда, увидев ее.

Лесные тени внимательно выслушали Ведьму. Они пообещали, что помогут ей измениться. Сбросить кожу, покрытую зеленью, струпьями и волдырями. Стать уже не Болотной ведьмой, а Королевой темного Леса.

«Но, есть условие, – говорили они, – все не так просто. Чтобы родилось что-то красивое и новое, старое и уродливое важно уничтожить».

Болотная Ведьма не знала страха. Она видела себя Королевой Леса, и потому добровольно отдала свое тело теням, как великую жертву. Ведьма грезила о перерождении.

Так куски ее плоти растерзали на части, проглотили и разжевали те, кому она доверилась.

Но лесные тени обманули глупую Ведьму. Они с самого начала не собирались дарить ей красоту. Наоборот, они сами искали жизни через нее, через добровольную жертву. Поглотив тело и кости Ведьмы, твари обрели невиданную магическую мощь. Они получили внешность, которая обманула Солнечного мальчика, и магию, что однажды пленила его.

Став равными лучезарному мальчику с волшебной флейтой, лесные твари провозгласили себя Гриотами. Так родилась магия, неподвластная времени и Свету. Магия, поработившая Солнечную страну. Жадная магия, которая стремится поглотить любые миры на своем пути. И ваш мир, Люба, не исключение. Это лишь вопрос времени... Вот почему те-

бе нужно быть храброй.

Журавлева недоверчиво покачала головой:

– Какая-то путаная история. Где связь между Страницей и всем этим?

– В сказках и легендах истина кроется под множеством слоев.

– Примерно как начинка в шоколадной конфете? – Люба как раз раскусила одну, с белым наполнителем и в яркой обертке, с нарисованными на ней гномами.

– Что-то вроде того. Хочешь знать, что случилось с Солнечной страной? К сожалению, никто не сможет тебе точно ответить. А я лишь озвучиваю догадки, если тебе и, правда, интересно.

– Конечно, интересно!

– Хорошо. Тогда слушай. Представь, что в мире множество реальностей, не похожих друг на друга. Как-то два мира, как два города или два королевства, соседствовали друг с другом. То была Солнечная страна и страна Абрис. Жители Солнечной страны обладали красотой, знаниями, долголетием, в то время как люди, населяющие страну Абрис, не имели ничего из перечисленных достоинств. Единственное, что им нравилось, – это следить за своими соседями. И вот еще деталь, отличавшая народ Абрис. Их народ захватила в плен зависть, глубокая и разрушительная. Зависть свойственна почти всем, но мудрые люди не прислушиваются к её голосу.

Однажды люди Абрис захотели стать равными жителям Солнечной страны. Они призвали самых темных бесплотных духов. И те ответили, что исполнят их желание. Но для этого потребуется великая жертва. И, потеряв рассудок, народ Абрис согласился ее принести. Они отдали старый мир и свои тела темным духам, в надежде, что умрут и переродятся счастливыми, красивыми, сильными. Только духи, получившие жертву, оказались хитрее.

Поглотив глупых людей, духи, давно искавшие возможность сбежать из нематериального мира, смогли воплотиться в реальности и именовали себя, как Гриоты. Они могли менять форму тела по малейшему желанию.

Гриоты не остановились на том, что полностью истребили население Абрис. Они хотели получить гораздо больше, чем мог предоставить их маленький мирок. И тогда Гриоты создали армию «Клыкастых» – человекообразных существ с крыльями насекомых и ядовитыми клыками.

«Клыкастые» вторглись в Солнечную страну и покорили её. Гриотам требовалось все больше энергии, тепла, эмоций. И «Клыкастые» вначале забирали все и до конца. Это было страшное время для Солнечной страны. Но потом Гриоты поняли, что нельзя только срезать пшеницу, нужно и сеять ее. И прекратили массовое истребление Солнечных.

Они придумали систему манекенов. Именно она держит в страхе Солнечную страну. Но эта система сумела внести порядок при поглощении жизненных сил. Почти все в Сол-

нечной стране должны платить за жизнь своими эмоциями. Если ты не работаешь, или тебе нечем оплатить «теплоки» в ошейнике – превращаешься в манекен, теряя человеческую суть. Ты даже не можешь покинуть этот мир по-человечески. Печальный финал – превратиться в грудку металла, и нет ничего страшнее такой смерти. Только самые богатые и знатные семьи избежали участи стать пустыми куклами...

Но с того дня, как Солнечную страну подчинили Гриоты, в народе стала передаваться легенда. Однажды из-за невидимой стены между мирами придет человек. Он вернет прежнюю счастливую жизнь. Не будет ни манекенов, ни чудовищ, люди перестанут ежедневно бороться за выживание.

Возможно, именно эта легенда убедила Гриотов в необходимости взять под контроль появление каждого человека, которого забрасывает к нам из другого мира.

Гриоты даже согласились вернуть Солнечной стране независимость, если однажды герой выполнит свою миссию. Возможно, они боялись героя. Или тех, кто распространяет легенду. Но теперь, каждые двадцать лет появляется кандидат в Странники, специально отобранный Гриотами. Жаль, ни один из них не прошел даже первого испытания...

Вот и вся история нашей страны, Люба. Теперь понимаешь, почему я принял тебя за Странницу? Ведь только они могут пересечь грань между мирами. Простым людям такое не под силу.

– Но я попала сюда случайно... Если всё так, как вы гово-

рите, то Гриоты в этот раз выбрали другую девочку, не меня. И, значит, я не смогу спасти Солнечную страну, – огорчилась Люба, вспомнив Женьку Соболеву.

– Странники до тебя тоже не отличались удачливостью. Просто подумай о том, что случайность – всего лишь часть закономерности. Что, если ты – та, кого мы ждем, та, что сможет изменить нашу жизнь? Представь, что мой внук не будет задыхаться оттого, что камни его магического ошейника вышли из строя. Подумай, сколько нас таких, в этой стране! Тех, кто все еще надеется свергнуть Гриотов!

– Но я – не героиня. Даже драться не умею. Разве только подставить подножку и ударить кулаком в глаз! Из меня получится плохая Страница. И, никудашный боец... Сегодня не я спасала Даньяра, а он меня.

– Может, ты – и не Страница, и попала к нам случайно. А, может, ты просто в начале великого пути. И однажды станешь той самой героиней из легенды, Люба! – старик положил недокуренную трубку в блюдце и пригладил бороду.

Люба недоверчиво сощурилась. По правде сказать, она очень не любила, когда на нее возлагали надежды. Было ли случайным её появление в Солнечной стране? Что бормотал тот манекен, который отправил ее сюда? Что-то про добровольное согласие. Да, определенно...

– Зачем Гриотам переправлять из нашего мира потенциальных героев? – спохватилась Люба. Этот вопрос долго вертелся на языке.

– Я тоже думал над этим. Жители Солнечной страны живут надеждой. Они верят в появление «настоящего Странника». Эта вера дает им силы работать, повышает настроение, а, значит, – увеличивает поток эмоций, который поступает в тайники Гриотов. И те могут упиваться властью и могуществом еще больше, населяя Озерную и другие провинции магарями... Чем больше Гриоты получают энергии, тем больше магарей появится в землях Солнечной страны.

– Но... Если есть что-то еще? Что происходит со Странниками, которые не выдержали испытание? – заволновалась Люба.

– Эти... несчастные, – взгляд старика затуманился. – Их дальнейшая судьба покрыта мраком. Чаще всего они превращаются в манекены и остаются навсегда в Солнечной стране. Пока они смогут поставлять свои эмоции Гриотам, они полезны. Были и те, кто не выдерживал превращения в манекен и умирал. Ведь вы, Странники, совсем не такие, как мы, жители Солнечной страны.

– Получается, мне пора писать завещание? – Люба почувствовала, что левый глаз непроизвольно задергался. Да, как она и подозревала, во всей этой истории с героями-Странниками нет ничего хорошего. Желание выполнять миссию, предназначенную Соболевой, напрочь исчезло. – И сколько там этих испытаний для Странницы?

– Три испытания. Каждый раз Гриоты придумывают что-то новое. И не все испытания безопасны... Даже во время

испытания можно погибнуть, если не быть осторожным.

Дед смущенно уставился куда-то в потолок, напряженно размышляя о своем. Кажется, его радость от встречи с живым героем начала понемногу таять. Наверное, потому что худенькая девочка, которая оставила на столе гору блестящих фантиков, совсем не походила на отважную воительницу. Такая малышка сама нуждается в защите.

– Что ж, – попыталась развеселить его Люба, которая очень не любила, когда в ее присутствии у людей портилось настроение. – Может, я никакая и не героиня. И мне на замену явится другой, и очень скоро. Кто-то, более подходящий. Придется подождать. Но знаете, меня и правда мучает вопрос, зачем Гриотам таскать из нашего мира «героев» в ваш! Может, за этим скрывается что-то большее, чем просто желание повеселить толпу? Что, если их жадность, как в той легенде о Болотной Ведьме, толкает их на новое преступление? Вдруг они нацелились на наш мир? Представьте, мало им стало Солнечной страны. И, каким-то образом, появление Странников позволяет им мало-помалу менять что-то и в нашем мире?

Старик кинул на нее настороженный взгляд. Что-то в нем заставило Любу убедиться в верности своих догадок. Но вслух Морий Рэм не спешил соглашаться:

– Уже поздно, а ты устала. Если поела, то пойдем... Я провожу тебя в комнату. Там ты сможешь отдохнуть.

Люба не удержалась и скорчила гримасу. Конечно, плохо

так кривляться перед добродушным дедом. Просто ей стало ясно, что Морий сам не рад, что начал этот разговор. И сейчас желал лишь поскорее его закончить.

– Дедушка, а можно спросить... – Люба порылась в кожаной сумке и извлекла из неё зарядку от мобильного. – У вас здесь можно зарядить...эмм... электричеством эту вещь?

Дед Даньяра пару раз моргнул, затем поднял «зарядное» за длинный шнур, как если бы оно было крысиным хвостиком. И лишь потом, в недоумении, вернул вещь Любе:

– Не знаю, что это, но таких игрушек у нас не водится.

– У вас здесь нет электричества?!

– Нет, дочка. А это важно? Что, вопрос жизни и смерти?

Люба отрицательно помотала головой, но в душе готова была разрыдаться. Нет, она не считала, что дядя или Михайловна поднимут «на ноги» половину Москвы из-за её исчезновения. Скорее всего, они решат, что Люба просто сбежала из дома, как часто грозилась в последнее время. Дядя точно рассердится, что она сорвала несколько рекламных съемок. Вот и все.

Гораздо больше Любу беспокоило, что придется обходиться неизвестно сколько (а, может, даже до конца своих дней!) без милых приложений в гаджетах. Вроде контакта, фейсбука, Литрес, твиттера... Она даже не узнает, сколько получила «лайков» за последнюю фотосъемку с плюшевыми медведями!

Глава 12. Сладкие объятия сна

– Кровать я перестелил. Если что-то будет нужно – позвони в колокольчик, что на тумбочке. На всякий случай, предупреждаю: не поднимайся на второй или третий этаж. Дёнька спросонья злой. Может и ударить, не посмотрев, что перед ним девочка. Да, и еще! На кровати старая ночная рубашка. Как примешь душ, надень. Незачем пачкать постель вещами, в которых бродила по Мерлому лесу.

Сказав это, дед удалился. Люба осталась в одиночестве. Масляная лампа слабо мигала на маленькой тумбочке у окна, освещая комнату с железной кроватью и круглыми половичками на полу. В смежной с гостевой комнате находилась ванная. Свет в нее попадал со двора.

Журавлева схватила с кровати ночную рубашку, сухое полотенце (махровое, пусть и не новое, но благоухающее лавандой) и побежала в душ. Ванная обрадовала её наличием некоторых благ цивилизации: вполне нормальный туалет, и, хоть и узкая, но, все-таки, душевая с «корытцем», в которое стекала грязная вода.

Люба грустно отметила, что никаких гелей для душа здесь нет и в помине. Кусок зеленого мыла лежал рядом с жесткой мочалкой. Одинокий паук средних размеров лениво спал в ажурной паутине над окном.

«Здесь явно не хватает женской руки! Эх, мужчины! Ведь

снять паутину метлой – дело пары минут! А чем они зубы чистят? Или не чистят вовсе?» – брезгливо подумала девочка, сбегав за сумкой и извлекая из нее маленький тюбик зубной пасты и зубную щетку.

«Надолго ли тебя хватит?» – мрачно размышляла Люба, до блеска начищая зубы продукцией фирмы «Блендамед». Для Журавлевой чистота тела уже давно стала почти манией. Люба с удивлением слушала рассказы одноклассников о том, что прежде чем отправиться спать, родители загоняют их в ванную. А Люба очень любила плескаться, её не требовалось заставлять. Скорее наоборот, Михайловна частенько ворчала: «Любка, хватит воду пустить!»

Да, и в кровать её никогда не укладывали. От этого было как-то обидно.

«Зато у них в Озерной есть горячая вода! А в Москве сейчас как раз плановые отключения! Здесь же, скорее всего, вода нагревается за день и поступает в бак откуда-то с крыши. Возможно, дождевая. Или дед наполняет бак заранее. Интересно, у них в хозяйстве водятся насосы, или он на верхний этаж по ведру воды таскает? С утра вода будет ледяной, так что надо ловить момент», – умиротворенно размышляла Люба, пытаясь найти плюсы в сложившейся ситуации.

Например, у нее вполне могут получиться нормальные летние каникулы. Настоящие праздники без съемок, фотографов, зудящего дяди, немеющих рук и ног после непрерывных фотосессий.

Да, лучше всего представить, что она вдруг, как и другие дети, уехала за город к бабушке. Какая разница, что деда она сегодня видела в первый раз в жизни, и он ей не родной?

Зевая от усталости, но, чистая и довольная, Люба вышла из душа, на ходу протирая уже влажным полотенцем длинные волосы. Ей было жаль, что пришлось разрушить чудную причёску, которую смастерила Маша из «Шелка». Но волосы после долгого путешествия по Мерлому лесу испачкались. Зато сейчас, после душа сияли чистотой.

Закрывая дверь в ванную, Люба услышала негромкую мелодию, прозвучавшую из сумки. От неожиданности девочка вздрогнула и уронила полотенце на пол.

«Неужели мобильный включился?» – Люба порылась в сумке, нащупала мобильник. Экран по-прежнему был темным. Тогда Журавлева обратила внимание на свет, который шел из внутреннего кармана сумки.

Прежде, чем проверить своё предположение, она вернулась в комнату, развесила полотенце на спинке кровати и забралась под одеяло. Не хватало еще простудиться, стоя на сквозняке и решая очередную загадку!

Кровать оказалась на удивление удобной. Жаль только, слишком скрипучей. Подоткнув спину подушкой, Люба вытащила из сумки то, что продолжало тихонько пиликать. И это оказалась ПСП, ее любимая игрушка, которую она собиралась включить во время конкурса, но передумала.

Экран ПСП-приставки светился, по нему туда-сюда сно-

вали рисованные мальчики. Игра, в которую предложила сыграть ПСП, называлась «Фантастическое свидание». В Интернете по поводу этой игрушки гуляло много восхищенных девичьих отзывов: мол, убойная штука. Девочки уверяли, что владея этой забавой, можно не ходить на свидания и, при этом, отточить навыки в общении с противоположным полом.

В игре предлагались разные мужские типажи: суровые накаченные парни, слащавые мальчики с тонкой душевной организацией, коварные плейбои. Игра, как признавались многие фанатки, не на шутку увлекала. Главное ее достоинство в том, что она остается только игрой. Не один нормальный человек не влюбится в рисованную пассию. А для тех, у кого опыта в отношениях, пусть даже дружеских, совсем не было, игра стала своеобразным «выходом в свет». При желании можно заучить наизусть фразы при знакомстве, остроумные ответы, и радоваться, наблюдая, как быстро растет твой рейтинг в игре. А вместе с ним в поднебесье устремляется и самооценка.

Люба относилась к играм такого типа сдержанно. Ей больше нравились простые «стрелялки» и «бродилки». Но кое-что она все-таки ценила в подобных «Фантастическому свиданию» развлечениях. Главной героиней в них выступала сама девочка-игрок, а количество влюбленных мальчишек росло с течением времени в геометрической прогрессии.

Сейчас, глядя на яркую заставку, Журавлева начала все-

ръем сомневаться, а не снится ли ей все это? Мерлый лес, Озерная провинция, манекены, Даньяр... Может, она попала под машину, лежит в больнице и видит очередной кошмар? Вдруг, стоит ущипнуть себя, и все закончится? По ее расчетам ПСП должна отключиться, как мобильник, или иметь минимум заряда батареи. Но на экране мелькнула информация о том, что ПСП полностью заряжена. Так что за наваждение такое?

Не хотелось думать об этом. Тянуло провалиться в сон. Но Люба упрямо нажимала на экран, выбирая параметры игры. Новая загадка этого мира ее не отпускала.

Кажется, самым популярным персонажем среди девочек, когда она читала комментарии в Интернете, был некий Игорь. Значит, «ветка» с ним самая интересная. Но, удивительно, что именно его внешность ПСП не спешила показать. Темный силуэт на экране, и все...

Люба пощелкала еще пару ответов на вопросы типа: «Вы романтик? Свидание на природе или в уютном, хорошо обставленном, помещении? Должен ли ваш избранник делать вам комплименты, или лучше, чтобы он отпугивал холодом и безразличием?»

Устав нажимать «да», «нет», «не знаю» и другие развернутые варианты ответов, Люба провалилась в сон. Весьма реалистичный сон.

Легкий ветерок принес прохладу. Люба с тихим вздохом

открыла глаза и потеряла дар речи. Конечно, за свою короткую, но уверенную карьеру начинающей модели, она успела повидать немало красивых мальчиков. Да и вчера, впервые столкнувшись с Даньяром, не могла не напомнить себе, что сильно «ведется» на отпадную внешность, несмотря на то, что молодой Рэм по характеру – редкая заноза.

Но сейчас она впервые чувствовала, что не в силах оторвать взгляд от незнакомца эльфийской наружности. Парень, на которого она любовалась снизу вверх, был абсолютным совершенством. На вид, лет шестнадцати. Очень гладкие, цвета золотого песка волосы до плеч, при каждом легком движении переливались, точно в рекламе корейских шампуней. Длинная челка до тонкого прямого носа, скрывавшая изящный разрез глаз, который, казалось бы, не встречается в природе, но был возможен после пластики лица.

На стройном, но отнюдь не худом теле мальчишки красовался весьма экстравагантный наряд: темная майка с драконом и ярко-розовые до невозможности узкие джинсы с золотыми молниями, расстегнутыми в области колена и лодыжек.

«Меня похитили! – вдруг сообразила Люба. – Не время мысленно воспевать внешность гада. Этот парень дождался, пока я засну, пробрался в дом к Рэмам, и сейчас увозит меня неведомо куда!»

Она попробовала пошевелить руками и ногами. Тело отказывалось слушаться. Люба также не могла понять, на чем

она лежит: на подушке что ли? Голове, равно как и остальному телу, было очень мягко. Словно она сейчас возлежала на целой горе из лебединых перышек.

Прямо над ней раскинулось ночное небо. По обе стороны от головы валялись деревянные палки. Услышав тихий плеск воды, Журавлева сообразила: она сейчас в лодке! Точнее, лежит на дне лодки, высланном чем-то мягким. В воздухе тлел сладкий аромат цветов. Вот только каких?

Откуда-то с берега девичьи голоса с горечью затянули заунывную песню:

*« Ох, васильки-васильки,
Сколько вас выросло в поле,
Помню у самой реки,
Вас собирали для Оли...»*

«Что еще за новости? Я все-таки в России?» – Любе стало страшно. Этот мрачный романс она слышала пару раз под гитару, во время школьных поездок за город.

Новой «Олей» Журавлева становиться не собиралась, потому, закусив до крови губу, напрягла все мышцы. Не сразу, но ей удалось вернуть контроль над телом. Люба схватила широкое весло, валявшееся рядом, и замахнулась на ослабившего бдительность похитителя:

– Эй ты, извращенец! Быстро повернул лодку к берегу! Иначе тресну!

Парень качнул головой, посмотрев в её сторону:

– Люба, ты, что, боишься? Это же я, Игорь. Сама же сегодня выбрала меня для игры.

Журавлева почувствовала, что ее пробил холодный пот. Такого просто не бывает. Как игра превратилась в реальность?

– В Солнечной стране возможно все, – развеял ее сомнения самый популярный парень из игры «Фантастическое свидание». – Вспомни, ты выбрала свидание на природе. Программа просто воплотила твои желания так, как смогла.

– А откуда эти песни? Я их точно не заказывала! – Люба мотнула головой в сторону берега, где светились слабые огоньки, как во время народных гуляний в ночь на Ивана Купала. – И твоя вырви-глаз одежда! Неужели нельзя одеться на свидание попроще?

Тут Люба обратила внимание на себя и вздохнула: на ней болтался джинсовый сарафан, мятый и в пятнах, после прогулки по Мерлому лесу:

– Да, и почему меня для такого случая не приодели? Что за дурацкая игра!

– Моя одежда соответствует последним требованиям моды. Ты же вроде возвращаешься в этой среде, верно? Среди модной молодежи. Вот и вспомни. Узкие джинсы, в которых очень неудобно сидеть... Вспомнила? – Игорь засмеялся, и в воздухе словно зазвенели колокольчики. – А свои параметры ты в этот раз не продумала. Видимо, не посчитала важным. Но, как по мне – для нашего первого свидания ты необык-

новенно хороша!

Люба со страхом замерла, боясь шевельнуться, что кто-то нежно коснулся её спины. Легкое, почти неощутимое прикосновение, похожее на кисть художника или крыло птицы. Порыв ветра, закружившийся вокруг нее, приподнял волосы, уложив их в строгий узел на затылке. А потом произошло нечто еще более удивительное. Сотни темно-синих лепестков завертелись в замысловатом танце вокруг нее. И стоило девочке посмотреть вниз на дно лодки, как она поняла, что лежит не на мягком одеяле. Ковер из василькового бархата достался ей вместо пледа благодаря стараниям чересчур внимательного Игоря.

«Сколько можно лекарства для глаз приготовить из этого цветочного бедствия!» – мигом огорчилась Люба. Она не одобряла пустую трату полезных вещей. Зачерпнув целую горсть вельветовых лепестков в ладонь, девочка потребовала объяснений:

– Я уж точно не заказывала, чтобы столько растений загубили для какой-то романтики. Это же расточительство!

Игорь лениво пожал плечами:

– Просто наслаждайся процессом. Незачем переживать из-за парочки цветочков. Да! И положи на место весло: как-никак – реквизит.

Люба упрямо пробурчала:

– Я тебе не верю. Давай, говори, откуда ты такой взялся? Как персонаж игры может ожить?

– Ты сейчас находишься в Солнечной стране, – загадочно отозвался Игорь. – А здесь многое реально. Магия в наших краях живет в самом воздухе. Хоть простые люди ей не очень-то довольны. В своей Москве ты не встречала игры с технологией «полного погружения». Но должна иметь представление из научной фантастики: такие технологии создают отдельную реальность. Их у вас нет. Но здесь все по-другому. Игра преобразовалась под действием магии. Ты можешь гордиться: ты, совершенно точно, единственная владелица «живой» игры. И меня в качестве персонажа!

– А если я захочу тебя поменять? – хмыкнула Люба, про себя решив, что ни за что этого делать не будет. Если единственный недостаток чаро-мальчика – самовлюбленность (Игорь то и дело смотрел в воду, любуясь своим отражением) – то она может с этим смириться. Хотя бы потому, что «коней на переправе не меняют». Да и сам Игорь глянулся с первого взгляда.

– Программа загружается один раз. Будешь слишком капризничать, и она сломается. Так что, придется тебе переживать фантастические свидания в моем обществе, – Игорь легонько прикоснулся ладонью к своим губам и сдул с нее невидимую пыль в сторону Любы, словно намекая на воздушный поцелуй.

Журавлева покраснела, но быстро взяла себя в руки. Сделав вид, что не придавала ни малейшего значения его жесту, она положила весло поближе к себе, и чересчур громко спро-

сила:

– И что интересного кроме этой лодки может показать игра?

– Любовь моя, я тесно связан с игровой реальностью, равно как и с Солнечной страной. Могу многое, но полностью завишу от твоих желаний. Все, что происходит, возможно лишь потому, что ты этого хочешь. Например, я знаю, что Волнистое озеро заинтересовало тебя. И вот мы здесь. И даже слышим русские песни, потому что такова твоя воля. В этом мире все может быть настолько легко и просто, что ты удивишься. Не веришь? Что ж... Тебя же заинтересовала история с Солнечным мальчиком? Хочешь услышать его песню?

– Но ты же – не мальчик из легенды. Ты – просто мой глюк! – справедливо усомнилась Люба.

– Для тебя в нашей игре я могу стать кем угодно, любовь моя, – Игорь пересел на другой край лодки, вытянув перед собой длинные ноги. После, подхватив со дна горсть васильковых лепестков, перетер их в ладонях. В его руках материализовалась флейта. – А теперь посмотри на небо!

– Это еще зачем?

– Хочу показать тебе, как прекрасен мир вокруг!

– Не слишком ли сладко? Тебе раньше не говорили, что ты переигрываешь? Тошнит уже! Можно без этого надуманного пафоса?

– Не говорили. Ты же первая, кто со мной играет, – про-

мурлыкал хитрец, и заиграл на флейте, одной рукой указывая в звездное небо. Любе ничего не оставалось, как прохватить интерес к неземным сюрпризам.

Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы рассмотреть слабо мерцающие звезды. Журавлева не увлекалась астрономией, не верила в гороскопы, и не отличила бы одно созвездие от другого. Но даже она могла разобраться, что на небе творилось нечто необычайное. Под мягкие чистые звуки флейты, согревающие душу, звезды заметались в шальном хороваде исключительной красоты так, что у нее закружилась голова. Они сияли, то ярче, то слабее, создавая фигуры людей, птиц, животных и самых разных цветов.

Люба, заглядевшись на звездное небо, очнулась, когда лодку закачало из стороны в сторону. Схватившись за край, она вгляделась в темноту. В лицо брызнула холодная озерная вода. Она успела увидеть огромный рыбий хвост, мелькнувший в недрах пучины, и тихонько вскрикнула.

...Озеро изменилось: оно бурлило, как огромный котел с кипящей водой. То здесь, то там поднималась волна. Из воды быстро появлялся и исчезал крупный силуэт с рыбьим хвостом. Один из магарей завис над водой, точно заряжаясь игрой звездного света. И Люба смогла рассмотреть его.

Нептунис был крупнее ее раза в три. Его длинные волосы, собранные в хвост, состояли из длинных зеленых мохнатых водорослей. Нижнюю половину лица, рот и шею, покрывали и точно мумифицировали белые пластичные чешуйки. Гла-

за были плотно закрыты. Над опущенными веками Нептуни-са красовалась печать в виде змеи, свернувшейся в клубок. Голый торс покрывала золотая броня, которая держалась на спине на одной лишь тонкой пластине-кольце, замкнутом вокруг шеи.

В нем скрывалась опасная притягательность. Люба вспомнила сказку о сиренах, которые заманивали мореплавателей на дно морское. Интересно, а что случится, если он откроет глаза? Ну, явно ничего хорошего!

– Игорь, немедленно прекращай. Купание в холодной воде в мое идеальное свидание точно не входит. С чего ты решил, что я желаю видеть Нептунисов? Лучше бы мы с тобой по Царицыно погуляли. Глупая ПСП!

Звук флейты тут же затих... И зазвучала волынка. Во-да перестала бурлить, Нептунисы скрылись. Журавлева, на-мертво вцепившись в борт шатающейся лодки, перевела ды-хание, потом раздраженно посмотрела на Игоря. Тот как раз с удовольствием сменил инструмент и, видимо, выбирал бо-лее романтическую мелодию.

– Хватит на сегодня музыки. Можешь перестать играть? У меня голова болит!

Волынка в руках Игоря растаяла со звуком лопнувшего воздушного шарика:

– Как скажете, госпожа!

– Какая еще госпожа? Что это, новый поворот? Я в роле-вых играх не участвую, – заявила Люба.

– Ладно-ладно, я понял. Специально позвал сюда Нептунисов – прочел в твоих мыслях желание на них посмотреть. Красивые, правда?

– Ну, если по меркам магарей... А как ты их вообще привлек?

– Я же объяснил – в этой игре мне подвластна даже флейта Солнечного мальчика. Когда-то ее музыка очаровывала лесных тварей. Но, как только ты запретила мне играть, я сменил флейту на волынку. Правда, молодец?

– Ты не умеешь играть на волынке, – хмуро ответила Люба, которой порой приходилось видеть бродячих «волынщиков» в переходах метро. – Звук ужасный. И, пожалуй, я замерзла. Можно остановить игру?

Игорь вздохнул, но потом прижал ладонь к груди и чопорно поклонился:

– Повинуюсь, любовь моя.

А после исчез. И Люба осталась в лодке совершенно одна. Или не совсем одна? С небольшим бонусом в дополнение. Парень из «Фантастического свидания», видимо, решил, что неплохо напоследок подбросить на память о свидании приятный сюрприз. В руках Любы материализовалось мягкое мороженое в хрустящем вафельном рожке. Все, как ей нравилось: два шарика – лимонный и пьяная вишня. Такие, какие она тайком покупала себе после трудных контрольных или съёмок в агентстве.

Журавлева несколько мгновений с подозрением рассмат-

ривала рожок-мороженое, размышляя, съедобен ли магический продукт. Но потом перестала сомневаться. Если все, что она видит, только ее выдумка, зачем придавать каждому событию особое значение?

Мороженое на вкус оказалось замечательным. Даром, что создано магической иллюзией. Оно таяло во рту, оставляя сливочную нежность с ноткой лимона и горьковатой вишни. Люба блаженно потянулась и с удобством расположилась на дне лодки, смакуя оставшуюся половину вафельного стаканчика.

«Итак, Игорь ушел, а назад я так и не вернулась. Что-то пошло не так? Необходимо мое искреннее желание закончить игру? Но здесь хорошо. Разве в Москве увидишь звезды так близко? Только если с последнего этажа Москва-Сити, но туда просто так не попадешь...»

Мороженое в руке таяло, и девочку потянуло в сон. Перекатившись на левый бок в легкой полудреме, она заметила, что лодка под ней сама собой растаяла. А она, Люба парит где-то между густых кучевых облаков, совсем как птица. Летит, и не думает падать.

«Так же, как однокрылы... Вот бы их покормить», – вяло размышляла сонная Люба, и в ее руках тут же возник пакет с семечками. Завидев угощение, пара птиц пролетела совсем близко от нее.

Решение пришло быстро. Удобно устроившись на облаке, Люба стала высыпать бездонный пакет семечек прямо вниз,

куда-то в щель между облаками. Как долго это длилось, она не знала. Просто совсем утратила ощущение пространства и времени.

... И пришла в себя, когда кто-то резко схватил ее за ногу и потянул вниз.

Глава 13. Гномы-Старейшины

Оказавшись на полу в гостевой комнате Рэмов, в которой и засыпала, Люба первым делом схватилась за подушку, и запустила ее в неизвестного «налетчика». Рядом с ней валялась погасшая ПСП, не подававшая признаков жизни. Возможно, из-за неудачного падения.

Наглец, спихнувший ее с кровати, сверлил девочку сердитым взглядом. Даньяр Рэм, с его неизменно аккуратной синей косичкой, на конце которой болтались колокольчики, презрительно скрестил руки на груди:

– Вот не думал, когда приглашал тебя в дом, что ты – такая соня! Что с кроватью сотворила? – мальчишка сжимал в одной руке ее покрывало, которое демонстративно встряхнул. Любу осыпал рой знакомых синих лепестков.

– Ва...сильки, – осторожно протянула она, словно пробуя слово на вкус.

«Как это понимать? – внутренне она поежилась. – Насколько реально все, что я видела ночью?!»

– Ага! Так откуда они взялись у тебя в кровати? – настойчиво спрашивал Даньяр, глаза которого подозрительно сузились и сейчас напоминали две темные щелки в старом дубе.

– Так может... Магарь какую вчера из Мерлого леса «на хвосте» притащили? – кисло предположила Люба. Она не представляла, как рассказать парню из другого мира о слож-

ной, изменившейся в условиях другой реальности, игрушке ПСП. С Даньяром итак непросто! Незачем ему все знать.

Кстати, вчера он почти умирал! А сегодня, только посмотрите: посвежевший, полный сил, в чистом белом наряде, точь-в-точь, как вчера. Наверное, они здесь обязаны носить определенную одежду. И у него полно таких белых водолазок и желтых плащей с круглыми эмблемами!

– Магари не могут свободно передвигаться по моему дому. И не в состоянии пересечь его порог! Если только ты – не одна из них? – голос Даньяра мог бы заморозить Волнистое озеро.

Люба зябко поежилась на полу, потом, осознав свое глупое положение, ринулась в наступление:

– Во-первых, будь я магарью, не смогла переступить порог. Сам же говоришь о магической защите дома! Значит, со мной все нормуль! А по какому праву ты вламываешься в спальню к девочке без приглашения? То, что ты – хозяин дома, еще не дает права так себя вести! Может, мне обратиться к твоему деду? Вряд ли он тебя за это похвалит!

Даньяр после ее слов скривился так, словно проглотил гнилой фрукт:

– Начинаю жалеть, что приютил тебя. На самом деле я зашел сюда по двум причинам. Во-первых, мы с тобой сегодня пойдем к Старейшинам-гномам. Они принимают посетителей до обеда, а затем закрываются в своих башенках, и не отпирают никому до следующего утра. Плакун их знает, что

они там делают. Может, спят без задних ног. Но тебе обязательно нужно встретиться с гномами, если хочешь вернуться домой. У них есть связь с высшими ступенями в Солнечной стране...

– А во-вторых? – Любе стало очень стыдно. Даньяр, кажется, искренне хочет ей помочь. А она больше волнуется о сохранности ПСП, чем о возвращении домой.

– Во-вторых, я принес тебе одежду. Не желаю, чтобы ты разгуливала по Озерной в таком виде! – Даньяр бесцеремонно ткнул пальцем в сторону джинсового сарафана, который лежал на старой потрескавшейся от времени табуретке возле окна.

– И где эта одежда? – Люба, воспользовавшись тем, что он отвлекся, выхватила у него покрывало и накинула себе на плечи.

– Вот здесь! – Даньяр указал рукой на пол рядом с кроватью. Люба, повертев головой, наконец, заметила лакированный деревянный сундук без замка.

– Одевайся скорее! Нам нельзя опаздывать. Не сегодня, учитывая, что вчера я истратил свои последние «теплоки». Мне нужны деньги, чтобы остаться живым и здоровым, ясно? Так что, шевелись! – торопил ее Даньяр. – На кухне дед приготовил завтрак. И пока ты дрыхла, он ушел на рыбалку.

– А чья это одежда? В доме есть девочка? Или у вас мужские шмотки не отличаются от женских? – проявила ненужное любопытство Люба.

Лицо Даньяра мученически дернулось, как от зубной боли:

– Это старая одежда моей мамы. Постарайся не порвать и не запачкать ее.

– А... Где твои родители? Они не живут с тобой? Развелись? – Люба не знала, почему в лоб задала такой бестактный вопрос. Для неё самой это всегда была больная тема. Встретить человека со схожей проблемой – подарок судьбы. Или, наоборот, новая боль?

Даньяр отмахнулся от нее, как от назойливой мухи:

– Любушек, не бери в голову. Если хочешь, можешь, как и все остальные считать, – они погибли. Только не надо меня жалеть. Я даю тебе ровно десять минут на сборы. Жду тебя на кухне.

Люба расчесала волосы, которые после ночного «свидания» слегка вились на концах. Или же они и раньше завивались в локоны после мытья? Просто у нее не хватало времени это заметить. Журавлева нашла в кармане своей сумки две одинаковых резинки для волос и с их помощью завязала хвостики.

Ей показалось, что такая незамысловатая прическа очень подойдет к ее новому облику. Одежда, которой поделился Даньяр, оказалась лишь чуть-чуть великовата в груди. А в остальном, вполне неплохо смотрелась.

«Дяде бы, наверное, понравился этот стиль. Заставил бы

меня сняться в рекламе какого-нибудь кефира!» – с долей иронии подумала Люба.

Женские вещи в сундуке лежали аккуратной стопочкой. Костюмы друг от друга разделяли прослойки из серого льна. На дне сундука нашлось даже сменное белье – аккуратные белые шортики.

Люба долго выбирала себе наряд из четырех вариантов. В итоге остановилась на цвете еловой хвои. Женщины Солнечной страны носили юбки до колена. Люба внимательно рассмотрела несколько юбок, прямых и расклешенных. В итоге выбрала прямую.

Поверх плотной зеленой юбки надевалась легкая, с вышитыми на ней серебряной нитью фигурами солнца и змей, прозрачная юбка-накидка до самого пола. Она была изготовлена из материала, схожего с шифоном, но более приятного на ощупь. Юбка держалась на талии благодаря широкому поясу-резинке. Девочке также очень понравилась маечка с короткими рукавчиками, которые едва прикрывали плечи и крепились целой серией легкомысленных завязок на шее и за спиной. Люба покраснелась от усилий, чтобы завязать все, как следует. Но, не звать же Даньяра на помощь! Менять выбор маечки не хотелось...

Поверх вычурной зеленой кофточки надевалась куда более строгая блузка все из той же прозрачной ткани цвета незрелого яблока. Она застегивалась на все пуговицы. Люба тоскливо подумала, что гулять в таком наряде будет жарко.

А ведь уже с утра сильно припекает, судя по солнечным лучам, проникшим в её комнату.

Обувь Люба нашла в бумажном пакете рядом с сундуком. Впрочем, она вполне бы обошлась своими туфлями. Но любопытство взяло верх над практичностью, и девочка натянула белые чулки, украшенные небольшими помпонами. Прогулявшись в них по комнате взад-вперед, Люба сделала любопытные выводы.

Например, что она одела сверхудобные и прочные туфли. Люба даже попыталась зацепить чулок ногтем и порвать его, но у нее ничего не вышло. Маникюрные ножницы, специально выуженные из сумки, тоже не оставили на загадочной обуви Солнечной страны ни одной дырочки.

Подмигнув своему отражению в зеркале, юная модель размышляла, что Даньяру, наверное, не слишком хотелось одалживать ей одежду. И, если подумать, он не обязан это делать. Следовательно, Дэн – не такой уж вредный, каким хочет казаться. И, вопреки всем своим язвительным замечаниям, отведет ее к тем, кто, если не поможет ей вернуться назад, то хотя бы подскажет, что делать дальше.

–Ты задержалась на семь минут. Семь минут! Что, не могла отлипнуть от зеркала, Любушек? Это глупое имя тебе очень подходит! Кто и зачем догадался тебя так назвать! Значит, так... Раз опоздала, завтракать будешь по дороге к гномам!

– Хочешь, чтобы я испачкала одежду твоей мамы? – Люба плюхнулась за стол, и, несмотря на сжатые кулаки Даньяра, и его чуть оттопыренную от обиды нижнюю губу, принялась наливать в чашку остывшее какао.

– Тебе хоть иногда бывает стыдно? Не думай, что я забуду. ты должна мне за приют в этом доме. Вчера из-за тебя моя охота провалилась. А сегодня я не могу отправиться в Мер-лый лес, потому что придется вести тебя к старейшинам. Но, даже будь у меня время, я бы все равно не пошел в лес. У меня нет в запасе ни одного лишнего «теплока», чтобы заменить камни в моем ошейнике. Придется идти на низкооплачиваемую работу. И ты пойдешь со мной! – с торжествующим видом закончил он, потирая ладони, и будто предвкушая сладкую месть.

Люба прервала его бессмысленное бормотание «два человека на фасовке лучше, чем один, будет в два раза больше теплоков и конфет домой...»:

– Ну, раз ты хочешь заставить меня работать, значит, я, тем более, должна подкрепиться! Мудреные у вас порядки. Дэн, а, почему сразу «низкооплачиваемая работа»? У вас здесь модели никому не нужны?

– Модели? – Рэм посмотрел на нее округлившимися глазами.

– Ну, например, красивые люди демонстрируют новую коллекцию одежды, рекламируют лимонад или снимаются в клипе известного певца, – старательно объясняла Люба, –

последнее не обязательно!

Даньяр в ответ обидно расхохотался. Бубенчики на его кошечке радостно прозвенели в такт:

– Кажется, я понял, о чем ты. В «видные» пробиться решила? В нашем мире туда можно попасть только по праву рождения, – и тут он со смехом добавил очередную гадость, – благородного!

Люба обожгла его гневным взглядом:

– Будешь так скалить зубы – в рот непременно залетит пчела!

Даньяр прокашлялся и постучал по стене:

– Давай быстрее. Мы опаздываем!

Люба нарочито медленно намазала белый хлеб повидлом. Затем медленно с победным видом отхлебнула глоток какао. Рэм закатил глаза.

– Даньяр, а можно звать тебя Дэн? Я уже тебя так называла, но вдруг ты против... Твой дедушка очень хорошо готовит. Он замечательный! И сильно тебя любит, – высказалась Люба, пережевывая медовые блинчики.

Даньяр повернулся к ней спиной и сделал два шага к выходу из кухни:

– Все, я ухожу. Можешь идти к гномам одна.

– Ладно-ладно. Подожди минутку, Дэн! – Люба завернула хлеб с вяленным мясом в три салфетки и сунула к себе в сумку. Затем сполоснула руки водой, вытерла их полотенцем, перекинула сумку через плечо и объявила:

– Ну все, я готова!

Они шли по широкой проселочной дороге. Вокруг царил тишина. Люба в подробностях рассмотрела то, что с границы Мерлого леса казалось туманным миражом. В десяти минутах от дома Даньяра находилась развилка.

Если посмотреть прямо, то взгляд упирается в пять разноцветных башенок. А если свернуть налево, то широкая дорога поднимается на вершину холма. По обе стороны от дороги пестреют кирпичные домики с треугольными черепичными крышами. Часть из них теряется в зелени густых садов.

В целом, все мило. Особенно в превосходное солнечное утро.

Они уже прошли развилку, когда из-за кустов цветущего шиповника на дорогу выбрался пушистый черный кот.

– Ой! – всплеснула руками Люба. – Плохая примета! Перейдет дорогу, и жди беды! Ничего хорошего из разговора со Старейшинами не получится!

Даньяр бросил насмешливый взгляд через плечо:

– Глупости. Это же просто кот. Он тебя не съест.

Котьяра медленно вышел на середину дороги и громко, протяжно замыкал.

– Да он же просто голодный! – догадалась Люба и поспешно вытащила из сумки остатки завтрака – завернутый в салфетку хлеб с мясом. Подозвав кота к себе, она разложила салфетку прямо на дороге и присела на корточки, подби-

рая подол неудобной юбки. Чернявый котофей величественно подобрался к угощению, и, распушив хвост, приступил к завтраку.

– Ты нас задерживаешь, – пробурчал Рэм, но его черные глаза смеялись.

– Любишь животных? – догадалась Люба. – Так чего не заведешь себе хотя бы одного? Или у тебя уже есть звери? Признавайся, просто скрываешь их от случайных гостей?

Даньяр тоже присел рядом с котом и провел по его пушистой спинке:

– На себя «теплоков» не хватает. Не хватало еще кота кормить.

– Дэн, я не понимаю. У твоего деда нет ошейника. А дом Рэмов больше напоминает особняк, хоть и сильно запущенный. Почему же ты зависишь от «теплоков»? Ведь, судя по всему, ты – необычный мальчик из Озерной страны. Твои родители были высокого происхождения? Морий говорил, что благородные не становятся манекенами... Но, если так, почему у тебя есть ошейник?

Рэм резко поднялся на ноги, скрестил руки на груди, явно не желая продолжать беседу:

– Какое тебе дело до этого? Разве ты не хочешь убраться из нашего мира, переложив миссию Странницы на кого-то еще? Так зачем беспокоиться о том, что здесь видела? Тебе же будет лучше, если вернешься назад, оставаясь в неведении. Не копайся в прошлом! Все равно помочь не сможешь.

– Не хочешь говорить о семье, расскажи о Мерлом лесе! Он всегда был таким? И почему Гриоты допускают существование гадких тварей вроде Плакуна?

Даньяр тяжело вздохнул:

– Если я отвечу, ты, хоть немного, помолчишь?

– Ага! – с готовностью кивнула Люба.

– Ну, хорошо. Мерлый лес появился после вторжения Гриотов. До того момента он был самым обычным. Так говорят старшие. Когда Гриоты напали на Солнечную страну, они решили полностью уничтожить часть нашего мира, чтобы запугать людей. Так и появилось это безликое место. Лес Озерной провинции всего за одну ночь сожрал «мерлый огонь» особой боевой магией Гриотов. И этот лес, не единственное место в Солнечной стране, разрушенное навсегда. Есть и другие... Что касается существ, заселивших его: уже в мирное время Гриоты искали все новые способы забрать больше эмоций, тепла и энергии у людей. У них в распоряжении магия и, что еще хуже, жизненные силы наших погибших. Но после вторжения в Солнечную страну Гриотам не требовалось новое оружие. Плакун и другие неприятные магари – всего лишь результат провалившихся экспериментов. Они превратились в смертельно опасных существ уже в Солнечной стране. Но Гриотам нет до них дела. Зачем тратить силы, уничтожая своих созданий, если те ничем не угрожают Гриотам? Вот и вся история о чудовищах Мерлого леса. Мы можем идти? Знаешь, я не говорил тебе, но меня могут на-

казать, если я сегодня не представлю тебя Старейшинам. И не смотри по сторонам с таким восторгом! Ты видишь лишь красивый фантик от горькой конфеты.

– Хорошо, я поняла. Но этот кот – совершенно обычный. Не любишь магарей, взял бы и приютил его! – Люба вздохнула и напоследок почесала котику брюшко.

То, что рассказал Даньяр о месте, в котором она оказалась, ей совершенно не понравилось. А роль возможной Странницы радовала еще меньше.

– Подозреваю, что он чей-то, – отрезал Даньяр. – У нас бродячих животных не бывает. Каждое на кого-то записано! Так что, хватит покушаться на чужую собственность!

– Но он такой хорошенький! Хоть и целиком черный, как уголек. Вы бы друг другу замечательно подошли, – ляпнула Люба, но, заметив, как нахмурился Даньяр, придержала язык. Вместо этого она обогнала своего сурового провожатого, спеша поскорее добраться до разноцветных башенок.

...Место, где жили гномы, напоминало большой домик для игр на детской площадке, расположенной в городском дворе. Такие часто любили возводить депутаты в преддверии очередных выборов. Похожий замок Журавлева недавно видела в «Детском мире» в Москве, когда гуляла там после окончания учебного года. Единственное отличие – башенок у того замка меньше. И никто не догадался раскрасить их в цвета радуги, в отличие от местных жителей. Так или иначе, представить, что в игрушечном замке может кто-то жить,

само по себе удивительно.

Внимание Любы также привлек разбитый перед замком цветник. Лепестки у растений, буквально облепивших замок со всех сторон, оказались настолько яркими, что у девочки заболели глаза.

– Ух, какие цветы! Красиво, но слишком ляписто, – покачала головой Люба.

– Это «Меломаны», – сообщил Даньяр. – Когда-то их вывели Гриоты, как редкий вид, но потом они разрослись по всей округе. Выбирают лучшую почву, место повыше, мешают другим растениям. Они способны передвигаться с пригорка на пригорок, но особенно любят, если рядом с ними звучит музыка. Гномы частенько поют песни хором, чем и заслужили их пристальное внимание. «Меломаны» также известны тем, что способны три раза в сутки перестраиваться в разные графические узоры.

– Интересно... – пробормотала Люба, подходя ближе к зданию. – А почему окна в башенках такие необычные? Ромбы, квадраты, круги... Что за оригинальное дизайнерское решение? А еще эти занавески! У всех нормальных людей занавески или шторы, перехваченные тесьмой, радуют глаз внутри помещения. Почему у гномов они выставлены на всеобщее обозрение?

– Для красоты, наверное, – отмахнулся Даньяр.

– Для красоты могли использовать наличники!

– Это еще что?

– Да неважно, – покачала головой Люба, рассматривая занавески с рисунком в мелкий и крупный горошек. Нет, разве серьезные Старейшины могут жить в подобном месте?!

Пока она сомневалась в способности гномов дать достойный ответ на её вопросы, Даньяр подошел к крыльцу и с силой стукнул по двери колотушкой. В тот же миг из окна оранжевой башенки высунулся бородатый мужичок.

О гномах Журавлева знала немного. Но все, что читала, говорило об их вредности и заносчивости. А еще, обиде на весь белый свет за свой маленький рост.

Тем временем гном, у которого оказался необыкновенно зычный голос, снял с головы колпак, приветствуя гостей:

– Даньяр Рэм, я получил твое письмо. Голубь принес его сегодня утром. Дай нам немного времени. Мы в полном составе соберемся, чтобы решить, что делать с девочкой из чужого мира.

Сказав это, он скрылся в проеме окошка. Стало тихо. Только в траве скрипел ранний кузнечик.

– Видишь, – пожала плечами Люба, – спешка – плохой советчик. Все равно придется ждать. Значит, у тебя все же есть домашние животные? Голуби, например?

– Это только для почтовой связи, – отозвался Рэм, не сводя глаз с окошка овальной формы. У девочки сложилось впечатление, что он нервничает. Его беспокойство удивило Любу. Что плохого могут сказать или сделать эти «Старейшины»?

Тишина простояла недолго. Увидев, как огромный зеленый, поросший мохом, валун рядом с башней начинает двигаться, Люба спряталась за спину Даньяра:

– У вас тут, что, даже камни живые?!

– Это не камень, а Рогатка. Ты что, думаешь, у Старейшин нет личного транспорта? Смотри, Рогатка – магарь, но безобидна. Питается цветами. Всеми, кроме «Меломанов».

Журавлева осторожно выглянула из-за плеча лучника и обомлела. От камня отлепилась пупырчатая зеленая голова на длинной шее, и потянулась к окну оранжевой башенки. Зверюга более всего напоминала громадную ящерицу, задняя часть туловища которой была сплошь утыкана острыми иглами, как шкура дикобраза.

Тут снова случилось то, чего Люба не ожидала. Гном вылез из окна и, совсем как обычный мальчишка скатился по шее чудища, оседлав спину Рогатки. Приглядевшись, Люба рассмотрела и пятиместное сидение, очень похожее на то, что используют при катании по морю. На землю шла удобная лесенка. Но Оранжевый гном (Люба назвала его так за куртку и штаны-шаровары апельсинового цвета) просто скатился по шее зверюги, склонившей голову до земли.

Потом один за другим из прочих окон выбрались и остальные гномы. Каждый раз спокойная, как удав, Рогатка помогала им спуститься в сад к Даньяру и Любе.

Когда из окошка выполз гном в голубом балахоне, первый Старейшина деловито отметил:

– Раз собрались все, направляемся в Беседку.

Люба не сдержала любопытства:

– А где еще два гнома? Ведь в «Белоснежке», да и в любых сказках, гномов обычно семь!

Даньяр закатил глаза:

– Глупая, ты, вообще, понимаешь, что сейчас решается твоя судьба?! Что, если тебя вышлют из Озерной провинции? Или объявят опасной преступницей и посадят под замок?

– Но ты же меня тогда выручишь, верно? – Люба невинно хлопнула ресницами.

– Даже не мечтай! – отрезал Даньяр. – И где твои манеры? Быстро поклонись господам Старейшинам.

Демонстрируя, как следует кланяться, отведя назад правую ногу и соединив ладони перед собой, Рэм от усердия чуть не упал на одного из гномов. Благо, Люба его подхватила. После этого девочке не захотелось повторять подвиг попутчика. Она просто приподняла кончиками пальцев края своей длинной юбки, и, сделав шаг в сторону, присела. Со всем как на ритмике в первом классе. Как выяснилось, в трудную минуту вспоминается не то, что заучивалось последним (например, в модельном агентстве), а то, что держится в памяти ярче всего:

– Меня зовут Люба Журавлева. Надеюсь, мудрые Старейшины, решая мой вопрос, будут справедливы.

Гномы ответили сухими кивками. Их взгляды, устремлен-

ные на Любу, не скрывали горького разочарования. Неизвестно, кого они надеялись здесь увидеть, но явление белокурой худенькой девочки их совсем не обрадовало. «Оранжевый» гном был единственным, кто оживился и решил представиться в ответ:

– Приветствую в Озерной провинции, девочка Люба. Меня зовут Ре, а моих братьев – До, – гном ткнул в собрата в красном комбинезоне, – Ми, Фа и Соль.

– Совсем как музыкальные ноты! – восхитилась Люба, снова теряя всякую серьезность. – Но ведь их семь? Значит, должны быть еще двое?!

– Ты слишком много болтаешь! – шикнул на нее Даньяр. Гномы же враждебно зашептались между собой. Рэ поспешно прервал их болтовню:

– Мы отправляемся в Беседку для голосования. Следуйте за нами.

Глава 14. Голосование

Люба чувствовала себя великаншей, осторожно ступая вслед за вереницей гномов. Совсем как Алиса Селезнева, когда впервые оказалась в «Заповеднике сказок». Они шли по дороге, вымощенной зеленым камнем, огибавшей деревья и большие яркие клумбы.

Девочка обрадовалась, когда гигантская Рогатка осталась далеко позади. Хотя та и была травоядной магарью, Люба все не могла избавиться от ощущения, что, если этим суровым старичкам чем-то не понравятся ее ответы, то чужестранку скормят Рогатке на обед. Не может такая громадина питаться одними вершками да корешками!

Даньяр замыкал процессию. Дорога заняла около четверти часа. Для Любы осталось загадкой, как такой маленький садик, каким дворик гномов казался со стороны, мог превратиться в просторный парк. Здесь, в глубине ветвистых деревьев, даже тихо журчали маленькие фонтаны! Наконец, гномы достигли находившейся в центре парка беседки.

– Мы пришли! – возвестил Ре.

Люба с сомнением покосилась на обыкновенную летнюю беседку пятиконечной формы. Примечательна была лишь окраска граней и ярких маковок, венчающих каждый угол веранды. Как раз в пяти цветах.

– А мы точно правильно пришли? – шепотом спросила

Люба у Даньяра, за что получила уничижительный взгляд.

– Посетители, пройдите в центр и оставайтесь там, чтобы не случилось, – дружно пробубнили гномы.

Даньяр не стал ждать повторного приглашения, и, больно дернув Любу за руку, потащил за собой в центр беседки.

– Отпусти, грубиян! – возмутилась Люба. Но тот не обратил на это никакого внимания. Он внимательно следил за Старейшинами, которые, по одному, проходили в беседку и занимали свое место в углу с соответствующим цветом.

Журавлева подумала, что это как-то обидно. Они с Рэмом, что – подсудимые? Но ведь даже подсудимым полагаются стул, или скамья, или что-то в этом роде? Рядом с уютно расположившимися на игрушечных креслах гномами, Люба чувствовала себя целой горой! Гигантом, который практически подпирает потолок беседки.

Но вдруг все изменилось. Пол под ногами девочки дрогнул и заколыхался. Люба посмотрела вниз и заметила блестящий золотой круг, по краю которого скользила рисованная змея. Круг засветился и принялся вращаться. Насупленные лица гномов замелькали перед ней слишком быстро. Люба ощутила приступ дурноты.

Очень скоро девочке показалось, что она уменьшается в размере. Но, присмотревшись, Журавлева поняла, что просто кресла Старейшин, да и своды самой беседки, поднялись метров на семь в высоту. Теперь, чтобы увидеть лица «судей», ей приходилось запрокидывать голову.

– Мы начинаем голосование. Готовы ли вы отвечать правду, и только правду, девочка из другого мира и Даньяр из рода Рэмов? – спросил До в красном комбинезоне. Голос у него оказался зычный и простуженный.

– Согласны! – ответили ребята. А Люба подумала, что отвечать на вопросы было бы приятнее, если бы господи-Старейшины выключили свою дикую «крутилку». А то московский «Шейкер» рядом с этим аттракционом – просто детская игра!

– Сначала мы спросим Даньяра Рэма. Где вы столкнулись с подозрительной девочкой? И почему сразу не привели ее к нам?

– Я спас ее от Плакуна. Она плутала в Мерлом лесу и попала на глаза Плакуну. Разве я мог пройти мимо? – не растерялся Даньяр, так активно жестикулируя, изображая для гномов злобную магарь, что чуть не заехал Любе в нос.

– Хорошо. Но почему не привел к нам Любу еще вчера? Каждая минута промедления может быть воспринята высшими ступенями, как самовольство, или, хуже того – тайные замыслы! Учитывая прошлое твоей семьи, тебе следовало поостеречься! – рядом с гномом Соль вспыхнул яркий голубой огонек. Люба мрачно отметила, что, если бы сейчас не решалась ее дальнейшая судьба, то все очень напоминало шоу «Угадай мелодию».

– Меня ранили. Она помогла добраться до дома. Вчера мы совершенно измотались в лесу. И требовать голосования

ночью, разве это нормально? – оправдывался Даньяр.

– Нормально, если на повестке дня – вопрос государственной важности! – взвизгнул Соль, и голубой огонек засверкал еще ярче.

– Успокойся, младший брат, – посоветовал Ре, который поторопился замигать оранжевым светом. Круг резко развернул Даньяра и Любу к нему лицом. – Юный Рэм, мы выслушали тебя. А теперь хотим задать вопросы девочке-иномирке. Люба, как ты оказалась здесь?

– Случайно, – ответила Журавлева, понимая, что лгать этим сказочным существам бесполезно. Всегда лучше говорить правду, чем потом выбираться из паутины лжи. – Я хотела спасти свою... ммм... знакомую от манекена, который напал на нее.

– Значит, ты вмешалась в то, что не могла, ни оценить толком, ни понять, и, тем самым, нарушила наши планы? – хмыкнул Ре.

– А разве похищение девочки из другого мира можно назвать правильным и хорошим планом? Я ничуть не раскаиваюсь в том, что сделала! Вы используете Странников, живых людей, как игрушки. А если что-то идет не так, «переводите стрелки» на других?!

После её слов вспыхнули все огоньки разом. Но, голубой, очевидно, мгновением раньше других. Круг снова повернулся и замер перед разгневанным Соль:

– Девочка, ты ничего не знаешь о нашем мире, и не вправе

никого осуждать! А за то, что вмешалась в ритуал, тебе грозит, или заточение, или смерть! Мы не видим в тебе ни капли раскаяния! Ты специально пробралась сюда для каких-то своих целей! Верни нам Страницу!

Но сторонника радикальных методов быстро урезонили сородичи:

– Успокойся, Соль! Дело даже не в том, как она попала сюда, а что нам с ней теперь делать. Считать ли ее Страницей, или ждать еще двадцать лет прихода нового героя? Люди уже знают о ее появлении и надеются на чудо!

Люба решила не вмешиваться в этот сыр-бор. Пока ее вдруг не спросили прямо:

– Раз тебя не выбирали Гриоты, у тебя нет магической силы. И ты не сможешь стать Страницей без повторного осознанного добровольного согласия. Хочешь ли ты возложить на себя судьбу целого мира, девочка? Или, может, просто тихо уйдешь, сославшись на то, что ты – не героиня? Возможно, Гриоты прислушаются к твоим доводам... Пусть ты и нарушила ритуал, но, скорее всего, не годишься на роль Страницы. Если искренне раскаешься, возможно, тебя и простят... Но последнее слово всегда остается за Гриотами.

Люба покачала головой:

– Значит, люди в вашей стране еще двадцать лет будут носить на шее убогие ошейники, пока не появится следующий Странник? Мне не нравится это «украшение»! – девочка ткнула пальцем в Даньяра. – Уважаемые Старейшины, мо-

жет, вам и легко говорить, сидя в цветных башенках и без ошейников, но ваша страна не будет ждать так долго. Впрочем, вы-то свободны... Иначе ухватились бы за любой, самый мизерный шанс на спасение!

Тут пришла очередь разозлиться мирному и тихому гному Фа в зеленой куртке:

– Маленькая вредина! Посадить ее под замок к крысам! Мы тоже потеряли кого-то важного для нас, и ждем окончания этого ужаса последние двести шестьдесят лет! Почему мы должны сносить обвинения этой самозванки, которая даже и близко не похожа на Страницу?

– А как должна выглядеть Страница? – Люба тряхнула волосами, как учили в модельном агентстве перед съемками в рекламе краски для волос. Затем смело расправила плечи и уперла кулачки в края пышной юбки.

– Юноши и девушки до шестнадцати лет могут стать Странниками. Каждую кандидатуру совет Гриотов выбирает лично, – авторитетно заявили в ответ гномы.

– Может, как раз по этой причине никто из героев так и не прошел даже первого испытания? Вам подкидывают заведомо «гнилых» кандидатов. Например, Соболева, которую я заменяю, не самый приятный человек. А я как раз подхожу по возрастной категории! – подмигнула гномам Люба.

– Кто бы говорил! – зашипел на нее Даньяр. – Если бы я знал, что ты будешь так себя вести на голосовании, сказал бы, что ты немая. Или, не в себе, и не в состоянии отвечать

на вопросы!

Журавлева сложила руки на груди. Она заметила, что круг перестал вращаться после ее последнего довода. Повисла неловкая пауза, очень похожая на ту, которая наступала, когда дядю Вадима просили сказать тост. Тот не умел импровизировать, и, после пятиминутной тишины, объявлял: «за нас», поспешно опрокидывая стопочку.

Лампочки и вращающийся круг медленно погасли.

– Как бы то ни было, – Ре просительно поднял руку, призывая других гномов к спокойствию, – мы не можем сразу решить, как поступить с этой иномиркой. Нам придется выслушать высшие ступени и Палату Гриотов. Но это может затянуться на несколько дней, или даже на неделю!

«На неделю?! – задумалась Люба, – дядя Вадим мне голову открутит, когда вернусь».

– Таким образом, как главный Старейшина, я хочу разрешить Любе остаться в Озерной провинции до оглашения воли Гриотов и ступеней, – заключил гном, зачем-то глядя на наручные часы. Журавлева догадалась: скоро обед, а потом – послеобеденный сон.

– Подтверждаем, – неожиданно дружно отозвались четверо гномов, от глаз которых не укрылся его последний жест. Кажется, они были рады завершить голосование, переложив ответственность в сложном вопросе на главного.

– Постойте! – запротестовал Даньяр, – мы же еще не решили, у кого эта девица будет жить!

– А тут и решать нечего, юный Рэм. Она останется у тебя. Прежде чем отказаться, подумай о проблемах, которая Люба принесет с собой, если вдруг окажется на улице. Приютить Странницу у себя захочет каждый первый. Это же считается благодатью, знаком свыше для жителей Солнечной страны. Начнутся драки, ссоры, бесполезная возня... – сердито отозвался Ре.

– Но Люба – не Странница! Ее не утвердили. Вы же сами говорили – преступница, бросить к крысам... – умирающим голосом заметил бравый лучник.

– Девочка дала добровольное согласие на участие в испытаниях для Странников. Для нас это уже неплохое начало. Сбежать она не сможет. Да и куда ей бежать? Гриоты легко отыщут ее в Солнечной стране по чужеродной энергии. Да и ты за ней будешь приглядывать, верно? К тому же, если могущественное в прошлом семейство Рэмов не может прокормить одну юную особу, значит, оно действительно переживает худшие времена. И никогда не вернет себе былого величия! – последние слова гном особо подчеркнул.

– Хорошо, я понял. Пусть остается.

– Она может заработать себе на хлеб сама. У нас дефицит работников на шоколадной фабрике, – обрадовались гномы.

– Я и не собирался позволять ей бездельничать, – вздохнул Рэм.

Люба подумала, что в этом мире все словно сговорились. Почти каждый стремится заставить ее работать на благо

Озерной провинции. Или на собственное благо.

От замка гномов шли молча. Каждый размышлял, молча. Люба уже начала сомневаться в своих словах и сделанном выборе. И зачем ей становится Страницей? В Москве ей ничего не удавалось, даже последний конкурс она провалила, а здесь думает – все легко получится? Как там говорил дед Даньяра? Испытания для Страницы бывают смертельно опасны. Так стоило ли лезть на рожон? Что, если ей всю жизнь суждено проигрывать и разочаровывать других?

Люба никогда не была любимицей судьбы... Способна ли она защитить хоть кого-то? С другой стороны, помогла же она Соболевой! За двести шестьдесят лет никто из Страников так и не вернулся назад. А Женька теперь избежит этой участи. Поедет в Европу, закончит там самую крутую модельную школу, обретет всемирную известность... Получается, Люба ее все-таки спасла?

– Эй, ты что, заснула? Я к тебе обращаюсь! Пить хочешь? – Рэм грубо выдернул девочку из тягостных мыслей. Оказалось, они прошли несколько домов по центральной дороге и остановились возле колодца-журавля. Раньше Любе приходилось видеть их только на картинках.

– Хочу, – кивнула она, любуясь, как ловко его сильные руки перебирают блестящую на солнце цепь. Поставив ведро на край колодца, он милостиво разрешил ей:

–пей прямо так. Кружки у меня с собой нет!

Люба присела рядом с ведром и от души утолила жажду. Вода была чудесная – чистая, холодная, с привкусом минеральных солей.

– Спасибо, – наконец, сказала она, смахивая с губ последние блестящие капли. – Из-за этих гномов совсем во рту пересохло. Вроде бы и говорила немного. Наверное, от волнения.

– Не понимаю, – Рэм задумчиво покрутил на указательном пальце кончик синей косы. Колокольчики в ответ жалобно звякнули. – Зачем тебе все это? Предлагать себя на роль Странницы... Не проще ли сразу признать, что сглупила? Или испугалась давления Старейшин? Решила, что тебя и правда запрут где-нибудь, как преступницу? Думаю, Гриотам куда проще отправить тебя назад. Их власть не распространяется на ваш мир... По крайней мере, пока. Если твое появление – случайность, им пришлось бы восстановить равновесие. Но ты заговорила обо мне, об этом... ошейнике... И откуда тебе знать, как я его ненавижу? – глаза Рэма заблестели. Он резко отвернулся, принимая независимый вид.

Люба подошла к нему и дружески хлопнула по плечу. Ей вдруг стало ясно, почему она взвалила себе на плечи неподъемный груз. Мысль о том, что Дэн будет еще двадцать лет ходить с этой штукой на шее, взростеть и стареть, казалась невыносимой. Что, если он вообще не доживет до старости? В этой дикой стране достаточно вовремя не заменить камень на шее, чтобы умереть... или превратиться в манекен.

Как она может забыть об этом и даже не попытаться хоть что-нибудь сделать? Чем успокоить потом свою совесть?!

– Пойдем, – ласково потянула Люба его за рукав. – Показывай дорогу на шоколадную фабрику!

Глава 15. «Ковры в конуре»

Шоколадная фабрика оказалась массивным двухэтажным зданием, крышу которого венчал огромный цветок подсолнуха. Неизвестно, кому пришел в голову подобный архитектурный изыск, но Люба только вздохнула:

– «Цветочные сласти»? Seriously? Даже звучит как-то невкусно!

– Ничего ты не понимаешь, Любушек! У нас вкуснейшие конфеты во всей Солнечной стране. Мармелад, шоколад, леденцы, ириски... А подсолнух – это символ страны. Часто изображают его или солнце.

Люба только пожалала плечами. У нее, считай, целая неделя отпуска. Все равно нужно чем-то себя занять. Тем более Даньяр сказал, что конфеты пробовать не запрещается.

Внутри оказалось не так интересно, как снаружи. По крайней мере, на первый взгляд. Множество складских помещений, выкрашенных в синий цвет, нагромождений разноцветных коробок, огромные чаны с жидким шоколадом, карамелью, помадкой, от которых шел приторно-ванильный запах. Находиться рядом с кипящей патокой или шоколадом нелегко, если учесть, что и на улице стояла жара.

Получив одинаковые синие халаты, Даньяр с Любой разошлись в разные раздевалки. Одежду полагалось оставить в специальных шкафчиках. Волосы убирались под шапочки из

материала, похожего на фольгу, но более прочного.

Журавлева не понимала, как шоколадная фабрика может работать без электричества. Но разгадка не заставила себя ждать: множество печей разных конфигураций находилось в самом здании, а ленты, от станка к станку, были снабжены «теплоками».

Женщины и мужчины быстро передвигались по проходам. На шее каждого из работников блестели «ошейники» с подмигивающими красными камнями.

– Технологический процесс, поточное производство... – Даньяр с важным видом, точно пытаясь запугать ее незнакомыми словами, рассказывал о фабрике конфет. Любе казалось, что так вел бы себя щеголь на светском приеме пару веков назад, рядом с деревенской простушкой.

Когда короткая и не слишком интересная экскурсия по шоколадной фабрике закончилась, Даньяр разом растерял красноречие и снова превратился в унылого молчуна. Даже то, что они должны сортировать конфеты на одном общем участке и откладывать в сторону бракованные, не сделало его мягче. На все вопросы Любы о подозрительном доме Рэмов, о привычках и прошлом деда Даньяра, о буднях лучника, тот отвечал односложно:

– Меньше болтовни, больше дела!

В итоге Люба отказалась от мысли «развести» его на разговор. Может, было бы интересно поболтать с кем-нибудь из работников фабрики. Только те смотрели на нее, как на чу-

до, и старались держаться подальше. Неизвестно, что стало этому причиной: загадочная сила Странницы, или же общество юного лучника, которого, действительно, побаивались.

Хоть они и отработали только половину смены (примерно четыре часа), Люба очень устала. Оказалось, перебирать конфеты – довольно нудная работа. Хотя цветные фантики с изображением магарей ее немножко развлекли.

Перед уходом им с Даньярком вручили по маленькому пакетику кристаллов, перехваченных красной лентой и бумажному пакету с шоколадными конфетами. Это было довольно щедро, хотя Люба уже успела полакомиться сладким. Наверное, не следовало так увлекаться, все-таки она – модель. Что бы Соболева сказала об её нынешней форме и аппетите? Ну, наверное, что путь на подиум для неё закрыт.

Солнце уже клонилось к западу, когда Люба и её спутник покинули фабрику. Несмотря на то, что день простоял жаркий, с Волнистого озера подул холодный ветер, и Люба не отказалась бы накинуть на плечи кофту.

– Ты – молодец! Думал, будешь капризничать, что устала, но ты молчала, – похвалил ее Даньяр. – А теперь, давай сюда мешочек с «теплоками». За жильё нужно платить!

Люба пожала плечами и протянула ему свою «зарплату». Ее кормят, одевают – зачем ей деньги или какие-то «теплоки»? Дядя Вадим тоже забирал у нее гонорар за съемки. Рэм хоть на конфеты не покушается!

Даньяр развязал ленточку и высыпал «теплоки» на ла-

донь. Они оказались очень маленькими, размером с горошину, но зато – целая горсть.

– Мы должны их обменять. Мне нужны «теплоки» на замену тех, что сломались в Мерлом лесу, – сообщил Рэм.

– У вас, что, и пункты обмена есть? – Люба не удержалась, подхватила один из маленьких «теплоков», поднесла его к самому лицу, и, прищулив левый глаз, попыталась рассмотреть «живой» камень изнутри.

Но Даньяр не был настроен потакать ее любопытству. Выхватив камень, он быстро двинулся вдоль боярышниковой аллеи, недовольно ворча на ходу:

– Сказал же, нужно обменять. Будешь зевать, опоздаем в обменную лавку.

Обиженной Любе оставалось только ускорить шаг, следуя за ним. Не хватало еще потеряться в этом хитросплетении улочек!

...Бумажную вывеску «Обменный пункт» украшали декоративные камни, переливавшиеся в солнечных лучах, как рыба чешуя.

– Остайся здесь, – попросил ее Даньяр. – Там мало места. Лучше подыши воздухом!

– Смотрите, какой заботливый, – проворчала Люба. Не то, чтобы ей было дело, сколько «теплоков» наменяет себе Рэм. Она уже поняла причину его нежелания появляться с ней на людях. Даньяр не любил привлекать к себе внимание, а рядом с «иномиркой», как обозвали ее гномы, оно было ему

обеспечено.

«Ну и пусть себе меняет, – подумала Люба. – А я посчитаю количество кирпичиков на стене дома напротив. Больше все равно заняться нечем!»

В первый раз ее подсчет сбился, когда где-то неподалеку, во дворе, мальчишеский голос прокричал:

– Лучшие ковролеты с большой скидкой только сегодня! Заходите в «Ковры в конуре» прямо сейчас! Только у нас вы купите новый ковролет за смешную цену!

Голос умолк, и Люба снова принялась высчитывать количество кирпичей. Ей пришел в голову очевидный факт: если она посчитает число кирпичей в вертикальном и горизонтальном рядах, то, перемножив, узнает точное их количество.

Но тут снова раздался тот же вьедливый голос:

– У вас все еще нет личного ковролета? Бегом в наш магазин «Ковры в конуре»! Ваши родные не выезжают за пределы провинции, потому что путь неблизкий и лежит через леса? По воздуху вы легко преодолеете любые преграды! Для ковра не требуется никакого топлива – просто следите, чтобы нитки всегда держались на месте! В случае, если ковер порвется, его всегда можно заштопать ковроритками, которые тоже можно купить в нашем магазине «Ковры в конуре»!

Люба фыркнула. Да уж, реклама, она везде одинакова! Только в Москве парня не заставили бы мучиться и надрывать глотку. Нежный женский голос в записи повторял бы

текст, не сбиваясь.

– Приходите за новым ковролетом в «Ковры в конуре»! Выберите оригинальный рисунок! Только у нас – огромный выбор и низкие цены! – продолжал расхваливать товар мальчишка.

Люба задумчиво поковыряла носком своего чулка-туфли сухой песок. Удивительно! К этой волшебной обуви грязь не прилипала. А ведь сегодня она в них бегала, и по траве, и по лужам, появившимся после ночного дождя. Замечательное изобретение!

– Один ковролет – это не показатель вашего достатка! Помните, у хорошего хозяина должно быть хотя бы три ковролета: один – для себя, другой – для жены, третий – для родственников! Приходите в «Ковры в конуре» за новыми замечательными ковролетами! Докажите себе и другим, что вы – успешный человек!

Люба прислонилась к стене дома рядом с дверью в обменник и едва не закричала зубами. Ну, что, за навязчивый сервис? Она уже готова отправиться в соседний двор и попросить рекламного агента заткнуться. Останавливало лишь то, что Даньяр велел его ждать.

Когда Рэм вернулся, Люба спросила его:

– Ну что, много наменял?

Даньяр усмехнулся:

– Мечтать не вредно, – и продемонстрировал всего шесть больших «теплоков». Точно такие Люба держала в руках, ко-

гда заменяла камни в его ошейнике.

– Только шесть? Так мало?

Заметив ее недовольный вид, он взъерошил девочке волосы:

– Увы. Крупные камни дорогие. Не веришь – можешь порыться у меня в карманах. Обменял их на твой и мой мешочки. На эту неделю мне хватит. Спасибо. Но на шоколадной фабрике тебе все равно придется мне помогать... Продукты можно приобрести только в обмен на «теплоки».

Его перебил звонкий голос все того же ушлого мальчишки:

– Сумма, полученная за каждый пятидесятый ковер, направляется на благотворительность! Спешите сделать покупку в «Коврах в конуре» уже сегодня, помогая сиротам и обездоленным!

– Что за клоун? – спросила Люба. – Знаешь его?

Даньяр нахмурился:

– Да есть тут один бесполезный. Последние двадцать лет просиживает в нашем мире. Толку от него! Чайник дырявый! Ковролеты продает.

Журавлева тут же уцепилась за фразу «в нашем мире»:

– погоди! Хочешь сказать, что этот парень – такой же, как я?! Но... Если он – предыдущий Странник, то ему должно быть под сорок лет! А как его зовут?

– Тридцать пять, если быть точным. Ярослав Таманцев. Наша провинциальная знаменитость. Лет пять-десять назад

на него приезжали посмотреть из других провинций. Но потом перестали. Надоел, – равнодушно отозвался Даньяр.

– Что ж ты сразу о нем не рассказал! Если я могу стать Страницей, мне обязательно нужно пообщаться с предшественником. Ужас, как подумаю, что он застрял здесь, аж на двадцать лет! А что стало с его близкими? И какой это удар для родителей! Подожди... Если ваши «испытания» начались двести шестьдесят лет назад, значит, здесь пропало не менее двенадцати Странников! И, что, все они до сих пор живы, благодаря магии этого мира?

Люба едва не подпрыгивала от возбуждения.

– Ты – тринадцатая, – уныло отозвался лучник, – что касается иномирцев, то Славка из них – единственный живой. Что стало с остальными, не знаю. Кто-то превратился в манекен и умер. Кто-то погиб во время испытания. Обычный порядок вещей... А Славка застрял в нашей провинции по вине испытания, которое было назначено здесь. Глаза намозолил.

– Ты же не видел, как он проходил испытание, чего бурчишь? – мигом кинулась на защиту русского парнишки Люба. И тут же помрачнела, вспомнив какой номер по счету ей достался. На что рассчитывать, если даже с номером Страницы ей не повезло!

– Не хмурься. Я тебя в ряды наших «спасителей» вообще не зачисляю! Слишком бестолковая, – заявил пакостник.

Люба сказала бы ему пару ласковых в ответ, но тут Таман-

цев, или как-его-там, снова заорал во всю силу легких:

– Только у нас, и только сейчас в «Коврах в конуре» вы сможете увидеть последние новинки ковролетов. Если вы уже совершали покупку, то вас ждет зашибенная скидка!

– «Зашибенная»? Он часом на солнце не перегрелся? – озабоченно покачала головой Люба. – Пойдем, что ли, посмотрим на этого бывшего Странника!

Даньяр закатил глаза:

– Это обязательно?

– Конечно! – топнула ногой девочка. – Может, ты и не ве-ришь, что я – Странница, способная что-то изменить в ва-шей дурной системе. Но я все равно завязла в этом по уши! Мне пригодится любая информация об испытаниях, которые предлагают Гриоты. И Ярослав в силах помочь!

– А, вот, захочет ли... – без энтузиазма отозвался Даньяр, который выглядел усталым.

Люба подумала, что на нем плохо сказался предыдущий день, схватка с магарью, после которой перегорели все «теп-локи». А вдруг в течение одного дня носителям ошейников полагается испытывать определенное количество эмоций? И усталость сама по себе опасна? Может, Рэм не отмалчивается, а просто бережет новые камни?

– Слушай, если не хочешь со мной идти, возвращайся до-мой, – Люба махнула рукой, показывая, куда, по её мнению, следовало отправиться Даньяру.

Тот мигом расшвирился:

– Ишь, чего захотела! Старейшины ждут, что я буду приглядывать за тобой! Так что даже не надейся болтаться где-то в одиночку! Или в компании этого шарлатана Таманцева! – Даньяр сорвался с места и пронесся мимо растерянной Любы к узкому проходу между кустов, бросив на ходу, – пойдём, посмотришь на своего сородича. Здесь путь короче.

«Короткий путь» оказался и тернистее, как и следовало ожидать. Под ногами тут и там валялись камни. Остатки поваленного забора поросли крапивой. Люба закусил губу, чтобы не вскрикнуть от боли, глядя на ухмыляющегося Дэна. Конечно, в брюках, непроницаемых для крапивы, пробираться через завалы как-то сподручнее. Люба совершенно беззлобно пожелала парню оставить на заборе клочок ткани от роскошного костюма, поразившего ее еще в первую встречу. Но, наверное, ткань была крепкой. Так же, как и её волшебные чулочки!

Миновав побелевшую от времени изгородь, они прошли между высокими раскидистыми тополями. Вышли прямо к одноэтажному дому, напоминавшему гигантскую собачью будку, выкрашенную в ярко-малиновый цвет. Вход не был прикрыт дверью. Точнее, сама дверь валялась на земле, точно половой коврик. Возможно, на ночь дверь поднималась и закрывалась на замок. Или хитро завязывалась изнутри шпагатом. На здании над единственным входом Люба прочла неровные буквы: «Ковры в конуре».

– Без окон, без дверей, полна горница людей, – хмыкнула

Люба себе под нос.

– Чего ты там бормочешь?

– Неважно. И кто из них – Таманцев?

У входа толпилось человек десять. Люба с болью отметила, что, как и на фабрике, у каждого из них на шее мерцал ошейник. Женщины средних лет в пышных платьях с цветными фартуками и в плотных чепцах, один мужчина с вилами, очевидно, пришедший откуда-то поблизости, где убирал сено, трое рыбаков с ведром рыбы, и две очаровательные девчушки лет четырнадцати.

– Да вот же он! Выделяется красными волосами, как мотылек среди гусениц. Только посмотри, как собой гордится и нос задирает! Надеется, что кто-нибудь купит у него товар. А, знаешь, сколько стоит один ковролет из его «конуры»?

– Сколько?

– Сто тридцать крупных «теплоков», – лениво сообщил Дэн.

– Надо же, какими деньжищами ворочает наш Таманцев! – восхитилась Люба, у которой отчего-то не получалось разглядеть соотечественника, сколько бы она не вглядывалась в толпу. – Это же двадцать один день работы на фабрике!

– Ничем он не ворочает, – потер виски Даньяр, – его просто содержит хозяин лавочки. Приглянулся ему Славка тем, что был Странником. А твой Таманцев – обычный продавец. И не слишком удачливый.

Люба пропустила мимо ушей последнее ехидное замечание. Они вплотную подошли к толпе, собравшейся вокруг магазина ковровлетов. Сейчас Журавлева могла хорошенько рассмотреть мальчишку-торговца. А ведь этот Ярослав Таманцев и, правда, не постарел с момента, как стал Странником!

Было ли это его особенностью, или участью всех бедняг-иномирцев?! В отличие от жителей Солнечной страны, ошейник на шее не просто забирал у него энергию, размещая ее на крохи от «теплоков», но и сохранял молодость. Люба даже подумала, сколько женщин в её мире согласились бы надеть ошейник, чтобы оставаться вечно молодыми.

Сам Ярослав Таманцев поразил ее не только своим юным лицом (как будто был ее одноклассником), но и яркой, запоминающейся внешностью. Во-первых, Люба сразу поняла, что имел в виду Даньяр, назвав Славу – «мотыльком». После Рэма Журавлева надеялась, что ей больше не придется любоваться на дикие расцветки волос. Хотя в глубине души опасалась – вдруг в Солнечной стране популярны яркие оттенки? Были же здесь Нептунисы, считавшиеся редкими красавцами! И, если во сне она видела их такими, какими они были на самом деле, то оставалось признать, что каноны красоты здесь сильно отличаются от земных.

Но ей повезло. Местные жители не имели привычки краситься в дикие цвета. Единственным человеком с синей кожей оказался Даньяр. Поправка! До того момента, как Люба

встретила Ярослава.

Бывший Странник обладал шевелюрой кроваво-красного оттенка. Таманцев соорудил на голове целый лабиринт из острых прочных треугольников, щедро смазав волосы неведомым жирным средством.

«Наводит на мысли, кем этот герой был в прошлом, еще в России...»

Таманцев носил ту же одежду, в которой когда-то был в Солнечную страну. Серая футболка с Майклом Джексонем, потертые, выдавшие виды, синие джинсы, на ногах – самые обычные ботинки, казавшиеся неуместными в такую жару, а сверху – куртка-косуха со множеством молний и замочков из кожзаменителя, которая вышла из моды давным-давно. На шее – ошейник Гриотов. На груди болталась дешевая металлическая цепь. Пальцы обеих рук унизаны безвкусными кольцами, явно копеечными.

Неказистая одежда Ярослава полностью компенсировалась его теплой улыбкой, которую он щедро дарил всем окружающим. Серо-зеленые глаза удивленно расширились, когда он заметил Даньяра и его спутницу.

Очевидно, Таманцев был собранным человеком, который не любил отвлекаться от рабочего процесса. Вот почему он, сделав короткую паузу, во время которой оглядел Любу с головы до ног, вернулся к рекламе своего товара. Подхватив один из крепко скрученных рулонов примерно в два метра высотой, он от души потрянул его за верхний край. Тот раз-

вернулся, но не упал на землю. Повиснув в воздухе, ковер продемонстрировал зрителям сложный узор на нежно-розовом фоне, сочетавший лилии и замысловатые символы в виде спиралей и змей.

Люба поймала себя на том, что, открыв рот, глазеет на мягкое средство передвижения. Она-то видела ковер-самолет только в фильме про старика Хоттабыча. А тут, выходит, ковролет – вполне обычная ходовая в быту вещь?

– Новый, совершенно новый ковролет! На сегодня это – абсолютный лидер продаж! – расписывал достоинства товара Таманцев, – если захотите, можете использовать дома вместо ковра и даже спать на нем. Но, если приобретете его, как транспортное средство, убедитесь в его прочности и долговечности, а также способности поднимать в воздух тяжелые грузы! Цена для отменного качества просто смешная – всего сто семьдесят пять крупных «теплоков»!

– А почему, как ты ковер развернул, из него столько пыли посыпалось, если он – новый? – один из рыбаков чихнул и, отвернувшись, недовольно высморкался.

Ярослав подарил ему легкую чарующую улыбку:

– Это все лишь магия ковролета! Он буквально дышит магией. Нам, простым смертным, может даже вначале неуютно находиться рядом с ним. Но все поправимо! Наш замечательный ковролет за номером 311 сам приспособится под ваши нужды! Лишняя магическая сила сохранится на всякий случай!

Люба недоверчиво хмыкнула. Пыль, она и в Африке – пыль.

– А сейчас мы устроим настоящее испытание для ковра! Девицы-красавицы, не хотите поучаствовать в небольшом, но крайне увлекательном представлении? – Ярослав успел незаметно приблизиться к двум очень похожим девушкам (видимо, сестрам) и вытащить их в центр рядом с собой.

Слегка обнимая смущающихся девчонок за плечи, и при этом, успев хитро подмигнуть Любе, Таманцев продолжил:

– Ну, что, какая из вас посмелей, и рискнет оседлать этого летуна?

Одна из девчонок вывернулась из его рук и присоединилась к зевакам. По личику второй девчушки с широко расставленными глазами и вздернутым носиком, становилось понятно, что общество Ярослава, в прошлом – Странника, а сейчас – продавца ковров, ей очень приятно.

«Пусть все его сладкие речи – не более, чем пустой треп и желание заполучить покупателя, такие комики всегда популярны», – мысленно вздохнула Люба, рассматривая возможную хозяйку ковра. Белое платье в рисунок из тонких волн, с кружевным воротничком, сидело точно по фигурке. Подол платья от колена и до пят мастерски сшит из прозрачной переливчатой ткани, и потому верхняя юбка отсутствует. Девушка смотрела на Таманцева так, словно он, по меньшей мере, принц. Острые плечики восторженно подрагивали.

«Похоже, слава не оставила Славку, чтобы там себе не ду-

мал Даньяр. Слава и Славка. Каламбур получился!» – Люба с азартом ждала, чем закончится этот спектакль. Все равно откровенный разговор с Таманцевым откладывался. Журавлева по себе знала, как раздражает, когда тебя отрывают от работы незнакомые люди с левыми вопросами. А ей обязательно нужно познакомиться с Ярославом! Что ж, придется ждать, пока все зеваки не разойдутся по домам...

– Прошу пожаловать на наш «Ковролет-311»! Не бойтесь, устраивайтесь поудобнее! Для вашей безопасности лучше сесть на ковролет с ногами, на самую середину, чтобы вес распределился равномерно! – Ярослав отпустил девушку, чтобы показать, как именно нужно располагаться на ковре.

– Я попробую! – нахмурилась покупательница, неизвестно чем недовольная больше: что ее бросили без внимания или усомнились в её способности к простым действиям.

Таманцев словно не заметил перемены девчачьего настроения. Но с ковра слез, продолжая вещать лекцию, уже стоя на твердой земле. Люба внимательно слушала – вдруг и пригодиться? И не она ли мечтала покататься на флаере, как Алиса Селезнева? Ковролет ничем не хуже.

– Мысленно вы задаете ковролету программу, какого маршрута следует держаться, – продолжал Таманцев, – лучше всего, если путь вам известен от начала и до конца! Но, если вы путешествуете впервые, то можно просто назвать конечный пункт. Тогда ковролет сам выберет маршрут. Сей-

час, милая... прошу прощения, как следует к вам обращаться?

– Эйра, – прикусила губу девушка. У Любы сложилось впечатление, что Ярослав не первый раз спрашивает ее имя. Красавица-то из местных. Другое дело, что имена он, видимо, принципиально не запоминает. В отличие от порядковых номеров и особенностей своих ковров.

– Что ж, Эйра! Тебе предстоит облететь замок гномов-Старейшин и вернуться обратно. Ты готова? Представила мысленно маршрут?

Эйра кивнула в ответ. Несмотря на подробные объяснения Таманцева, она робко села на краешек ковра, свесив ноги. И тут случилось непредвиденное!

Ковер вдруг всколыхнулся, отбрасывая «наездницу» на середину, и, в считанные мгновения свернулся в рулон, с девушкой внутри. Проклятый ковер перевернул Эйру с ног на голову. Затем, беспощадно встряхнул ее прямо в воздухе, снова разбрасывая вокруг себя плотные облака пыли, и застыл в вертикальном положении напротив Таманцева.

Лицо Ярослава покрылось пятнами. Прежде, чем он успел что-то сказать, со всех сторон послышались гневные крики:

– Где ты достал это старье?

– А если бы ковролет ее сбросил, набрав высоту прямо в воздухе?!

– Говоришь, последняя модель? Мы будем жаловаться хозяину!

Надо отдать Таманцеву должное – он быстро пришел в себя и попытался оправдаться:

– Не надо эмоций! Сейчас разберемся. У меня есть команда отбоя на случай бракованного товара. Видите ли, ковролет новый...

– Хочешь сказать, даже не проверил его в действии?! – злобно загудела толпа.

– Проверил. Но с новыми ковролетами иногда случаются сложности. Вот почему всем клиентам я настоятельно советую покупать ковролеты двухсотой проверенной модели. Пусть скорость меньше, зато дешевле, и качество не хуже...

Его перебил дрожащий голосок Эйры:

– Пожалуйста, выпустите меня! Мне страшно!

Таманцев, вспомнив, что нужно вмешаться, просто опустил ладонь на ковер и произнес вслух, громко и внятно:

– Выпуск 311, финиш.

Ковролет тут же аккуратно опустился на землю, распластавшись по ней ровным слоем. Девушка, красная как рак, мгновенно отряхнула полы длинной юбки, отпрыгнула подальше от ковролета, как от гремучей змеи, и накинулась на продавца:

– Это у вас называется – «безопасный полет»?!

– Но вы стали участницей уникального случая сбоя работы ковролета! Это... В некотором роде – редкая удача!

Люба прикрыла глаза ладонью и вздохнула. Что-что, а выкручиваться Таманцев за двадцать лет так и не научился.

Разъяренная Эйра, всего пять минут назад ловившая каждое его слово, сейчас готова разорвать парня на части:

– А, ну, быстро полетай на этом бракованном ковре, чтобы мне не обидно было!

Люба поняла, что пора вмешаться. Она быстро протиснулась между двумя старушками, которые стояли впереди, проигнорировав злобное шипение Даньяра:

– Ты-то куда лезешь, дура!

Загородив Таманцева собой, Люба замахала руками:

– Давайте успокоимся! Ярослав ооочень сожалеет по поводу неисправности ковролета! Пожалуйста, примите этот небольшой подарок от фирмы «Ковры в конуре» в качестве извинения! – Люба сунула в руки Эйры пакет с шоколадными конфетами, втайне надеясь, что те не растаяли из-за жары.

– Кто это? – по толпе пробежал удивленный шепот.

– Эээ... Меня зовут Люба. И я... Да неважно. На сегодня, думаю, представление товара от «Ковров в конуре» закончено. Правильно, Ярослав?

В ответном взгляде Таманцева промелькнула насмешка:

– Красота, откуда ты взялась? Хочешь стать моим помощником в магазине? Тогда принеси рекомендации.

– Она – Странница, как и ты. Так что, обойдется как-нибудь без них, – от ледяного тона Рэма, и Эйра, и другие покупатели заметно сникли.

Новость о том, что среди них появилась Странница, за-

ставила людей притихнуть. Возможно, к Любе пристали бы с вопросами, если бы Рэм не числился ее сопровождающим. А тот, довольный произведенный эффектом, подошел к ковролету, легонько его пнул, и тихо сказал:

– Соберись!

И «средство передвижения» мгновенно закаталось в рулон. Перекинув ковролет через плечо, Даньяр повернулся к помрачневшему Таманцеву:

– Так и быть, занесу ковер в твою «конуру». А ты отправляй всех быстренько по домам! Дело есть!

Ярослав мгновенно ошетинился:

– А что это ты раскомандовался? Это – моя лавка. Когда захочу, тогда и закрою. И нет у нас с тобой общих дел.

– Со мной – нет. Но с Любой из твоего мира вам точно найдется, что перетереть, – Дэн оглянулся на тех, кто все еще мялся рядом с «Конурой», надеясь увидеть что-нибудь интересное. – Вы чего-то не поняли? Или хотите плохо спать по ночам, начиная с этой минуты?

Под его обжигающим взглядом люди попятились и начали расходиться. Одна тщедушная старушка в рваном платке щелкнула челюстями:

– Правильно, что дом Рэмов прокляли! Один последыш остался, с тьмой дружит, чума на его голову!

Даньяр побледнел, но ничего не ответил.

Глава 16. Продавец ковролетов

– Красота, ты, что, правда попала сюда вместо другого человека? – в который раз спрашивал Таманцев.

При этом он не забывал наматывать на палец «полюхающую» в свете единственного масляного фонаря прядь волос. Люба морщилась, но терпела. В агентстве «Звездный компас» моделей старательно отучали от дурных привычек. И результативно. Только теперь Люба не выносила это у других. Сейчас, глядя на Ярослава, и на морские узлы, которые он в волнении накрутил себе на волосах, девочка с трудом сдерживалась, чтобы не придрататься к этому вслух.

«Их же в итоге придется состригать! Вот болван! Нет, лучше смотреть на фонарь над его головой. Кстати, довольно яркий...», – успокаивала себя Люба.

Они с Даньяром сидели на круглых табуретках. Ярослав лениво развалился в обшарпанном плюшевом кресле. Дверь в «конуру» была плотно заперта изнутри. Не слишком чистые занавески скрывали от внешнего мира комнату, в которой расположилась дружная компания. Это была не единственная комната: узкая внутренняя дверь вела в смежное помещение. Как позднее узнала Люба, там находилась подсобка, где жил последние двадцать лет гражданин Российской Федерации, Ярослав Иванович Таманцев.

– И зачем тебе понадобилось в это лезть? Человек, кото-

рого ты заменила, тебя, что, об этом просил? – продолжал напирать Слава.

– Не просил. Точнее, не просила. А я, что, должна была спокойно смотреть на похищение человека?

Таманцев горько рассмеялся, сползая вниз по спинке ободранного кресла:

– Значит, истинный герой в этот раз – тоже девчонка? Ясно. Гриоты никогда не позволят нам победить. Я ждал человека, которому мог бы довериться... А тут ты, Красота. И даже – не настоящая Странница!

Слава порывисто поднялся, обхватив себя руками. Куртку Таманцев снял сразу, как зашли внутрь – за день дом сильно нагрелся. Люба вздрогнула, заметив, как новый знакомый впился ногтями в кожу, так что выступили капельки крови:

– Твое появление здесь, Красота, – заведомый проигрыш! Ты не пройдешь Первое испытание. Нет смысла продолжать этот разговор. Если б только на твоём месте оказался парень! Но ты – девчонка, и тебе даже не пятнадцать лет, я прав?

– Мне тринадцать. Но возраст ничего не значит. Удача, решительность и ум, вот что важно для испытания! – обиделась Люба.

– Ну и... Как у тебя... Хотя бы с удачей? – оживился Ярослав.

– На самом деле не очень, – заметив, как вытянулось и без того длинное лицо Таманцева, Люба торопливо добавила, – зато у меня нет никакого желания проигрывать вашим Гри-

отам! И, разве я виновата, что не родилась парнем?

– Еще как виновата! Красота, ты даже не представляешь, какая каша варится здесь двести с лишним лет! Дэнька, ты кого привел?!

Рэм тут же вспыхнул:

– Я просил не называть меня так! Мне такой вариант нового Странника тоже не нравится, но других в Мерлом лесу не нашлось. Раз такой умный, сам сходи и поищи!

– А я просил не выдавать другим мои секреты. А ты теперь щеголяешь с синими прядями, когда у меня был индивидуальный заказ на алхимическую жидкость, окрашивающую волосы! – кипятился Ярослав.

Люба, поняв, что стала свидетелем схватки тигра и питона, не представляла, чем охладить страсти. Девочка только подлила масла в огонь, заметив:

– Даньяр – алхимик?! А, что, его настоящий цвет волос – не синий? Тогда, какой? А у тебя, Слава?

– Неважно! Даже не думай ей проболтаться! – гневно рывкнули в ответ оба парня. Последовавшая пауза грозила затянуться, но Даньяр примирительно заметил:

– Я не распространяю эту жидкость. Мне пришлось испытать её на себе, прежде чем передать тебе флакон. Эффект был временно снят другой составляющей, но сейчас опять проявился. Скажи спасибо, что я не использовал красный ингредиент, а то ходили бы, как братья-близнецы.

– Наверное, я должен быть счастлив. Если бы не эта Кра-

сота, которую ты привел, – ворчливо отозвался Ярослав.

– Мне чихать, что ты там думаешь. Она – мой единственный шанс на жизнь без Гриотов! И, если ты заколдован на вечную молодость, то у меня, увы, нет лишних двадцати лет ждать кого-то более подходящего. Так что немедленно рассказывай все, что знаешь о Первом испытании! – Даньяр грозно хрустнул пальцами.

Таманцев оказался первым человеком, который совершенно не боялся Рэма и его, мягко говоря, нехорошей, репутации.

– Еще нос не дорос мне указывать, пацан, – Ярослав презрительно сплюнул на пол. – Хочешь, выйдем на улицу! Научу тебя, как старших уважать.

– Давайте без драк! У нас – один противник и одни задачи, – сделала еще одну попытку вклиниться между ними Люба.

Таманцев даже не оглянулся в ее сторону. Зато подошел очень близко к табуретке, на которой сидел Рэм, и вдруг резко встряхнул его за грудки:

– Ты забыл, что стало с твоими родителями? А я помню. Помню крики из твоего дома, мальчишка! Вздумал мне указывать? Тебя даже в планах не было, когда я появился в этой стране. Думаешь, эта кукла вернет родителей? Ты в своем уме? Она – даже не настоящая Странница! У нее нет магических сил. Как она сможет выжить в испытании? Говоришь, я получил от Гриотов дар? Это такое же проклятие, как и...

Слава не успел договорить. Скорчился от боли, получив сокрушительный удар коленом в бедро. А затем и вовсе отлетел к стене – Даньяр резко отбросил его от себя.

В Рэма будто черти вселились. Стиснув железной хваткой Любино плечо, он потащил ее к выходу из «Ковров в конуре».

– Ты его так сильно ударил? Он хоть живой? Мы же хотели просто поговорить! Как так получилось? Погоди, как же...

– Нам не нужна его помощь. Обойдемся! – Даньяр от души хлопнул дверью лавки напоследок.

Глава 17. Еще один сон

– Эй, мне больно! Может, уже отцепишься? – Люба была зла на Даньяра. Своей вспыльчивостью тот сорвал переговоры с бывшим Странником. Нельзя брать его с собой к Ярославу!

Дэн безразлично фыркнул, выполнив ее требование. Затем смахнул со лба синие, как озеро в ясный летний день, волосы, и оттянул воротник футболки, словно ему не хватало воздуха.

В дом Рэмов они вернулись в полном молчании. Морий ждал их, сидя на крыльце и читая старую книгу в красном потрепанном переплете. Заметив ребят, он приветственно помахал рукой.

Люба ощутила болезненный укол в сердце. Необычное это чувство, когда тебя ждут дома. Тревожное.

– Значит, ты подрался с Таманцевым? – неодобрительно постучал пальцами по столу дед.

– Он болтал всякое, – неопределенно махнул рукой младший Рэм, с удовольствием уплетая запеканку с сыром.

– Разве это повод лезть в драку?

– Ярослав что-то сказал о его родителях. Хотя, не понимаю... Дэну о них только ленивый не говорит, но досталось почему-то бедному русскому парнишке, – Люба лениво ко-

вырялась вилкой в салате из овощей. После встречи с Таманцевым, который за прошедшие двадцать лет явно повредился рассудком, расхотелось не то, что есть, но и пить! От волнения она не сделала даже маленького глотка. – И, все-таки, что случилось с папой и мамой Дэна, дедушка Рэм?

Журавлева перехватила вопросительный взгляд деда, направленный на юного лучника. Тот схватил тарелку с остатками запеканки и громко стукнул ею о стол:

– Хватит! Я запрещаю трогать эту тему. Мои родители никак не связаны с «иномирцами»!

– Зато со Гриотами очень даже связаны, – нахмурился Морий, – но, раз ты не хочешь говорить, я тоже промолчу. Подождем более удобного случая.

– Отлично, – лучник улыбнулся, демонстрируя ровные белые зубы. Любе стало интересно:

– А чем вы чистите зубы?

Брови деда Даньяра поползли вверх. Переход от переживаний внука к средствам гигиены оказался чересчур резким:

– Вся округа пользуется его зубным порошком, который наносится специальной щеточкой. Дэн – талантливый алхимик. Хоть еще и очень юный.

– И что в нем талантливого? – сердито проворчала Люба, вспоминая обозленного Ярослава. – Парламентер неважный, а зубные порошки у нас вышли из моды давным-давно. Хотя некоторые их все еще покупают. Там, собакам зубы почистить, как удобрение для комнатных растений использо-

вать...

– Я хотел поделиться с тобой порошком и лишней щеткой... Сейчас вот думаю, не стоит, – пожал плечами Даньяр.

– Ты все-таки занеси. Неужели тебе неинтересно сравнить нашу зубную пасту и свою смесь? Я бы не упустила редкий шанс. Кстати, а чем чистят зубы жители других провинций? Что-то не похоже, чтобы твоя торговля процветала!

– Во-первых, хорошо, принесу. Но только ради сравнения. Во-вторых, кто поумнее, находит способ заказать. Остальные пользуются, чем попало производства Гриотов.

– Прямо как у нас китайскими товарами! – Люба, отметив деталь, похожую на родной мир, почувствовала, что к ней возвращается хорошее настроение. А с ним и аппетит. Она тут же бодренько добавила в тарелку жареных овощей и пряной приправы к ним.

За второй день пребывания в Озерной провинции Люба ужасно вымоталась. Она с удовольствием приняла душ, старательно высушила волосы, прежде чем лечь спать. Потом, укрывшись пледом, листала книгу. Было удивительно читать книги, не отличая язык Солнечной страны от русского. Видимо, знания о письменной и устной речи передались ей разом, как только она заменила Страницу. Но чтение давалось ей пока не очень хорошо. В томике, который вручил дед Даньяра, рассказывалось о столице Солнечной страны. Автор утверждал, что в нее не попасть ни по воде, ни по земле,

ни даже на ковролете.

«Но, ведь жители других провинций бывают в столице?» – задумалась Люба, коснувшись головой подушки. Читать больше не хотелось. Но нужно же чем-то занять время перед сном! В Москве она «ползала» в интернете, следила за лайками в инстаграмме или играла в компьютерные игры прямо в кровати.

А еще Любе хотелось забыть о том, что наговорил Таманцев. Тоже умник нашелся! Сказал, что она бесполезна без магии. Получается, все иномирцы, попадавшие в Солнечную страну до неё, обладали определенной магической силой?! Если это правда, что же делать? Как она пройдет даже первое испытание, если её все же признают Страницей?

«Таманцев определенно многое знает. Но, даже не захотел со мной поговорить! Совсем одичал вдали от родины! – возмущалась Люба, отчаянно зевая, – пожалуй, нужно еще раз сходить к нему. Но, без Даньяра. Как-нибудь улизну от него! Этот парень – просто пороховая бочка! А вместе с Таманцевым – аварийная атомная станция!»

Полежав с четверть часа, Люба поняла, что, несмотря на усталость, заснуть не может. И тут ей вспомнилось, что у нее есть ПСП. Та самая ПСП, которая в этом мире отчего-то продолжает работать даже без электричества. И буквально создает новую магическую реальность.

Почему бы не узнать, что еще покажет ПСП, измененная в Мерлом лесу? Уж лучше поиграть, чем ворочаться в посте-

ли, беспокойно ожидая утра!

Журавлева села на кровати, облокотившись о спинку. Потянув за ремешок сумки, до этого болтавшейся на стуле, Люба поставила ее себе на колени. Порылась и почти сразу обнаружила приставку. Забавно: едва девочка коснулась приставки, как экран тут же замигал. Люба в волнении схватила ПСП обеими руками. На экране высветился вопрос: «Хотите продолжить фантастическое свидание?»

Люба щелкнула в ответ: «Да». И почти сразу же захотела спать. Закрывая глаза, она соскользнула вниз, чудом не выпустив из рук свою особенную ПСП.

Открывшийся перед ней вид впечатлял. Люба стояла на краю почти круглой, посыпанной мелким песком, площадки. Неровный горный склон спускался вниз, скрываясь в поднимавшемся со дня пропасти тумане. Вокруг царила тишина, нарушаемая, разве что, журчанием близкого ручейка. Оглянувшись, Люба рассмотрела развалины средневекового замка. Или крепости. Крыши не было, но стены, сложенные из серого камня с узкими бойницами и полуразрушенной аркой вместо ворот, внушали невольный трепет.

Налетевший порыв ветра заставил Любу вздрогнуть от холода. Она быстро оглядела себя. Очередной магический сон? Что она делает на верхушке старой, потемневшей от времени крепости в полном одиночестве? Даже если вокруг очень красиво...

И самый главный вопрос: почему она в том самом роскошном платье, в котором щеголяла Соболева на последнем конкурсе?!

Конечно, она с первого взгляда узнала эту ткань и фасон. Острый глаз модели запомнил даже мелкие детали. Новым для Любы был, разве что, легкий, почти прозрачный, платок. Но, именно благодаря ему, ветер, усиливавшийся с каждой минутой, не превратил волосы в воронье гнездо.

«Так и простыть недолго. Что за глупая идея для свидания? Лучше бы я просто легла спать!» – разозлилась Люба. Особенно ей не понравилось, что уйти с площадки нельзя. Ноги словно приросли к земле. Да и тропинки, по которой можно спуститься вниз, Люба не видела.

У Журавлевой сложилось впечатление, что магия, обеспечившая работу ПСП, явно поскупилась на антураж. Или просто не знала, как создать законченный образ?

– Звезда моя, тебе нравится?

Журавлева вздрогнула и обернулась. Игорь был здесь. Одетый по моде девятнадцатого века он выглядел, как молодой барин, сжимая в одной руке длинную изящную трость, другой придерживая элегантную шляпу. Жилет песочно-золотистого цвета прекрасно гармонировал со строгим серым костюмом. Несмотря на туфли на низком каблуке, Игорь казался рослым и статным. Сидя в лодке, он был похож на мальчишку, а теперь выглядел иначе. Взрослее.

– Почему мы здесь? Что за место?

– Ты сама хотела сюда попасть. Я увидел это в твоих мыслях, в желаниях. В глубине сознания ты мечтала оказаться здесь. Правда, Ася?

– Ася? – Люба оперлась рукой о камень. От волнения у нее перехватило дыхание.

Ну, конечно! Тургеневская «Ася»! И, только успев подумать об этом, она почувствовала, что сжимает в свободной руке кружку... с водой.

– Не хочешь полить цветы на этих старых стенах? Дикие растения тоже хотят пить. Ася же делала так?

– Я – не Ася, – покачала головой Люба.

– Сейчас, ты – это она. Вспомни, когда желание оказаться здесь завладело тобой? Почему ты представляешь себе идеальное свидание именно таким?

Журавлева отвернулась от него, чтобы скрыть слезу, скатившуюся из-под ресниц. Да, у нее всегда слезятся глаза, когда хочется спать! Но, разве можно спать в своем собственном сне?! Это уже сумасшествие.

«Фантастическое свидание» вытащило из глубин ее памяти тот эпизод, который она не хотела бы показывать никому. И, пусть даже этот Игорь – плод ее фантазий, лучше бы он не лез так глубоко!

...От родителей Любе не досталось ничего, кроме двух десятков старых книг. Среди них собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Лескова. И одна совсем небольшая повесть Тургенева. «Ася», так она называлась. Люба прочла её в пя-

том классе, получив разрешение от дяди Вадима порыться в шкафу с книгами в большой комнате. До этого Вадим отказывался давать ей книги, принадлежащие сестре, под предлогом того, что девочка порвет их или испачкает.

«Ася» показалась ей тогда слишком сложной. А могло ли быть иначе? Повесть о любви для девочки, которой в этом чувстве с детства отказывали...

Потом Люба узнала, что Тургеневскую «Асю» они будут проходить на литературе в восьмом классе. Возможно, учителя смогут раскрыть её смысл? О случайной встрече, изменившей судьбы двух людей, одна из которых – незаконно-рожденная аристократка, а другой – человек, принадлежащий к благородному сословию.

«Ася» запомнилась десятилетней Любе не сложными отношениями взрослых, а красивыми иллюстрациями. Из родительского наследия это единственная книжка с картинками. Одна сцена осталась в памяти Журавлевой до сих пор: девушка, сидящая на краю стены старой башни.

Легкая, как облако. Дунешь – и улетит. Свободная и прекрасная. Само воплощение юности.

– Удивительное свидание, – Люба обернулась к собеседнику, – а ты, у нас, значит, рассказчик? Лирический герой, не оценивший Асю?

– Я – то, что ты хочешь видеть. Идеальный спутник, – Игорь протянул руку, как бы предлагая опереться на нее. Но Люба оставила его жест без внимания. Впервые ей пришлось

в голову, что следует быть осторожнее, а не транслировать направо и налево свой внутренний мир. С другой стороны, никто прежде не делал для нее ничего подобного. Этот магический мальчик из ПСП очень старается!

– Если ты знаешь все на свете, магический герой, может, ответишь на вопрос? Наверное, ты, в своем роде, уникален. Мне нужно узнать кое-что. Я хочу помочь другу. Родители Даньяра... Где они? Что с ними случилось? Живы ли до сих пор?

По лицу Игоря пробежала тень. Но Люба не обратила на это внимание. Ведь Игорь уже успел мягко улыбнуться:

– Люба, или нет... Сегодня, Ася. Я не могу знать того, что тебя не касается. Я – твой идеальный спутник. Ради тебя я могу создать любое место, исполнить любую мечту. Но не смогу помочь с другими людьми. В моем распоряжении – только магия иллюзий, основанная на твоём сознании.

Журавлева еще раз взглянула на свое пышное белое платье, декорированное тонким кружевом. Неужели на конкурсе она так сильно позавидовала Соболевой, что даже захотела украсть у нее одежду? Как же противно!

– Спасибо за свидание. А теперь, пожалуйста, верни меня назад, Игорь.

– Как пожелаешь, звезда моя.

Глава 18. Случайные находки

Люба проснулась, когда солнце уже высоко поднялось, размазывая жаркие лучи по оконному стеклу. Настенные часы показывали десять утра. Сегодня её никто не разбудил. Умывшись, девочка поспешила выбрать новое платье. Вчерашнее оказалось не слишком удачным. Журавлева верила, что вещи, которые носишь, могут помогать тебе или мешать.

Прошедший день вымотал. Люба надеялась, что сегодня все будет по-другому. Вот почему она выбрала платье лимонного оттенка с рисунком в виде маленьких божьих коровок. Уложив волосы в строгий пучок, чтобы не мешали работать, девочка отправилась на кухню, шурша домашними тапками.

В кухне стоял накрытый к завтраку стол. Ни Даньяра, ни его деда не было видно. Сквозь приоткрытое окно доносилось стрекотание кузнечиков. Девочке показалось невежливым завтракать без хозяев. Следовало подождать Рэмов, или хотя бы узнать, где они.

– Дедушка Рэм! Дэн! Вы здесь?

В ответ тишина. Только этажом выше скрипнула половица. Люба вспомнила про свое обещание не подниматься наверх.

«Куда они пропали? То следят за каждым шагом, то забывают о том, что я здесь тоже живу! Можно, конечно, подо-

ждать или поискать их на улице... Только когда у меня еще будет возможность обследовать дом? Пойду наверх, узнаю, что там и как. Может, увижу голубятню Даньяра. Он – такой жадина. Сам ни за что не покажет! И, вообще... Меня просили не подниматься выше первого этажа позавчера! Я и не ходила», – с такими мыслями Люба вышла из кухни и, придерживая подол длинного платья, стала подниматься по лестнице. Половицы досадливо скрипели при каждом её шаге.

На втором этаже царил пустота. Люба увидела две двери, ведущие в разные стороны: первая – в длинный коридор, вторая – на веранду, окружавшую дом.

Люба осторожно проскользнула на веранду и подошла к окну. Отсюда открывался прекрасный вид на блестящее в солнечных лучах озеро, разноцветный замок гномов и множество треугольных и прямых черепичных крыш, среди которых проглядывал кусочек «Конуры» Таманцева.

Виноградные лозы обвивали наружную стену веранды. Люба, не удержавшись, протянула руку и сорвала одну маленькую незрелую ягодку. Та оказалась ароматной, чуть кисловатой на вкус.

Полюбовавшись дремлющим в лучах утреннего солнца поселком, Люба вернулась обратно к лестнице. Она потоптала пару минут, прежде чем двинуться вперед по коридору, в который уличный свет почти не проникал. Вскоре она остановилась перед массивной дверью с железной ручкой.

Ей заканчивался коридор.

Твердо решив узнать, что же Даньяр прячет, она дернула дверь на себя. Та поддалась с глухим скрипом. Люба зажмурилась от солнечного света, ударившего в глаза. Прикрывая их рукой, девочка осмотрелась. Комната выглядела длинной и узкой. Лучи солнца проникали сквозь множество щелей, расположенных на стенах. Пол застилала ровные пластины, поглощавшие солнечный свет, которые слабо светились.

Несколько столов были плотно заставлены колбочками, мензурками и стеклянными шарами с неизвестным содержимым. Примерно четвертую часть комнаты занимали шкафы и полки с потрепанными книгами. В воздухе витал резкий раздражающий запах. Люба едва не расчихалась: в комнате дышалось трудней, чем в магазине бытовой химии.

«Он здесь хоть иногда проветривает? Отравиться тут – раз плюнуть!» – Люба зажала нос двумя пальцами и продолжила осмотр. Она повернула направо и остановилась перед большим портретом, висевшим на стене.

На нем были изображены двое. Темноглазый мужчина с длинной челкой, скрывающей левую часть лица. Он выделялся на портрете: мрачный, в строгом черном костюме, единственным украшением которого служила рубашка с волнами тонкого кружева на груди. Мужчина чуть заметно улыбался, глядя на невесту в легком, словно рассветная дымка, атласном платье. Девушка склонила голову ему на плечо, глядя куда-то вниз, и протягивая вперед узкую ладонь, на

которой золотым ободком блестело кольцо.

Люба сразу же догадалась, чей это был портрет. Даньяр похож на отца, как две капли воды.

«Отец – шатен, мать – блондинка. Какие же у него настоящие волосы? И почему меня это заботит?» – девочка задумчиво почесала локоть. Затем обратила внимание на сухие цветы, вставленные в угол железной рамы, окружавшей портрет. Ей стало грустно. Наверное, следовало сразу же уйти. Но от пыли и резких запахов у нее закружилась голова. Почувствовав, что сейчас просто упадет на пол, Люба инстинктивно пошарила рядом рукой в поисках опоры. Случайно задела неизвестный предмет. И тут... Что-то с оглушительным звоном разбилось!

Опираясь ладонью о столешницу, Люба медленно повернулась, оценивая масштаб разрушений. По полу ползли сиреневые капли. Они испарялись прямо на глазах. Что за вещество хранил в той колбочке на столе Даньяр, Люба предпочла не знать. Да и столкнуться сейчас с хозяином лаборатории – не предел мечтаний. Но, что делать, когда бежать и прятать следы преступления уже поздно?

– Ради какой магари, ты забралась сюда? – Даньяр, застывший на пороге, хлопнул дверью так, что дрогнули стены. И, наверное, даже фундамент дома.

Люба шагнула в сторону, пытаясь подолом широкой юбки прикрыть осколки. Но Рэма её уловка не обманула:

– Ты уничтожила единственный образец! И что теперь де-

лать? В это зелье входит редкий ингредиент – чешуя Нептуниса, которую тот скидывает лишь единожды в шесть лет! В прошлый раз мне повезло: дед вытащил ее из озера. А теперь где брать?

– Образец? Что в нем особенного? У тебя целая комната подобной ерунды. Ну, извини, не хотела ничего разбить. Я просто искала тебя. Хотела увидеть голубятню, – оправдывалась девочка.

– Увидела?

– Не-а, – расстроено передернула плечами Люба. – Ну, прости меня, пожалуйста. Я, правда, не хотела. И сожалею.

Даньяр в ответ скрипнул зубами:

– Я не ждал от тебя ничего хорошего, Любушек, и ты меня не удивила. Образец был нужен для подчинения магии воды. Я потратил кучу времени, переводя записи из старых книг. Оставалось лишь чуть-чуть доработать... Но, пришла ты, и все испортила!

– Прости, – вздохнула Люба.

Ей хотелось провалиться сквозь землю. Даньяр сверлил ее немигающим взглядом, словно прикидывая, сгодится ли Люба на эксперименты вместо того образца. Журавлевой этот взгляд не понравился, и она решила перевести его внимание в другую плоскость:

– Куда ты исчез с самого утра?

– Привыкла, что я постоянно рядом, – хмыкнул Даньяр. – Какая же ты бесполезная! Я охотился в Мерлом лесу. Мне

повезло. Вернулся с добычей, – Рэм вытащил из-за спины большую сеть, в которой вяло шевелились шесть пушистых комочков. Сеть раскачивалась из-за их непоседливости.

– Чоккуты! Ой, какие милые! А можно посмотреть поближе? – Люба тут же пожалела о своих словах. Было наивно думать, что после сегодняшней истории с уничтоженным образцом, Даньяр проявит добродушие. Но попробовать стоило.

– Даже не мечтай! Тебе лишь бы поиграться! Выпустишь хотя бы одного чоккута из этих силков, и он от испуга станет размером с двухэтажный дом. Не хочу лишиться крыши над головой. – Даньяр сделал резкий жест рукой, показывая, что разговор окончен.

Дверь снова скрипнула, и в лабораторию заглянул дед Морий:

– Вот вы где! А я сбегал до пироговой лавки. Нужно было купить хлеба к завтраку. Давайте, спускайтесь. Так и знал, что вы подружитесь, и Даньяр сам тебе все покажет.

– Она пришла без приглашения, – поспешил разочаровать деда младший Рэм, – и разбила мой образец. Теперь просит показать ей чоккутов! А у меня уже есть на них покупатель.

– Ну и показал бы, – пожал плечами Морий.

– Не хочет, не надо. Тоже мне, охотник! Как можно обижать таких милых крошек! – Люба прошла мимо Даньяра и возмущенно хлопнула дверью. Девочка чувствовала себя немного странно. Ее покачивало, и, в тоже время, все тело

переполняла небывалая легкость, словно она только что вышла из сауны.

Дед Морий, заметив, как гостья спускается вниз по лестнице, держась рукой за стену, нахмурился:

– Люба, с тобой все в порядке? Может, стоит послать за целителем? Внук совсем ума лишился с последними опытами. Ни о своем, ни о чужом здоровье не думает!

Журавлева, преодолев последнюю ступеньку, отрицательно помахала головой:

– Со мной все хорошо, спасибо!

Завтракали в полном молчании. Люба и думать забыла о какой-то там колбе, когда дед Морий угостил ее любимым блюдом – золотистыми блинчиками, политыми медом.

Даньяр, глядя, как она уплетает за обе щеки, недовольно сопел. Очевидно, ее цветущий вид портил ему настроение:

– Значит, так. Любушек, сегодня пойдешь на фабрику без меня. Я отправляюсь к покупателю шкурок чоккутов. С такой нахлебницей как ты нам нужно больше денег. А когда вернусь, буду отдыхать.

Морий брякнул ложкой по столу:

– Дэн, как можно так неуважительно вести себя с гостьей? Немедленно извинись, или выйди из-за стола!

– Снова? Seriously, снова прогоняешь меня из-за нее? Я уже начинаю забывать, чей ты родственник, – вредный мальчишка продолжал жевать, как ни в чем не бывало, пропустив

слова деда мимо ушей.

– Прекрасно, поработаю одна. Не буду отвлекаться лишний раз, – поспешила погасить ссору Люба. – Дедушка Рэм, а давайте, я помою посуду после завтрака? Я могу и убираться, и стирать. Я все умею. А, если у меня что-то не получится, то попрошу подсказать, хорошо?

– Буду рад любой помощи, – дед разломил ломоть хлеба на две части: большой кусок оставил в хлебнице, а маленьким принялся собирать с тарелки подливку.

– Подлизываешься, – уличил ее Даньяр, выпивая одним глотком стакан компота.

– Просто хочу помочь. В отличие от тебя. Слушай, я все думаю про тех чоккутов... Мне их жалко. У тебя хотя бы лицензия на ловлю есть?

– Если ты имеешь в виду бумагу, разрешающую охотиться в Мерлом лесу, она у меня есть. И не забудь, Любушек, что, в настоящее время моя охота всех нас кормит. Больше не хочу слышать твое нытье!

– Тогда заткни уши ватой, дурак! – буркнула себе под нос Люба, но, поймав осуждающий взгляд деда, примолкла.

– Если бы я не охотился в Мерлом лесу на магарей, ты была бы уже мертва! – Рэм перевел дыхание. – Любушек, послушай. Не слишком привязывайся к магарям. Они – не какие-то там домашние зверьки, нуждающиеся в защите. И, еще, одно. Сегодня – праздник Нептунисов. Даже не думай близко подходить к Волнистому озеру. После шоколадной

фабрики сразу иди домой. Не заставляй себя ждать!

– Очень страшно! Можно подумать, я под арестом, а ты – мой тюремщик. А чем так опасен этот праздник?

– В этот день солнце садится рано. Нептунисы поднимаются на поверхность озера. А они – магари паразитического типа, такие же, как Плакун в лесу. Обыкновенно, им хватает воды и солнца. Но в этот день они могут напасть и на человека, – кисло пробубнил Даньяр, доедая последний блинчик с общей тарелки.

– Спасибо, что предупредил. Хорошо, я не пойду к озеру, – пожала плечами Люба. Она подумала, что, если в магическом сне видела Нептунисов, то совершенно не хочет повторной встречи в реальности.

Глава 19. День Нептунисов

После окончания рабочей смены Люба быстро переоделась и выбежала на улицу, подальше от любопытных глаз. Солнце большим багровым шаром клонилось к горизонту. По траве протянулись длинные тени.

Прижимая бумажный пакет с конфетами к груди, Люба стремительным шагом направилась к магазину Таманцева. На этот раз она выбрала другую дорогу до «Конуры». В обеденный перерыв девочка изучила план поселка, висевший на стене, и запомнила, где находится магазин ковролетов. Оказалось, что добраться до Ярослава можно, минуя заросли крапивы и потратив меньше времени.

Но ей не повезло. То ли день был не торговый, то ли просто закрыться решили раньше времени. Люба подошла к дому-конуре и обнаружила, что дверь заперта.

Журавлева постучалась. Сначала тихо, но никто не ответил. Повторила громче. Через минуту дверь отворилась. На пороге появился, тяжело дыша, грузный мужчина средних лет. Его шею скрывал полосатый шерстяной шарф, слишком жаркий для лета. Зеленый потрепанный домашний костюм и грязные шлепанцы, на которых рисунок стерся давным-давно, дополняли картину.

– Что вам нужно? – он окинул её сердитым взглядом из-под очков. – Магазин закрыт до завтра, я провожу опись ков-

ров.

«Опись ковров – это вроде инвентаризации?» – Люба на мгновение растерялась. Всю дорогу девочка думала, как лучше поговорить с Таманцевым, и потому оказалась не готова, что дверь откроет кто-то другой.

– Здравствуйте. Я – Люба Журавлева. Странница. Возможно, Странница, как и Ярослав. Мне очень нужно поговорить с ним, – Люба напряженно подбирала слова. Когда она произнесла «Странница», выражение лица мужчины изменилось. В маленьких глазах мелькнул интерес:

– О! Я рад приветствовать в своем скромном магазине новую Странницу. Простите, что не узнал... или даже встретил вас грубо. За Яриком частенько девчонки бегают. И только зря время теряют. Головы им морочит мальчишка. А, что же, вы, деточка... Ищите его? Тогда ничем не могу помочь. Он больше здесь не работает. И не живет.

– Как это? – напряглась Люба.

– На него поступила жалоба от одного важного клиента. Мол, наш Ярик не следит за безопасностью покупателей, халатно относится к обязанностям. Я подумал, что пора бы заменить его кем-то более популярным, с незапятнанной репутацией. Вы же в курсе, Таманцев – больше не Странник. Деточка, поработать на меня не желаете? Слышал, вы на фабрику устроились. Ну, так я вам заплачу вдвое, нет, – втрое больше, чем смогут они! Соглашайтесь! – взволнованно потирая ладони, предложил толстяк.

– Нет, спасибо, я как-нибудь сама. А еще по чесноку... Не хочу застрять на ближайшие двадцать лет в вашем мире, – она решительно помотала головой. – Но где же Ярослав? Он, наверное, очень расстроен. Потерял работу, которой, кажется, гордился...

Толстяк снял очки и протер их измусоленным в пыли рукавом:

– Деточка, знать не знаю, где твой Таманцев. Но, если думаешь подработать, «Ковры в конуре» всегда открыты для тебя!

С этими словами он захлопнул дверь магазина. Люба несколько секунд растерянно смотрела перед собой, потом повернулась и медленно побрела, сама не зная, куда.

«Где же сейчас Ярослав? Мне обязательно нужно найти его! Я ничего о нем не знаю... Есть ли у него здесь друзья, и место, где он может переночевать? И, почему именно я стала причиной, что он потерял крышу над головой?!» – злилась на себя Люба, повернув на перекрестке не к жилищу Рэмов, а совсем в другую сторону.

Погрузившись в невеселые переживания, девочка не заметила, как вышла к Волнистому озеру. И только почувствовав прохладу, идущую от воды, Люба вздрогнула и огляделась. И сразу же заметила, что озеро совсем не спокойное. На берег, то и дело, накатывали волны, несмотря на полное отсутствие ветра. Солнце скрылось за тучами, предвещавшими непогожий день.

Берег озера пустовал. Или не совсем? В пелене тумана, поднимавшегося от воды, Люба с трудом рассмотрела мальчишескую фигуру в метрах пятистах от себя. Неужели, Таманцев? Его огненную шевелюру трудно не признать! Люба прищурилась, не понимая, что это – обман зрения, или Ярослав действительно пришел на берег озера, несмотря на запрет?

Нахлынувшая высокая волна обдала её холодной водой. Люба попятилась назад. Ей стало не по себе. Даньяр предупредил, что сегодня рядом с озером находится опасно. Но смутное предчувствие близкого несчастья не позволяло ей уйти. Повернувшись, и, то и дело, скользя на мокром песке, Люба припустила бегом вдоль озера.

Таманцев. Это, и, правда, оказался он. И выглядел неважно.

Ярослав стоял у самой кромки воды, держа в руках какую-то шкатулку, и будто не замечая волны, надвигавшейся прямо на него.

Люба отчаянно крикнула:

– Беги!

Но ее голос потонул в грохоте, хлынувшей на Ярослава воды. Когда часть потока стекла обратно в озеро, Люба увидела прочную веревку, сплетенную из стеблей водорослей. Один конец веревки обмотался вокруг Таманцева, а другой, разделенный на части, тянули в воду сразу трое Нептунисов.

Люба пробил озноб. Но не потому, что одежда полностью

промокла. В отличие от магического сна, созданного ПСП, сейчас Нептунисы смотрели на неё широко раскрытыми глазами. И, если прежде Журавлева думала, что нет чудовищ страшнее, чем в фильмах ужасов, то сейчас поняла, что ошибалась. Глаза озерных магарей содержали три желтых зрачка с тонкими, движущимися по часовой стрелке, радужками. В этих гипнотических очах пламенела чистая незамутненная ненависть к человеческому роду.

Таманцев не делал попыток освободиться. Он по-прежнему с глупой улыбкой сжимал шкатулку, а Нептунисы быстро тянули его в воду. Люба окаменела, наблюдая за этим зрелищем, пока очередная волна не скрыла голову Таманцева. По воде моментально побежали круги и пузыри, означавшие, что несчастная жертва пытается глотнуть воздуха, но не может.

Ждать дальше было бессмысленно. К счастью, Люба неплохо плавала. Конечно, она не была профессионалом, но этого и не требовалось. Девочка подняла руки, будто напоминая себе, как должна двигаться в воде, сделала глубокий вдох, прогоняя страх, и уже собиралась нырнуть в озеро, когда случилось нечто необъяснимое.

Вода отхлынула от берега почти на десять метров, выбросив на обмелевшее дно, полное тины и ракушек, бессознательного Таманцева. Люба, не веря глазам, наблюдала, как водная гладь и даже её отдельные капли застыли точно замороженные. Это было столь же удивительно, как если бы на

ее глазах обычный сок за секунду превратился в желе. Нептунисы сверлили её убийственными взглядами, но этим все и ограничивалось. Возможно, они тоже не могли двигаться. Или просто боялись оказаться на сухом берегу, вдали от воды.

Размышлять, что именно случилось с озером, времени не было. Люба в несколько прыжков преодолела расстояние, отделявшее её от Таманцева. Мертвой хваткой вцепившись ему в плечи, она потащила парня к берегу, мысленно умоляя Небо, позволить этой неведомой магии продержаться еще хотя бы пять минут.

Она заляпала грязью подол платья, несколько раз поскользнулась и чуть не упала на ровном месте. И, только выйдя на берег и оттащив Таманцева подальше от воды, девочка почувствовала парализующий страх.

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Вода хлынула бурлящим потоком туда, где ей и положено находиться. Волнистое озеро приняло прежний вид, если бы не десятки Нептунисов, появившихся на его поверхности.

Они не пытались выбраться на берег к людям. Да, и как бы смогли? Разве, только, опираясь на руки. Но часть из них вплотную подплыла к берегу, и с минуту, молча, разглядывала Любу. А потом раздался пронзительный вой. Кто-то из магарей начал первым, а остальные подхватили. Гладь озера снова забурлила, словно широкая река с крутыми опасными порогами.

Люба закрыла ладонями уши. Она была твердо убеждена – так не могло плакать ни одно живое существо. Ни человек, ни зверь.

«Может они – зомби?» – Люба молилась, чтобы не лопнули барабанные перепонки. Вскоре она поняла, что долго не продержится. Нужно, как можно скорее, убираться отсюда. Эти магари разумны, более чем, разумны. Как-то они заманили Ярослава в ловушку. И постараются довести задуманное до конца. Заодно, с радостью полакомятся другой жертвой.

Морщась от оглушительных криков, она наклонилась и безжалостно вlepила Таманцеву пару пощечин. На счастье тот отреагировал и, выплюнув ей на ноги целую лужу воды, даже пришел в себя. Глядя в серо-зеленые глаза Славы, девочка подумала, что могла бы использовать более щадящие методы, чем рукоприкладство. Например, искусственное дыхание. Если бы умела.

Выкинув из головы посторонние мысли, она вытащила из кармана платок и быстро стерла зеленые полосы с лица Таманцева:

– Кто тебя так разрисовал? И зачем ты вообще сегодня притащился на озеро?

Люба помогла Ярославу подняться. Затем, поддерживая за спину, поспешила увести подальше от кишашего злобными магарями озера.

Таманцев ответил не сразу. Сначала он долго пытался вы-

ровнять сбившееся дыхание.

Мокрые, уставшие, дрожащие от холода, они брели вдвоем по дороге, которая тонула в густом тумане. Люба пыталась вспомнить, где находится поворот, ведущий к дому Рэмов.

– А ты – смелая, – наконец, подал голос спасенный, – но как тебе удалось вытащить меня из воды? Помню, что задышался, а потом вода словно отступила. Я оказался на земле... Ты – точно не настоящая Странница? Откуда тогда магические способности?

– Сама бы хотела знать, что случилось на озере. Нет у меня никаких способностей. Или, не было до этого дня... Возможно, я смогла управлять водой, потому что разбила склянку в лаборатории Даньяра. Тот ставил какие-то опыты с чешуей Нептунисов. Но разве это важно! Почему ты оказался на берегу? Прожил здесь столько лет и даже не знал о Дне Нептунисов? – снова спросила Журавлева.

– Знал, Красота, как я мог об этом не знать?!

– Тогда зачем пришел? Жить надоело?

– Тебе меня не понять, Люба, – Ярослав даже благодарно не посмотрел в ее сторону, ничем не напоминая человека, счастливо избежавшего смерти.

– Еще как понять! – возмутилась Журавлева, которой очень хотелось сейчас хорошенько избить страдальца, по вине которого она испортила вечер, – тебя выгнали с работы, ты не знал, куда податься. Друзей просить о помощи не хо-

тел. Впрочем, если вспомнить, как ты подрался с Даньяром, удивлюсь, что они у тебя вообще есть!

– Эй, Красота, будь добра, просвети: кто это у меня есть? – заинтересовался Таманцев.

– Даньяр. У него характер – не сахар. Но твое мнение для него и правда много значит... Уж слишком он злился после вчерашней перепалки с тобой! И обо мне не забудь! Я – тоже не чужая. Как говорится, «привет с родины»! Почему ты так себя ведешь? Нравится мотать нервы тем, кто за тебя волнуется?

Таманцев, выслушав ее пламенную речь до конца, виновато шмыгнул носом. «Как бы не простыл после такого купания», – подумала Люба.

– Спасибо... что спасла, – расщедрился Слава. – Но уже поздно. Шла бы ты домой... То есть туда, где живешь. К Рэмам. Они, наверное, тебя давно ищут.

– Без тебя я никуда не пойду. Думаешь, я брошу тебя на дороге и пойду спать под теплое одеяльце? И это – после того, как я чуть сердечный приступ не заработала, спасая тебя от зомбаков!

– Нептунисов, – величественно поправил ее Слава. – Ты, что, думаешь, приведешь меня к Рэмам, и Дэнька обрадуется новому жильцу? С него станется – выставить нас обоих за порог!

– А ты хорошо изучил меня за прошедшие годы! – из-за поворота дороги показался юный лучник. Судя по кривой

ухмылке, Даньяр сейчас был готов расстреливать в упор не только магарей. – Любушек, ты обещала мне не ходить на озеро! Я неясно утром выразился? Или мне запереть тебя под замок, любопытная наша?

– Я просто хотела помочь Славе. Если бы я не пришла к озеру... Дэн, ты ничего не знаешь! А он топиться собирался! А я его спасла! Вернула к жизни!

– Да не собирался я топиться! – Таманцев сбросил ее руку, и, прихрамывая, пошел по дороге вперед. Он старательно игнорировал Даньяра, каменной статуей преградившего ему путь.

– Ах, он уже и Слава! Быстро вы, ребята, спелись!

– А зачем ты тогда к озеру пришел? – Люба тоже прибавила шагу, и, догнав Таманцева, умудрилась «сдобрить его щелбаном» по затылку.

Слава вдруг опустился прямо на землю, пачкая и без того грязные джинсы, и уставился в хмурое небо:

– Шли бы вы все домой. Оба. Надоели!

Даньяр ответил ему неожиданно спокойно:

– Страница рисковала жизнью, чтобы тебя спасти. Так что, будь добр, не доводи дело до суда гномов. Расскажи все сам.

– Ну, хорошо, хорошо, – Слава почесал голову сразу обеими руками, после чего принялся накручивать на палец одну из мокрых прядей. – Вам трудно представить, каково мне тут было. Двадцать долгих лет... Но, пока у меня была рабо-

та, я мог чувствовать себя одним из жителей этого мира. Но пришла Люба, и все рухнуло. Прошлое забылось. Появилась новая надежда, новая Страница! Хотя и насквозь фальшивая... А я... Да, что там. Не было у меня никаких заслуг. Все эти годы местные меня ненавидели. А те, кто приезжал из других провинций, смеялись за глаза над неудачником, который завалил первое испытание и прозябает в нищете.

– Печально, – поморщился Даньяр, – но, пожалуйста, покороче и поближе к делу. Причем здесь Нептунисы?

– Мне некуда было идти, когда меня сегодня выкинули на улицу. Если бы я мог убраться из этой провинции... Но я обречен жить здесь из-за заклятия Гриотов. У меня оставалось паленое пиво. Как-то один приезжий торговец выпросил большую скидку на ковры. И я ее сделал. Взамен он пожертвовал мне бочонок.

– И где сейчас это пиво? – зачем-то поинтересовался Даньяр.

– Загрустил и все выпил. Потом пошел на озеро. Мне до смерти надоели запреты! В Мерлый лес не ходи, во время праздника Нептунисов – ни шагу из дому. Достало! Мне по земным меркам должно тридцать пять стукнуть, а я, все как маленький! Слушаю чужие указания...

– Это был очень взрослый поступок, Таманцев, – издевательски хмыкнул Даньяр.

– А ты лучше молчи! Ты меня обязан дядей звать! – побагровел бывший продавец ковров.

– Ладно, хватит. Продолжай. Хотелось бы дослушать твою историю до конца, – Люба обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Сейчас бы в тепло! Но она понимала, что нужно позволить Таманцеву излить душу.

Даньяр замолчал. Ярослав, не дождавшись в ответ обидных слов, немного поскуучнел. Затем неохотно продолжил рассказ:

– Я пошел к озеру, прихватив с собой бочонок. Там его и попробовал. Впервые выпил так много. Что случилось потом, помню плохо. Кажется, появились Нептунисы, предложили мне стать одним из них. Они говорили, что, раз я пришел, значит, мне нет места среди людей. Я подумал, а, что если, правда? Вернуться в свой мир я не могу, прижиться в этом – тоже не получается. Может, лучше просто стать Нептунисом? Они болтали, что, если я открою их шкатулку и пройду обряд посвящения, то смогу остаться в Волнистом озере. Мне это показалось хорошей идеей. У меня бы наконец-то появился дом! То, чего я давно лишился.

– Ясно, зачем они тебя разрисовали, – хмуро заключила Люба. – Кажется, отрывались по полной. Смеялись над тобой, дураком! Меня удивляет только одно – мне они даже словечка не сказали. А с тобой, получается, устроили доверительную беседу? Этакий психологический тренинг, как у школьного психолога?

– Понятия не имею, что ты там бормочешь. Но девочек и женщин Нептунисы избегают. И никогда бы не приняли тебя

в свои ряды.

– Так и тебя бы не взяли! Они – магари, а ты – человек. Они не обладают магией, способной превращать одно в другое. Просто им хотелось хоть раз в жизни вкусно покушать, – спокойно ответила Люба.

– А ты откуда знаешь? – Таманцев свел брови у переносицы.

Люба вытащила из кармана небольшой пакет с праздничными конфетами. Он был сырой, и из него капала вода:

– Вот, держи! Эта серия конфет вышла специально к празднику. На фантике – Нептунисы, а на оборотной стороне – их магические свойства. Написано, что ни в коем случае не следует покупать на их обман, если они предложат вступить в «семью». Это – просто наживка для ловли таких, как ты, Таманцев!

– Но, шкатулка... Они же дали мне ее! – Слава вытащил из-за пазухи ту самую уже знакомую Журавлевой шкатулку из белого камня. Люба недовольно поджала губы: она с большим трудом вытащила парня на берег, и теперь поняла, почему.

Но подарком от магарей Слава любовался недолго. Даньяр почти сразу же выхватил её, не дожидаясь разрешения. Бросил на землю, пихнул ногой. Шкатулка открылась. Внутри слабо светились стебельки неизвестных растений.

– Мерцай-трава, – будничным тоном сообщил Рэм. – Растет только в Волнистом озере. Имеет одно свойство. Это

снотворное, которое обладает сильным эффектом, – Даньяр пнул шкатулку в ближайшие кусты. – Так что, Любушек права. Превращать тебя в Нептуниса они не собирались. А вот в качестве еды...

– Ну, ладно-ладно. Я все понял, – Таманцев поднялся с земли, и принялся смущенно отряхивать джинсы. Грязь налипла на них толстым слоем, и Люба подозревала, что без замачивания и тщательной стирки, их не очистить.

– Идем с нами. Поживешь пока у меня. Твоя помощь пригодится, учитывая предстоящее испытание, – Даньяр опередил Любу. Та замерла на полуслове, недоверчиво воззрившись на Рэма. Неужели, его, и правда, не придется уговаривать?

– Не смотри на меня так, Любушек. Я найду работу для этого лентяя. Мне нужны вещества для зелий, за которыми я не могу послать тебя. Пусть он не может покинуть провинцию, но уже бывал на границе с соседями. Так что, шевелись, Таманцев, пока я добрый. Будешь спать на веранде.

Глава 20. Прошлое Странника

После вечернего «купания» в Волнистом озере Люба спала очень крепко. Она так сильно устала, что забылась сном, едва голова коснулась подушки. А на следующее утро не могла вспомнить, снилось ей что-нибудь или нет.

С появлением Таманцева в доме Рэмов стало непривычно шумно. Верный своему слову Даньяр не уставал придумывать занятия для нового жильца. Вот почему Ярослав носился вверх-вниз по лестнице, гремя ведрами с водой, и заполняя баки, стоявшие на крыше. Грохот такой, что и глухой бы услышал.

Из-за этого Люба проснулась на два часа раньше, чем обычно, и пошла на кухню, помочь Морию готовить завтрак. Правда, очень скоро выяснилось, что толку от нее никакого. Посуду Люба расставить смогла. Зато, поджаривая хлебцы, сожгла две порции подряд. Когда варила яйца, то не заметила, как выкипела вода, и дно кастрюли почернело. По кухне поплыл неприятный запах горелого.

Наконец, дед Морий мягко похлопал ее по плечу:

– Ты лучше иди... Мальчикам помоги. Или ступай в сад. Там, на клумбе с «меломанами» и астрами что-то много сорняковросло.

Люба вздохнула. Не любила она дергать сорняки. Пусть ей редко приходилось этим заниматься (например, в школьной

теплице в младших классах) – у дяди Вадима дачи не было. Но делать нечего. Все равно на кухне от нее больше бед, чем помощи!

У ребят нашлось для Любы занятие. И Слава, и Дэн считали, что способность, с помощью которой она заставила воду в озере отступить, нужно тренировать. Девочку отвели в сад, где стояла железная ванна, наполненная водой. На поверхности воды плавал железный ковш, на ручке которого красовался орнамент из ягод земляники.

Даньяр потребовал у Любы создать волну и задержать ее на несколько минут, как на озере. Но, сколько бы та не билась, повторить чудо не удалось. Тогда мальчишки придумали для нее новый «тренажер»: используя зрительный контакт и мысленный приказ, попробовать наполнить ковш водой.

Но и это получалось слабо. Когда по доньшку ковша расползлась первая прозрачная клякса, дед Морий позвал всех завтракать.

Сев за стол, Люба про себя отметила, что, по количеству и калорийности блюд завтраки в доме Рэмов ничем не отличаются от обедов. Модели из «Звездного компаса», узнав, как она питается, и, главное, чем – все жирное и сладкое – дружно пришли бы в ужас.

...Рэм на фабрику не пошел. Закрылся в лаборатории и потребовал, чтобы его не беспокоили.

В этот день Любе пришлось работать в паре с Ярославом – перевязывать коробки конфет серебристо-алыми лентами. С

ним было легко общаться в отличие от Даньяра. Он улыбался, шутил, рассказывал давно забытые анекдоты, и активно интересовался, что произошло в России, и за рубежом, пока он коротал дни в Озерной провинции. Девочка отвечала, как могла. Она не слишком хорошо знала историю, тем более, новейшую. Зато охотно рассказывала про современные сериалы, книги и кинофильмы. А еще подтвердила, что «Кокка-Кола», «Марс», «Сникерс» – по-прежнему продаются и пользуются большим спросом.

В часовой обеденный перерыв, который неожиданно устроило руководство, Люба не знала, чем заняться. Можно дойти до лавки, где торгуют горячими пирожками. Но, когда она предложила Славе прогуляться вместе с ней, тот хитро улыбнулся:

– Тут недалеко есть одно хорошее местечко с бесплатными булками. Перекусим и по душам поговорим.

Люба приподняла левую бровь и согласно кивнула. Ярослав не обманул. Место, куда они добрались минут за десять, оказалось небольшим сквером, отделенным от шумных улиц забором из треугольных брусьев. Один из брусьев легко вынимался, позволяя пройти внутрь и скрыться от посторонних глаз за зеленью деревьев.

Журавлева пристально смотрела на мягкий крендель, не в силах заставить себя проглотить хотя бы кусочек. Таманцев, за время её размышлений, умял уже пять булок.

– Ты уверен, что это можно есть? – девочка оперлась спиной о ствол многолетнего дерева, более всего напоминающего развесистый дуб.

Таманцев, сорвав себе с ветки очередной крендель, невнятно ответил:

– Разумеется! Последние пятнадцать лет, как его посадили, питаюсь этими булками.

Люба нахмурилась. Ярослав не был примером здоровья – ни физического, ни душевного. Пробовать калач с таинственного дерева сразу расхотелось. Может, еще не поздно сходить за пирожками?

– Хорошее место. Здесь по вечерам парочки свидания назначают. Между прочим, – добавил Таманцев, – если не знать лазейки, в Озерный сквер так просто не попасть. Надо заплатить один крупный «теплок» за вход. А все дело в этом дереве. В столице таких много. Есть, кстати, и конфетные. Говорят, конфетки с него не хуже, чем с нашей фабрики. А нам завезли один образец «даром-дерева» и успокоились. Что ж, и на том спасибо! С паршивой овцы хоть шерсти клок...

– Значит, несмотря на обиду на Гриотов, ты торгуешь их коврами, и сахарные калачи ешь, – Люба укоризненно покачала головой. Вот они – двойные стандарты в чистом виде!

– Красота, окажешься на моем месте, и все поймешь, – Таманцев растянулся на траве во весь рост (он был значительно выше Любы). Его не волновало, что новую одежду, торже-

ственно выданную Даныяром, потом не отстирать. – Конечно, я тебе такого не желаю... Ты меня удивила вчера. Можешь рассчитывать на мою поддержку. Чем смогу, пособлю, не вопрос. А это место... – Таманцев раскинул руки, затем потянул их вверх, словно собираясь сорвать еще один калач, до которого ему не хватало какого-то метра, – эти булки на дереве напоминают мне о том, что ничто не дается даром. За все нужно платить, как за вход в этот сквер с деревом-магарью.

– Чего? – Люба почесала ухо, – Таманцев, будь проще, и люди к тебе потянутся. Прекращай говорить загадками. К чему ты «запел» про булки на деревьях?

Ярослав вдруг резко подскочил:

– Помнишь, ты спрашивала о первом испытании. Так вот... Тест, придуманный Гриотами для Странников, который, в случае успеха, вернет свободу Солнечной стране... Белый билет, возможность начать все сначала... Все равно, что чек на миллион долларов, упавший к ногам нищего с вершины небоскреба! Если бы только люди нашего мира смогли устоять перед искушением и не купились на то, что Гриоты могут предложить!

– Ты... не прошел первое испытание? Как ты проиграл?

Ярослав опустил голову:

– Мне предложили сдать еще до начала. И я согласился. Не знал, что и как здесь устроено. Меня в тот момент интересовали только собственные проблемы. А роль героя

пугала. Они обещали исполнить желание. Я напрасно думал, что после этого меня сразу вернут домой. В течение двадцати лет мой договор с Гриотами оставался в силе. Но, с появлением новой Странницы, он аннулировался. Это значит, что вот эти штучки, – Таманцев коснулся рукой «теплоков» в ошейнике, – перестанут действовать. И я умру. Или состарюсь. Магия Гриотов перестанет меня поддерживать...

– Хочешь сказать, ты променял первое испытание на мечту о вечной молодости? – вздохнула Люба и не удержалась от сарказма, – слава Питера Пэна покоя не дает?!

– Я же говорил, что ты не поймешь! – надулся Таманцев. – Я попросил кое-что другое. Но они исполнили мое желание именно так. И моя заветная мечта превратилась в проклятие!

Любе вдруг нестерпимо захотелось попробовать волшебный калач. Всего-то раз – что тут такого? Сорвав с ветки ближайшую булку, девочка откусила солидный кусок и... подавилась:

– Как ты можешь это есть? На вкус, как резина!

Ярослав хитро улыбнулся:

– Во-первых, хотел тебе наглядно показать всю подлость Гриотов. Не уверен, впрочем, что все их даром-деревья такие. Полагаю, на провинции просто сэкономили. Но на примере этого дерева понятно, что ничего хорошего, а, тем более, – бесплатного, они сделать не могут. Сделка с ними всегда будет проигрышем. Это, Красота, ты должна запомнить!

Люба задумчиво откусила еще кусочек и пожала плечами:

– Ну, хотя бы голод утоляет.

– Единственная причина, почему я таскался сюда тайком, – хмыкнул Таманцев.

Люба подняла на него взгляд:

– Если честно, я боюсь, что не справлюсь с ролью Странницы. И тоже сдамся, как ты, свернув с дороги еще до конца пути. Думаю, ты просто хотел быть счастливым, вот почему согласился на сделку. Я мечтаю вернуть маму и папу. Что, если они предложат мне это? Пусть даже в этом мире, и я никогда не вернусь обратно... Смогу ли я отказаться от такого дара?

Таманцев забрал у нее остаток калача и сунул себе в карман:

– Если твое желание именно такое, то это не помешает пройти испытание. Вернуть к жизни родителей – не то, что они могут сделать, не то, что в их силах, несмотря на всю их магию. Но, даже если бы могли... На одном желании договора с Гриотами не заключить. Требуется твоя темная сторона. Вот здесь и проблема. Часто ли ты заглядываешь внутрь себя и общаешься с той, что прячется внутри? Гриоты попытаются найти дверь в мрачную комнату в твоей душе и открыть ее. Сумеешь ли ты тогда отказаться от их предложения? Если да, то ты – та самая, единственная Странница. Особенная, которая не чета, таким, как я. Но, все рвано, берегись своей темной стороны! Главный враг для Странников в пер-

вом испытании – они сами. Их внутренняя боль и страхи. Их эгоизм.

Люба протерла глаза. Ей показалось, или вокруг стало темнее, а голос Ярослава звучал тише и тише, доносясь издалека? Может, это действие калачей с даром-дерева? Или что-то внутри нее откликается на слова парня?

– Расскажи мне о договоре с Гриотами. Почему подписал его, чего хотел. Как, в итоге, изменилось твое желание, когда Гриоты его выполнили, – попросила Люба.

Она вонзила ногти в ладонь, до крови расчесывая царапину, полученную вчера, когда спасала Ярослава. И ей стало легче. Тьма внутри точно отступила.

Таманцев кивнул:

– У меня есть версия, что Странников отбирают среди подростков с червоточиной в душе. Гриоты долго присматриваются к кандидату. И дают им магию Странников только после того, как увидят, что те не способны дойти до конца.

Люба покачала головой:

– Ты не прав. Если взять любого человека, то в нем найдется и добро, и зло. Люди не делятся на только хороших и плохих.

Ярослав прищурил глаза:

– Но, что, если Странников выбирают именно среди тех, кто уже сделал в жизни что-то плохое?

– Даже если так, – смахнула со щеки сахарную пудру, оставшуюся после чудо-кренделя Журавлева, – они все рав-

но могут принять правильное решение. Не верю, что все, как ты, отказывались от испытания. Скорее всего, кто-то из Странников делал попытку пройти его. Но им просто не удалось...

Ярослав сунул в рот травинку и несколько минут задумчиво ее посасывал. После чего сказал:

– Наверное, ты права. Я рассуждаю, как трус. Подгоняю всех под собственные мерки.

Люба засмеялась, пододвинулась к Таманцеву и дружески хлопнула его ладонью между лопаток:

– Я не обвиняла тебя в трусости. Скорее уж, в осторожности и расчетливости. Но тебе нечего стыдиться. Если подумать, мне повезло узнать об испытании раньше времени. Да и попала я сюда случайно. Откуда мне знать, каково приходилось вам, настоящим Странникам? Вас забирали из нашего мира и тут же ставили перед фактом, что, вам предстоит стать героями и, возможно, скоро погибнуть. А на другой чаше весов маячило заветное желание. Та желанная булка с неба! Кому захочется рисковать собой ради мира, о котором Странникам даже не дают узнать? Если честно, после всего, что ты уже рассказал о договоре, о том, что не знаешь, что с тобой будет теперь, я начинаю понимать, зачем ты полез в озеро к Нептунисам. Ты растерялся... Но это – не трусость! Я бы тоже испугалась на твоём месте! Но, может, все-таки перейдешь к теме «чреваточины»? На чем ты основываешься, заключая выводы... Мне интересно, что ты сделал, еще

до того, как попал сюда?

Таманцев вздохнул и задумчиво провел по волосам, словно возвращаясь в прошлое. Разговор давался ему нелегко:

– Ее звали Маша. Маша Титова. И она внешне немножко похожа на тебя. У нее была толстенная коса до пояса, с мой кулак, вот какая! Она мне нравилась с третьего класса. А я ей – нет. Бегал за ней, носил портфель, дарил цветы... И – ничего. Друзья. Или, даже, нет. Просто я стал еще одним ее поклонником. Было больно. В то время я сидел за партой с Аллой Стриженовой. Один раз помог ей – выручил с последней задачей на итоговой контрольной по алгебре. И она в меня влюбилась. Бегала хвостиком. Кругом смеялись. Я не прогонял ее, позволяя питать надежду. Хотел, чтобы Маша ревновала. Та, вроде бы даже заметила... Но длилось это недолго. А когда ей надоело ревновать, мой интерес к Алле тоже прошел. Обидел ни за что добрую девушку, а цели не достиг. Любовь нельзя купить. А мне очень хотелось. История со Стриженовой меня ничему не научила. Просто на Маше свет клином сошелся. Словно околдовала. Сейчас думаю – уцепился за свой первый настоящий проигрыш, все хотел ситуацию «дожать». Казалось, еще чуть-чуть и... А потом просто жалел потраченных усилий.

Тогда я и попал в Солнечную страну. Гриоты передали мне контракт через династа Озерной провинции. Знали, что предложить, – по договору любое женское сердце открывалось мне. И я подписал, не зная о дополнительных обязатель-

ствах, которые принимаю. Только после заключения сделки понял, что любовь и внимание девушек мне обеспечено, лишь пока я в Озерной провинции. Для того, чтобы магия Гриотов действовала, мне пришлось надеть ошейник с «теплоками». Как и все жители Солнечной страны, я должен работать, чтобы не превратиться в манекен. А молодость до прихода нового Странника, служила залогом того, что мое желание исполняется. Мне посулили новую, счастливую жизнь. На деле они просто вложили темную магию в меня, каким я был двадцать лет назад. И, как видишь, не постарел ни на один день.

Таманцев замолчал, а Люба тихонько вздохнула. Нет, эти Гриоты – настоящие обманщики! Она и раньше не собиралась с ними связываться, но, после исповеди Славы, окончательно решила, что, лучше погибнуть на испытании, чем раскаиваться всю последующую жизнь.

Журавлева потянула Ярослава за ухо. Тот возмущенно задергался:

– Ну чего?

– Значит, перед Стриженовой ты даже не извинился?

– Зачем? Дело прошлое... Столько лет прошло, она и думать про меня забыла... Если еще жива.

Люба дернула за ухо сильнее:

– Вставай! У нас впереди много дел! Вместе справимся с первым испытанием! Мне тоже страшно, но теперь я уверена – все получится. А когда верну тебя в наш мир, то прослежу,

чтобы ты извинился перед Аллой. Все понял?

– Сначала верни, – ворчливо отозвался Таманцев. Но в его серо-зеленых глазах плясали смешинки.

Люба, словно не заметив его последней фразы, поднялась и твердым шагом направилась к выходу из парка. Она была уверена, что Ярослав догонит.

Таманцев еще какое-то время топтался под булочным деревом. Потом от души пнул ногой массивный ствол и бросился догонять Журавлеву с криком:

– Домой хочу!

Глава 21. Когда ломают любимые игрушки

На щеку Любе упала холодная капля. Девушка недовольно подняла голову, машинально отмечая, что густой лес, окружавший её со всех сторон, – явно не лучшее место для свидания.

Она отвела в сторону пышную еловую лапу, и, перебравшись через несколько поросших травой кочек, остановилась, пытаясь понять, куда идти. Вокруг было тихо: ни шороха листьев, ни пересвиста птиц, ни, к счастью, диких животных. Лес, залитый лунным светом, тоже казался самым обычным...

«Что за глупая игра? Я раньше редко гуляла в лесу, тем более, ночью. Интересно, какое воспоминание выбрала ПСП?»

Люба огляделась по сторонам. Игоря, её постоянного спутника, нигде не видно.

«Как некрасиво заставлять девушку ждать. Или у ПСП магический заряд заканчивается, и она больше не в силах поддерживать игру? В любом случае, надо отсюда выбираться!»

Девочка не имела представления, куда идти. Можно, конечно, залезть на одну из елей и осмотреться, но, к сожалению,

нию, все деревья кругом – с гладким ровным стволом и тонкими нижними ветками. Вздохнув, Люба пошла наугад, старательно глядя под ноги и обходя все ямы, камни, наваленный сушняк и вывернутые с корнем деревья.

Вскоре ей повезло – девочка заметила узкую тропинку, вьющуюся меж кустов. Идти стало легче. Но, еще больше она обрадовалась, когда тропинка вывела её на дорогу: шоссейную, ровную, и достаточно широкую, чтобы могла проехать машина.

Люба в нерешительности остановилась. По обе стороны от дороги тянулся лес. Она уже начала просто двигаться по шоссе вперед, как вдруг до неё донесся шум мотора. Затем полумрак разрезал свет фар. К ней приближался самый обычный мотоцикл.

Притормозив у обочины, Игорь протянул ей руку:

– Прости, задержался. На деле, это такая «фишка» в игре... Герой подбирает красавицу в самый последний момент, когда она уже и не надеется его увидеть. Ты должна радоваться, что пределом твоих фантазий не является пустыня или ледник. Надеюсь, не сильно скучала?

Люба пожала плечами, уstraиваясь на заднем сиденье:

– Главное, чтобы ты знал куда ехать. Мне надоел этот лес.

– Как скажешь. Но, не забывай, что именно ты принимаешь решения.

– Я знаю, – раздраженно отозвалась Люба. – Но мне

немного жаль, что ты – не живой человек, Игорь.

Последовало недолгое молчание. Люба отрешенно наблюдала, как мимо нее проносятся подступившие к самой дороге деревья и низкорослые кусты. И вдруг последовал вопрос, от которого у неё сжалось сердце:

– А если бы я был живым, Люба? Ты бы осталась со мной?

– Люба! Немедленно проснись! – кто-то с силой тряс её за плечо.

Журавлева подскочила на кровати, в первую минуту не понимая, где находится. Лес, машина, Игорь – все исчезло. Более того, в этот раз сон оборвался на важном и интересном месте. Любу точно выдернуло обратно в реальность, и она даже не успела ответить на вопрос.

«А, кстати, что бы я ответила?» – Люба наклонила голову, чувствуя, как пылают уши. Ей было неловко. Руки все еще сжимали ПСП со светящимся экраном.

Виновник ее пробуждения невозмутимо сидел рядом прямо на ее кровати:

– Таманцев? Ты что делаешь в моей комнате?

– Прости. В этом доме очень тонкие перегородки. Я проходил мимо и услышал, как ты кричала во сне, – невозмутимо хмыкнул Ярослав, ни делая не малейшей попытки убраться. Более того, он даже слегка подпрыгнул, раскачивая пружинистую кровать, и грозя ее разломать.

– Какое тебе дело до моих снов? – вспыхнула Люба. – Немедленно уходи!

– Большое, – невозмутимо ответил Ярослав. – Ты забыла, что находишься в Солнечной стране? Здесь магия оказывает влияние на все. Так что, поосторожнее с видениями и кошмарами. Можешь заснуть и не проснуться.

Люба подавила тяжелый вздох: «Никакого понятия о приличиях! И это после романтического рыцаря Игоря! Реальные мальчишки просто ужасны!»

Ярослав вдруг замолчал и ткнул ей указательным пальцем куда-то в переносицу. Люба поморщилась от боли.

– У тебя фингал под глазом. Когда ты умудрилась? Еще вчера ничего не было. Во сне, что ли, с невидимками сражаешься? Если местные увидят тебя в таком виде, решат, что Дэнкя с тобой плохо обращается. О нем и так дурная слава идет! Придется гримировать. Или прикладывать зелье из листьев горбатого дерева. Если у Рэмов найдется отвар.

Люба схватила с тумбочки маленькое зеркальце и внимательно осмотрела лицо. И, правда, самый настоящий фингал. Она постаралась вспомнить, как это произошло.

Укладываясь спать, Люба включила ПСП, подоткнув спину подушками, не удержала игрушку в руках. Та упала ей на лицо, доставив несколько очень болезненных минут. Но потом девочка все равно заснула.

– А это что такое? – Таманцев подхватил с кровати на время забытую Любой ПСП.

– Эй, отдай! – Журавлева сжала кулаки.

– Посмотрите-ка, она светится! Напоминает мини-телевизор... – Таманцев вскочил, и, не выпуская ПСП из рук, попятился к двери, жадно глядя в экран.

– Таманцев, я начинаю жалеть, что не скормила тебя Нептунисам! Быстро отдал игру назад! Ты все равно ничего не поймешь! Это же симулятор свиданий для девочек... – Люба осеклась, почувствовав, что сболтнула лишку. Ярослав и без того сиял, как светодиодная лампа, водя пальцем по экрану:

– Ничего себе, какая техника! А для мальчишек такие есть?

– Есть. Только мне это не интересно! Давай, гони игрушку обратно!

– Ого, здесь себе можно выбрать любого парня по душе. Ну, Красота, не зря тебе досталось такое имя — Лю-бовь! Все мыслишки только про любовь! Так, посмотрим... Что именно ты выбрала?

– Отдай немедленно! – зарычала Люба, спрыгнув с кровати.

Дверь резко распахнулась. В проеме нарисовался мрачный Даньяр.

– Чего голосите с утра пораньше? Таманцев, что в чужой комнате забыл?

– Пусть отдаст мою ПСП! – топнула ногой Люба, – это моя игрушка и...

Договорить она не успела. Даньяр выхватил игру у Таман-

цева и, приглядевшись, со всей силы шарахнул ей о деревянный пол. После чего старательно потоптался на обломках.

– Что? Как ты... Да ты! – у Любы разом кончились все слова.

– Твоя хм...коробка... была той самой магарью, которую я искал, – Рэм смерил ее холодным взглядом, – ничего хорошего от неё ждать не приходится. Думаю, в Мерлом лесу твоя хм...собственность изменилась. Или ты притащила эту гадость из своего мира, что маловероятно... Но, Любушек, ты даже не рассказала об этой вещи! А ведь я чувствовал опасность. Это ощущение подкрадывающейся к моему порогу тьмы... Страница не должна поступать так гадко и глупо! Ты подвергла опасности не только себя, но и этот дом!

– Эта ПСП была мне очень дорога! – Люба едва не разрыдалась. Она пропустила все слова Даньяра мимо ушей. Все, что девочка поняла: её любимую игрушку безжалостно уничтожили.

«Игорь... Он ведь был почти живым! А его только что убили...»

– Сколько стоила? – в один голос спросили мальчишки.

– Нисколько. Я получила её в подарок.

– Аааа, – удовлетворенно отозвался Славка.

– И не «акай» мне тут! Это как раз означает, что игрушка бесценна!

Даньяр подавил вздох, затем, точно обращаясь к ребенку, спокойно сказал:

– Прости. Мне очень жаль.

– Врун! Нисколечко тебе не жаль.

– Ага. А теперь пойдём, обработаем твой синяк. Есть у меня одно средство. Из листьев горбатого дерева. Представляешь, Любушек, из этого чудного растения, не имеющего отношения к магарям и Гриотам, у нас делают...

Хмурой Журавлевой ничего не оставалось, как, накинуть на плечи тунику и двинуться следом за Рэмом.

Глава 22. Ирэн Ша

Сломанная ПСП испортила бы Любе настроение на целый день, если б не одно обстоятельство. Мальчишки объявили незапланированный выходной. Дед Даньяра отправился в гости. Готовить оказалось некому, и Таманцеву пришлось в голову прогуляться и перекусить вне дома:

– А, что? Вместе ходим в лучший пит-зал в нашей провинции! Люба заслужила передышку, ты же её совсем загноял, Дэн!

Журавлева подозревала, что Славка просто пытается извиниться: ведь, из-за его вмешательства сломалась её любимая игрушка. Таманцев всеми силами ищет способ вернуть Любино расположение.

– Ну, раз дед сегодня занят, можем и сходить. Конечно, там недешево. Обед на троих обойдется в девять крупных «теплоков». Но скоро испытание, охота в последние дни была удачной, значит, можно и отпраздновать! – без особой радости отозвался Даньяр. Возможно, он предпочел бы провести выходной день в полном одиночестве, в своей пыльной и закрытой от мира лаборатории. И, скорее всего, пропустил бы за своими исследованиями, и обед, и ужин...

– Мне кажется, или ты решил откормить меня, как свинью перед бойней? – поморщилась Люба, которая не собиралась прощать ему разбитую игрушку. – Иначе, с чего разбрасы-

ваешься своими драгоценными «теплоками»?

– Красота, не хочешь, можешь с нами не ходить. Мы и вдвоем смотаемся. И может быть, принесем тебе что-нибудь вкусненькое «в клювике» на обратном пути! – с видом заговорщика подмигнул Таманцев.

– Или не принесем, – закончил Даньяр.

Люба скорчила обиженную гримасу:

– Хорошо, пойдем вместе. А что еще за пит-залы?

– Местные столовки, – довольно улыбнулся Таманцев.

Небольшой, но довольно комфортный пит-зал, куда они зашли, находился примерно в полчаса ходьбы от дома Даньяра. Люба глазела по сторонам, сидя на мягком белом стуле, обтянутом чем-то очень похожим на кожезам. В зале было светло от солнечных лучей, проникавших сквозь большие, до самого потолка, окна. На круглых столиках, застеленных крахмаленными скатертями, красовались миниатюрные вазочки с цветами.

Меню почти не принесло сюрпризов (по крайней мере, ингредиенты в салатах были самыми обыкновенными): курица, сыр, ветчина, картофель, кукуруза. Однако некоторые составляющие все же заставили Любу смутиться. Например, «мясо чоккута» или «язык молодой рогатки» и тому подобное.

На миг Люба почувствовала себя не то в китайском ресторане, где подают жареных кузнечиков, не то во французском,

где предлагают лягушек. Остановившись на салате «Любимый», в который входила курица, картофель, огурец, кукуруза и сметана, девочка заказала на второе простую мясную котлету и пюре. Дополнив заказ фирменным чаем из красной смородины, Люба вышла освежиться в дамскую комнату.

Возвращаясь назад, она обратила внимание на официантку, удаляющуюся от столика, за которым ее ждали Даньяр и Таманцев. Девочка была примерно её возраста. Или, может, на год постарше. Правильный овал лица напомнил Журавлевой портреты русских аристократок прошлых веков. Нежная кожа, выразительные светло-зеленые глаза, маленький рот. Пышная желтая юбка-волан со множеством нижних оборок, благодаря которым держала форму параболы; пояс, подчеркивающий тонкую талию, строгая белая блузка и черные «чулки-обувь» с золотыми помпонами, которые будто специально привлекают внимание к стройным ногам. Люба подумала, что впервые видит у местных девушек такие бутсы. Официантка не стала надевать поверх юбки прозрачную накидку. Но дань правилам соблюдена – на ткани в районе бедер прозрачная вставка. Точно такая же кайма тянется по воротничку блузки.

Девушка-официантка проскользнула мимо Любы с пустым подносом в руках, и Журавлева невольно обернулась ей вслед. Волосы незнакомки тоже необычные и спускаются до самой талии. Темные у самых корней, они переплетаются с белыми прядями, очевидно, добавленными специально.

Челка у красавицы отсутствовала, волосы зачесаны назад и собраны на затылке яркой заколкой с крупным золотым бантом. В целом, внешность официантки напомнила Журавлевой актрис американских фильмов, где они выступали в роли черлидеров групп поддержки баскетбольной команды. Только пестрых помпонов в руках и не хватало.

Люба подошла к столику и обнаружила неприятную вещь. Официантка принесла два набора столовых приборов вместо трех. А еще мальчишки уже всюю потягивали местный напиток из смородины. Любин же стакан на столе отсутствовал.

– Ребят, а когда мне принесут приборы? И где мой напиток? Вы, случаем, его не выпили? У вас сегодня завидная тяга к моим вещам, – Люба переводила внимательный взгляд с Даньяра на Славу и обратно. Те только сочувственно покачали головой:

– Ириска, кажется, невзлюбила тебя сразу, как увидела в дверях пит-зала. Иначе бы уже все принесла, – пожал плечами Даньяр.

– Да ладно, может, просто забыла. Нечего бегать по туалетам! – поставил в известность Таманцев, блаженно причмокивая прохладным напитком. – Хотя, Дэнька, ведь Ирэн из-за тебя злая...

Рэм бросил в его сторону уничижительный взгляд, но даже не подумал ответить.

– То есть как это? – возмутилась Люба, – я получу сего-

дня еду или буду глотать слюнки, наблюдая, как вы уминаете обед за обе щеки? Тоже мне, сервис! У нас в Москве за такое официантку бы давно выгнали!

– Ну, попробуй подойти к стойке администрации. Вот только не думаю, что они накажут Ириску. Она – дочь хозяйки заведения. Лучше позвони в колокольчик, который та оставила Дэнке, и еще раз напомни о заказе.

– Да что не так с этой... Ириской? У нее есть претензии к Странникам? Хотя нет, тебе же, Таманцев, она еду принесла, – рассуждала Люба, раздраженно постукивая пальцем по столу.

– Ириска, точнее, Ирэн Ша, помешана на нашем общем друге Даньяре. Влюблена в него с малых лет. Но тот ее не замечает. Старательно играет в «друзей», – веселился Таманцев, сворачивая бумажную салфетку гармошкой и затем наматывая её на палец. Ему, похоже, очень нравилось крутить что-то в руках. Если не собственные волосы, то, хотя бы, салфетки.

– Что значит, «играю»? Мы с Ириской – друзья с детства, – строго посмотрел на него Рэм.

– У тебя все же есть друзья? – мгновенно оживилась Люба, – надо же, а со стороны и не подумаешь... Но, почему она сделала вид, что меня здесь нет?

– Говорю же, – нравоучительно отозвался Таманцев, – Ирэн по уши влюблена в него. На нее даже магия Гриотов, которая помогает мне очаровывать девушек, не действует. Да-

же как-то обидно...

– И хорошо. Ирису не тронь, – сверкнул глазами Даньяр. Люба поняла, что здесь скрыта какая-то тайна. Но вслух спросила другое:

– А почему она в такой странной одежде? Не слишком ли вычурно для сто... то есть, пит-зала? И что у нее с волосами? А, главное... Я не заметила на ней ошейника с «теплоками»!

Таманцев наклонил голову:

– Ей нравится выделяться среди других, Красота. А еще, Ириска хочет подчеркнуть, что, в Озерной провинции, она – птица высокого полета. Кстати, как раз поэтому у нее и нет ошейника...

– Это как? Погоди... У деда Мория его нет, у Ириски нет. Почему же у Даньяра он есть?!

– А Дэнька тебе не рассказал? Ну, про него болтать не буду. Не хочу лишиться языка. А по поводу Ириски: ее папочка – счастливый представитель средней ступени. Ступени, от низшей до высшей, управляют Солнечной страной. Чтобы оказаться среди избранных, нужно либо иметь благородное происхождение, как семья Рэмов, либо – тугой кошелек с «теплоками». И отец нашей Ирэн Ша, как раз такой. В юности он женился на обычной девушке из Озерной. Но родители вынудили его расторгнуть брак уже через год, подобрав более подходящую партию. Тем не менее, отец Ириски ее признал, и постоянно осыпает дорогими подарками. Он владеет большинством пит-залов по всей территории Солнеч-

ной страны. А она, чтобы ему угодить, подрабатывает официанткой в одном из них. Ириска готовится к роли хозяйки и хочет привлечь внимание отца, надеется его порадовать...

– А сводные братья и сестры у Ириски есть? – спросила Люба.

История Ириски чем-то напомнила ей тургеневскую «Асю». Идеальное свидание с Игорем, которое теперь уже не повторить, тут же заставило снова надуться, глядя на мальчишек. В то же время Журавлева очень хорошо понимала желание Ирэн порадовать отца, которого редко видит. Будь у Любы такая возможность, она бы тоже приложила все усилия!

– Есть, но она не любит о них говорить. И прекращайте уже сплетничать! – поморщился Даньяр и позвонил в колокольчик. Ириска примчалась мигом:

– Хотите еще что-то заказать?

– Да, пожалуйста, принеси Любе ее заказ. И, может, отвлечешься ненадолго от работы и пообедаешь с нами? Там есть пара других официанток. Хочу познакомить тебя с нашим новым другом, если ты не против. А обед – за мой счет. Согласна?

Ирэн Ша густо покраснела, затем нервным движением убрала за ухо прядь волос:

– Присоединиться? Спасибо! Буду очень рада. Но, может, тогда обед за счет заведения?

– Ни за что! – помотал головой лучник, – я хочу тебя уго-

стить. Для меня это важно.

– Хорошо, – Ириска вдруг заискивающе улыбнулась Любе, – приятно, наконец, лично увидеть Страницу. Желаю вам удачи в Первом испытании.

Люба задумчиво кивнула, решив не портить подобие приятельской атмосферы разговорами о том, что официально Страницей она еще не стала. Когда Ириска убежала отдавать распоряжения младшим официантам, Люба наклонилась к Таманцеву и шепотом спросила:

– А зачем, все же, она цепляет себе светлые пряди? Или подражает тебе с Рэмом?

– Нет, Красота. Просто, во-первых, подчеркивает свое происхождение. Ведь светлые волосы в Солнечной стране – признак благородных кровей. И, во-вторых, доказывает, что достойна встать вровень с Рэмами...

– Я все слышу, – прошипел Даньяр. – Хватит уже портить мне аппетит! Или будете платить за себя сами!

До конца ужина Любе пришлось натягивать улыбку на лицо, слушая бесконечные истории из детства Ириски и Даньяра. Она не понимала, почему ее все это так нервирует. Все эти мимоходом брошенные фразочки вроде «Дэнька, ты так давно не заходил! Я скучала...» Ревность к другу? Люба никогда ничего подобного не испытывала. Может, потому что у нее еще не было настоящих друзей? Или неприятно, что к ней их прошлые отношения не имеет? Самое забавное, что Таманцеву довелось принять участие в детских иг-

рах маленьких Рэма и Ша.

– Эй, Славуша, помнишь, как мы вместе играли в «жмурки» и заманили Даньяра в крапиву?

– Да-да, я тогда чуть со смеху живот не надорвал! Там же был целый высохший пруд, поросший крапивой! Как он тогда орал! – Таманцев и глазом не моргнул, когда Ириска назвала его «Славушей».

– О, а ты, Славка, тут времени даром не терял... – восхитилась его жизнелюбью Журавлева.

– Должен же я был как-то развлекаться, раз застрял здесь! Внешне я не менялся, как ребенок... Позвали играть, я и пошел! – смеялся Таманцев.

«Как же тоскливо должно быть подростку в чужой стране, чтобы играть с малышами...»

– Из-за вас на мне живого места не осталось! – рычал Рэм, но его глаза лучились теплотой. Люба раньше не видела его таким. Кажется, сегодня он и правда радовался жизни.

Следующим вечером, когда Дэн отправился покупать какие-то порошки, необходимые для работы в лаборатории, Люба решила прогуляться до пит-зала. Она по возможности решила попытаться наладить отношения с близким для Даньяра человеком. Даже несмотря на то, что первое знакомство не оставило приятных впечатлений.

Как на грех, за ней увязался Таманцев. Но Люба даже не подумала, что он может ей помешать. Её план был доволь-

но прост. Девчонки из ее школы обожали «классики». Взяв портновский мел, который она позаимствовала у деда Рэма, Журавлева подошла к пит-залу, и, в нескольких метрах от него, на брусчатке, начертила квадратики и цифры.

– Ого! У тебя после работы на фабрике еще есть силы скакать! – искренне удивился Таманцев, – а мне можно?

– Иди домой! Это детское развлечение! – помотала головой Люба, не желая, чтобы вчерашний разговор о прошлом, когда «трава была зеленее», а дружба – крепче, повторился снова.

Но Ярослав и не думал уходить. Вместо этого он принялся кричать во всю мощь легких:

– Девушки и дети! Все, кто хочет поиграть со Страницей и получить от нее шоколадную конфету, скорее сюда!

– Ты что творишь, дурак?! – растерялась Люба, с ужасом замечая, как вокруг нее образовалось плотное кольцо детишек и любопытных женщин.

В этот момент, привлеченная шумом, во двор выглянула Ириска, и, заметив толпу вокруг Любы и Таманцева, презрительно поджала губы:

– Показушница!

Бросив эту гордую независимую фразу и звякнув ключами, Ириска заперла дверь изнутри.

Любе же пришлось несколько часов развлекать жителей, объясняя правила игры в «классики». С Таманцевым она не разговаривала весь следующий день. Но это никак не отме-

няло того, что первая попытка пообщаться с Ирэн провалилась.

Глава 23. Проклятие дома Рэмов

Незаметно прошла неделя. Как-то утром, завтракая вместе с Рэмами, Люба обнаружила, что Таманцева нет. Оказалось, что тот отправился на границу провинции, чтобы купить незаменимые составляющие для зелья Даньяра, позволяющее ему безопасно передвигаться по Мерлому лесу.

Люба немного обиделась. Её даже не предупредили об этом путешествии! А она и в России-то мало что видела, что уж говорить о Солнечной стране?

Но Даньяр придумал для нее нечто иное:

– Сегодня тебе не нужно идти на фабрику. В пит-зале матери Ирэн планируется банкет. У Ириски будет двойная смена. Поможешь ей? И переночуешь тогда там, хорошо? Тебе же не трудно? Помоги, пожалуйста!

Люба прищурилась. Просительные интонации в голосе Рэма отсутствовали. Скорее, прозвучал приказ. Но спорить с Даньяром не хотелось по нескольким причинам: во-первых, Журавлева пользовалась его гостеприимством, во-вторых, тот выглядел усталым после утренней охоты в лесу, и, в-третьих, – эта была отличная возможность поладить с Ирэн Ша.

– Захвати зонтик, – бросил Даньяр вслед, и Люба удивленно застыла на пороге. Солнце ослепительно сияло в небе, и только на западе собирались небольшие облака. – В этот

день всегда идет дождь... Возьми зонт. – повторил Рэм и начал тяжело подниматься по скрипучим ступенькам.

Люба схватила потертый зонтик, стоявший в углу рядом с вешалкой, и хорошенько хлопнула дверью напоследок. Ей хотелось показать, что вечно исполнять приказы Рэма, как послушный солдат-новобранец, она не будет.

Едва Люба подошла к пит-залу Ириски, над дверями которого красовалась бело-синяя вывеска, как почувствовала, что на голову упала холодная капля. За ней последовала вторая, третья... Это напомнило ей злосчастный день конкурса «Юная барышня», и под ложечкой противно засосало.

«И откуда Рэм все знает? У них же нет ни радио, ни телевизора, и никаких прогнозов погоды! Или все это – его алхимические штучки?»

Люба тихо звякнула колокольчиком, висевшим над входной дверью, (мелодичный перезвон потонул в потоке воды, хлынувшей с небес), и потерянно застыла на пороге. Возле высокой стойки, где в витрине царствовали свежие кексы и молочные десерты, толпились несколько плохо одетых мужчин. Незнакомцев было трое. От них несло табаком, дешевым вином и грязью так, что даже Люба, стоявшая в отдалении, почувствовала тошнотворный смрад.

Журавлева решила, что подойдет к Ирэн, когда эти парни уберутся из пит-зала. Но они явно не спешили:

– Сестренка, налей-ка нам еще той красной бурды, кото-

рую твоя мамаша называет вином.

Губы Ириски сжались в узкую полоску. Она нервно взмахнула рукой:

– Вы не заплатили за предыдущий заказ!

– Не заплатили, и что? Думаешь, раз у тебя богатый папочка, значит, тебе все позволено? Осторожней, девчонка! Последний раз прошу: тащи выпивку!

– Убирайтесь! Или позову охрану! – Ириска вскинула голову, но её голос предательски дрогнул.

– Ишь, раскомандовалась! Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому! – самый крепкий из троих схватил ближайший стул и запустил им в стеклянную витрину. Стекло зазвенело, но, к счастью, выдержало.

– Быстро тащи сюда все! И закусь, и выпивку, – поддержал его второй.

Этого Люба уже не могла стерпеть. Ее рука сама собой потянулась вперед, словно желая придушить того, кто обижает подругу Даньяра. Пальцы сжались, как под давлением латунной перчатки. И тут произошло удивительное. Со всех столов, где стояли вазы с цветами, к потолку брызнула вода. Мгновением позже дебоширы отмахивались от холодных водяных струй и цветов, летящих в их сторону.

Несмотря на устроенный погром, Люба ощутила прилив энергии. Похоже, чтобы управлять магией воды, ей требовались такие негативные эмоции, как страх или гнев. Сейчас она злилась, потому и смогла призвать свою силу. И сделать

то, что не получалось все долгие часы тренировок в доме Даныря. Или...

«А, может, все как раз наоборот, – подумала Люба, – и я научилась управлять водой только благодаря тренировкам?»

Вода в вазах быстро закончилась, растекаясь лужицами по полу. Люба поняла, что собрать ее будет значительно сложнее, чем просто перенаправить поток из посуды.

Но этого и не требовалось. Журавлева распахнула входную дверь настежь, впуская сырой холодный воздух. Она проигнорировала злые взгляды, обращенные в её сторону:

– Ты еще кто такая?

– Странница. А эта девочка, которой вы едва не разнесли витрину, – моя подруга. Вы же знаете о магии Странников? Я показала вам лишь маленькую часть, – Люба лениво протянула руку в сторону улицы, где шел сильный дождь. – Понравилось купание? Хотите, устрою представление покруче?

Парни притихли. Они стояли, молча, глядя на неё с суеверным ужасом. Тот же страх Люба читала во взглядах местных, обращенных к Данырю.

– Убирайтесь! – коротко приказала девочка, сжимая ладонь в кулак. Поток воды, стекавший с крыши, превратился в настоящий ручей, потекший к её ногам, – или я не отвечаю за последствия. И, да, прежде чем уйти, не забудьте расплатиться.

Бандиты-неудачники поспешно выскочили из пит-зала, бросив к ногам Любы мешок с «теплоками». Не слишком тя-

желый, но все же – компенсация.

Ириска на ватных ногах прошла мимо Любы, закрыла дверь на замок, затем дернула шнур для занавесей на окнах. Те мгновенно опустились, и в помещении сразу стало темнее. Бледная, как снег, девушка бессильно опустилась на первый попавшийся стул:

– Проклятый день. Так и знала, не стоило сегодня открывать пит-зал. Охранник попросил выходной: у него заболела сестра... А мама отправилась за продуктами. В смежном помещении повар, но он глухой... Я испугалась. Несмотря на всю грязь, что ты здесь, Люба, устроила, спасибо тебе. Не ожидала, что ты зайдешь, а уж тем более, вмешаешься!

Журавлева растерялась:

– То есть, как? Даньяр сказал, что у вас вечером праздник. Мол, я должна помочь, ты просила. Разве не так?

Ирэн подняла на нее печальные глаза. В полумраке они слабо сверкнули, совсем как у кошки:

– Значит, Даньяр прислал тебя? Сколько сейчас времени?

Люба посмотрела на часы, висевшие на стене, и равнодушно повела плечом:

– Половина первого.

Ириска прикусила губу:

– Присаживайся, есть разговор. Пит-зал я закрою, все равно клиентов в такую погоду, да еще и в этот день, не предвидится... Иначе говоря, никто не придет. Так что никакого торжества не будет.

– Значит, можно идти домой? – облегченно вздохнула Люба. – Вот так сразу? То есть, когда я помогу тебе прибраться...

– Не совсем. Присаживайся, – бесцветным голосом отозвалась Ириска.

Люба села за столик рядом с ней. Её охватило тягостное предчувствие: «Что еще Даньяр скрыл? Зачем прислал сюда? Что за глупые тайны? Неужели, я не заслужила ни капли доверия, и мне нельзя нормально все рассказать?!»

Ирэн, выдавив улыбку, оглядела мокрый и усыпанный сломанными цветами, пол:

– Хорошо хоть вазы не разбились. Ну и чудо же ты!

– Надеюсь, не похожее на магарь? – пробурчала Люба.

– На наше счастье – нет, – тихонько усмехнулась Ириска, – а теперь к делу. Сегодня ты не сможешь вернуться в дом Рэмов. Только не в этот день. Сегодня – Проклятый день для Озерной провинции и их дома.

– Как это? – протянула Журавлева.

– Так. Восемь лет назад Гриоты проклинали их могущественный род. И в этот день все члены семьи Рэм будут переживать ужасы, с которыми столкнулись в прошлом. Даже если, они находятся за пределами дома, неведомая сила возвращает их обратно... в проклятый дом Рэмов. И горе тому, кто в этот день окажется рядом. Проклятие действует с двенадцати часов дня и до следующего полудня. Завтра, когда проклятие утратит силу, мы пойдем с тобой вместе, сменить

«теплоки» в его ошейнике... С каждым годом после этого дня Даньяр становится все слабее. И, даже несколько дней спустя его лихорадит... Его дед переносит проклятие легче, потому что у него нет ошейника Гриотов...

– Погоди немного! – Люба резко подскочила на стуле, – помедленнее! Хочешь сказать, что Даньяр решил защитить меня, и потому отослал к тебе? Кстати, и Ярослава он отправил на границу... Молодец! Додумался!

– Ты должна быть ему благодарна. Ты не знаешь, каково это, столкнуться с их проклятием... А я знаю! – Ириска с силой ударила ребром ладони по столу.

– Откуда? – Люба внимательно посмотрела на нее.

– Была там однажды. Мне исполнилось десять лет, и я начала практиковать семейную магию Ша. Надеялась, что смогу снять проклятие Гриотов. Но отдача оказалась такой, что я чудом осталась жива. Понимаешь? Я так хотела ему помочь! В горячке умоляла маму пойти к нему. В Озерной провинции к Рэмам относятся с опаской, но, разве можно отказать полуживому ребенку?

Люба остановила ее сбивчивую речь движением руки:

– Пожалуйста, расскажи, из-за чего Даньяра так бояться? И что случилось с его родителями? Он мне так и не открылся... Дурак!

Ириска бросила на нее понимающий взгляд:

– Он всегда был таким. Никогда не просил помощи. Не хотел ни от кого зависеть. Сейчас его единственная цель –

отомстить за родителей и вернуть Рэмам честное имя. Порой мне кажется, он слишком увлекся погоней за миражами. Каждый заработанный «теплок» Дэн откладывает для этих целей... А еще он болен желанием доказать, что его родители живы! И это после того, как они исчезли восемь лет назад!

Люба взволнованно сжала ладони в замок. Ее начала пробирать мелкая дрожь, хотя в пит-зале было тепло:

– Начни сначала... Пожалуйста! Я, правда, хочу помочь. Дэн в нашу первую встречу спас меня. Я бы хотела его отблагодарить. Может, у меня получится снять проклятие? Я, все-таки, Странница. Я справлюсь! Расскажи мне, что случилось в тот день!

– Ты должна остаться здесь до утра, – покачала головой Ириска, – ты ничем не сможешь, в худшем случае, пострадаешь сама. Даньяр надеется, что ты избавишь Солнечную страну от Гриотов. Просто сосредоточься на этом...

– Расскажи мне, почему их прокляли, по-хорошему прошу, – Люба сверкнула глазами, чувствуя, как в глубине души собирается мрак. В то же мгновение, дождевые струи с силой ударили по стеклам, словно пытаясь их выбить.

Ирэн, почувствовав неладное, мягко накрыла ладони Любы своими:

– Хорошо, расскажу. Не хочу, чтобы ты разбила окна своей нестабильной магией! И еще... Это же не магия Странников? Таманцев показывал теплый свет на ладони...

– Ты права. Это изобретение Даньяра. Он эксперименти-

ровал с чешуйками Нептунисов, – Люба поморщилась, – да неважно. Я тебя слушаю, рассказывай.

– Что ж... – Ириска откинулась на спинку стула и уставилась прямо перед собой, словно вспоминая все в деталях. – Род Рэмов был великим задолго до того, как Гриоты появились на нашей земле. Говорят, основатель рода пугал людей явными способностями к некромантии. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Люба, помрачнев, кивнула:

– Темная магия. Умение общаться с мертвыми. И оживлять мертвых.

– Из-за этого семью Рэмов недолюбливали и сторонились. Но потомки Рэмов утратили знание, а, вместе с ним, и ключ к своему величию. Когда Гриоты поработили нашу страну, Рэмы превратились в обычных, насколько это возможно, алхимиков. Родители Дэна были особенными. Принадлежавшие к Высшим ступеням по происхождению, они осуждали мир, которым им приходилось править. Рэмы хотели вернуть людям право на нормальную жизнь без магических ошейников. После долгих исследований они создали эликсир. Достаточно было выпить его, чтобы навсегда избавиться от власти ошейника. Превращение людей в манекены было бы остановлено. И часть тех, кто уже превратился, можно было спасти.

Но весть об их экспериментах дошла до ушей Гриотов. Самое ужасное, что предателем стал кто-то из жителей Озер-

ной провинции. Тот, кого спасли родители Даньяра. И тогда один из Гриотов впервые появился здесь. Кроме меня и Дэна его никто не видел. Но я не помню... Решительно, ничего не помню! – Ириска закрыла лицо дрожащими руками.

– Все хорошо, – попыталась успокоить ее Люба, – что случилось дальше?

– Родителей Даньяра забрали Гриоты. Все считают их погибшими... Кроме самого Дэна. Он поклялся их найти. И для этого использует любую возможность, чтобы заработать. Дэн хочет попасть в столицу, и начать поиски оттуда. И для этого ему нужны средства. А еще он постоянно просиживает в лаборатории, надеясь найти рецепт эликсира, что погубил его родителей... Боюсь, не к добру это.

– Но его можно понять! – Люба резко встала из-за стола, – я уйду. Прости, но не могу остаться. Даньяр не имеет права принимать решения за меня. Я не брошу его в беде. Даже, если от меня не будет толку, я сегодня вернусь домой!

Сильный порыв ветра едва не сбил Любу с ног. Ноги мгновенно промокли, стоило ей сделать несколько шагов по грязной земле. Люба шла медленно, прикрывая рукой лицо от холодных капель, и жалея, что оставила зонтик в пит-зале. Возвращаться назад не хотелось. Все равно от ливня, напоминавшего, скорее, сплошную стену дождя, никакой зонт бы не защитил.

«Как странно... я управляю водой, но при этом все равно

промокла до нитки! Хотя, стоит ли огорчаться? Есть куда более важная задача. Я сниму проклятие с дома Рэмов! Или как Странице мне грош-цена!»

Только подходя к дому Даньяра, Люба заметила окружившую его грязно-сиреневую дымку – явный след магического заклятья. Немного поколебавшись, Люба осторожно шагнула в нее. Сначала двигалась наугад, потом туман немного рассеялся. И тут она увидела юного лучника. Даньяр неподвижно лежал на крыльце, не проявляя ни малейших признаков жизни. С его одежды и длинных синих волос стекала вода.

«Зачем он вышел? Неужели, ждал меня? Верил в меня? Что я все-таки приду?»

В груди потеплело, но, уже в следующую секунду, тело Любы пронзила боль, словно невидимая сила прошла по каждой клеточке остро заточенной бритвой. Девочка ощутила присутствие чужой воли – холодной, жестокой, требующей, чтобы она немедленно убиралась отсюда.

Люба сжала зубы так, что они скрипнули: «Я не уйду! Ты не сможешь меня заставить или остановить!»

Последовала новая волна боли, прокатившаяся по телу. Журавлева покачнулась, и, не удержавшись на ногах, упала. Подол платья, колени, руки моментально покрылись слоем вязкой грязи. Собрав все силы, она поползла вперед, шаг за шагом, по мокрой траве, по грязной дорожке, дюйм за дюймом, все ближе и ближе к Дэну. В голове осталась лишь одна

мысль – если он пролежит под дождем еще хоть десять минут, простудой дело не обойдется.

А потом ей было видение.

...В небе ярко светило солнце. Единственная грязно-сиреневая туча нависла над домом Рэмов. Крик, полный отчаянной боли, прокатился по саду. Он исходил из дома. Любе хотелось броситься туда, узнать, что случилось, но она не могла пошевелиться.

Откуда-то сзади донеслись торопливые шаги. По дорожке к дому спешили дети. Приглядевшись, Журавлева узнала темноволосую Ириску и Даньяра. Люба вздрогнула, заметив, что на мальчике не хватает... ошейника.

Дети тоже попытались войти в дом, но безуспешно. И тут картинка замерла. Словно фильм, разворачивающийся перед её глазами, кто-то остановил.

Из дома неторопливо вышел «он». Люба не смогла разглядеть лица, но была уверена – перед ней Гриот. Один из тех, кого до смерти боятся в Солнечной стране. Он прошел мимо нее, лишь слегка задев краем белого халата, но ладони Журавлевой покрылись инеем. А на дорожке, после каждого его шага, оставался снег.

Дети замерли в страхе. Гриот посмотрел на них и слегка потер ладони, по которым скользнули сверкающие змейки молний:

– Какая жалость. Потратил столько сил для перемещения, и мне нельзя стереть этих Рэмов в порошок. А они за-

ставили меня попотеть! Где бы мне взять еще энергии? Мальшняя, вы не поделитесь?

Люба, в ужасе наблюдала, как молнии, сорвавшиеся с его ладоней, устремились к мальчику и девочке. Журавлева заэжмурилась, не в силах на это смотреть, а, когда очнулась, то увидела, что Даньяр закрывает маленькую Ирэн своим телом. Легкая серебристая дымка, обволакивающая его фигуру, мешала добраться до второй жертвы. Но, увы, не могла спасти самого Рэма.

– Ты вздумал вступить за нее? Какой рыцарь! Конечно, ты же тоже – Рэм. Но, в отличие от своих родителей, ты для меня бесполезен. Мне нельзя убить тебя... Таков приказ. Но, я заберу то, что отличает тебя от простого люда. Отныне ты не будешь таким гордым, маленький Рэм! Научу тебя покорности и подзаряжусь энергией. Ну, а если ты в процессе умрешь... Тем хуже для тебя.

Несколько молний образовали сеть, которая накрыла Даньяра, высушивая его, как паук бабочку, попавшую в паутину.

– О, я чувствую себя гораздо лучше! У тебя чудесная жизненная сила, малыш! Жаль, что сразу не могу осушить твоих родителей. А вот, кстати, и они...

Гриот щелкнул пальцами, и рядом с ним появились окровавленные тела мужчины и женщины, в которых Люба узнала Рэмов с портрета. Затем, он сделал резкий взмах рукой, и в воздухе перед ним открылась дверь. Новое движе-

ние, и бесчувственные родители Даньяра, по одному, исчезли по другую сторону двери. За ними последовал и сам Гриот, бросив мальчику на прощание:

– Не будь таким же дураком, как они, малыш.

И исчез.

Люба попыталась восстановить в памяти его облик. Худой, высокий тип в белоснежном халате, напоминавшем медицинский. Слишком длинные, до самых колен волосы, перехваченные на концах заколкой в виде змеи. Рукава халата волочились по песку, и Гриоту приходилось их подворачивать. И, в довершение кошмара, на поясе у него болталась связка сухих человеческих костей разных размеров.

Любу привел в чувство дождь, безжалостно хлеставший по щекам. Она сидела на крыльце рядом с Рэмом. Подняться получилось не сразу, как и оттащить Даньяра подальше, под навес.

– Дэн, очнись, – Люба осторожно коснулась его лица рукой, и тот встрепенулся от ее прикосновения. Открыл темные блестящие глаза и просто уставился куда-то в сторону. Люба с тревогой спросила:

– Как ты? Жив?

– Вроде.

Последующий разговор они вели уже под спасительной крышей дома, наблюдая, как за окном рассеивается грязно-сиреневая дымка. Дождь понемногу стихал.

– Любушек. Зачем ты пришла? Я же просил ждать у Ирис-

ки.

– Как будто ты не пришел бы, на моем месте... Так вот почему у тебя этот ошейник, благородный ты наш? Спасал девочку, и сам остался ни с чем?

Даньяр вместо ответа поманил ее к себе ладонью:

– Можно тебя попросить? Обними меня. Я замерз.

– Значит, хочешь обнимашек, только потому что тебе холодно? – фыркнула Люба.

– Нет. Хочу поблагодарить тебя за спасение. С того страшного дня, когда мои родители пропали, этот дождь не прекращался, а магический туман – не рассеивался. Ты смогла снять проклятие. Ты – настоящая Странница, что бы кто ни говорил. И, главное... Ты – моя Странница.

Люба поспешно обняла его, чтобы скрыть краску, выступившую на щеках. Но минута тепла у Рэма долго не продлилась. Он мягко отстранил ее и тихо попросил:

– А теперь, разбуди моего деда, пожалуйста. Я пока не могу даже встать, но... В день, когда Гриоты наложили на дом проклятие, его не было с нами. И теперь, каждый год он видит свой страшный кошмар. Что он опоздал... И потерял сына и любимую невестку. Понимаешь?

Люба кивнула, украдкой улыбаясь. Роль Странницы начала ей нравиться.

Глава 24. Мальчик из ПСП

Люба медленно шла по берегу Волнистого озера. Она решила сама приготовить и отнести полдник старому Рэму. Сегодня у нее выходной день, и хотелось сделать приятное тому, кто так о ней заботится. Уж что-что, а приготовить тосты она смогла. После того, как печку протопили утром, она еще долго хранила тепло. И поджарить на масле белые хлебцы оказалось делом двух минут. К тостам Люба добавила немного тертого чеснока, тонко нарезанное варёное яйцо, пару веточек укропа, ломтик сыра.

На вид блюдо казалось аппетитным, а вот попробовать его Журавлева не решилась. Не слишком красиво, если тост будет обглодан с одной стороны. Девочка сделала четыре кулинарных «шедевров» и упаковала их в большой пакет из-под шоколадных конфет с фабрики.

Это был первый раз, когда она готовила для другого человека. Ну, может, не совсем так. В детстве, когда дядя Вадим подолгу задерживался на работе, она тоже пыталась готовить. Но все ее блюда обычно оказывались в мусорном ведре. Вадим всерьез боялся, как бы племянница не отравила его, случайно или намеренно.

Ближе узнав Даньяра, Люба думала о том, чтобы приготовить вкусняшку и для него. Удивить чем-то вкусным, не хуже какой-нибудь Ириски. Но для этого требовалась практика.

Нужно упорно тренироваться, чтобы после первой попытки не получилось, как с дядей. А вот дедушка Рэм – очень хороший вариант для экспериментов на кухне!

Люба радостно подула на ладони, смахивая с них крошки. Сейчас она походила на довольную жизнью кошечку. Не хватало только ушек и хвоста, а вот мурчала она себе под нос довольно громко.

Обойдя озеро, девочка не сразу нашла старого Рэма. На этот раз старик рыбачил по левую сторону от тропинки, ведущей в Мерлый лес. Морий был приятно удивлен ее приходом и признался, что проголодался. Но попросил девочку возвращаться домой, потому что принял маскирующее зелье от магарей, а она – нет. И Люба решила последовать его совету. Она даже обрадовалась его просьбе, потому что боялась услышать, что её тосты совершенно не съедобны.

Назад Люба возвращалась другой дорогой. Так было чуть-чуть длиннее, зато живописнее. Тут тропинка пролегла мимо замка Старейшин. Пока она шла по берегу озера, ей чудилось, что из воды на нее смотрят злые и холодные глаза с тремя желтыми зрачками. Что поделать, историю с Ярославом Нептунисы ей еще долго не забудут!

Ей приходилось брать воду из озера для полива растений и стирки. Но Нептунисы не нападали. Может, боялись, что она возьмет и осушит все озеро, используя свою силу. Или придумает иной способ им навредить.

И все же, они следили за медленно идущей по берегу Любой, с тайной темной надеждой. Вдруг девочка оступится, упадет в воду и не успеет вовремя призвать свою силу!

Люба вздохнула свободнее, когда миновала замок гномов, и, свернув с тропы вокруг озера, вышла на большую дорогу. Здесь ее ожидал сюрприз.

...Тишину нарушил приближающийся конский топот. Спустя минуту, со стороны большой развилки показалась карета, запряженная четверкой лошадей. Карета словно сошла с картинки из книжки сказок: вместительная, с золочеными столбиками и маленькой подставкой для ног, с кружевными занавесками на окнах. На позолоте был выгравирован один и тот же узор – колосья пшеницы, перевязанные широкой лентой.

Журавлева поспешила отойти в сторону, но, к ее удивлению, роскошная карета вдруг резко остановилась. Вальяжный кучер с пивным брюшком даже не обернулся в сторону топтавшейся на дороге девочки. Зато, когда дверь кареты распахнулась, из неё выступил, опираясь на золоченую трость, тот, кого Люба уж точно не ожидала увидеть.

Не то, чтобы она не хотела, или не представляла, как это будет в реальной жизни. Просто после того, как Даньяр сломал ПСП, она уже не рассчитывала встретиться с Игорем. Разве только после того, как вернется в Москву, заработает денег на новую приставку, и снова запустит игру. Единственное, что тот будет нарисованным, и совсем не таким,

как здесь...

Любу до сих пор не покидало ощущение, что Дэн, разбив игрушку, просто оборвал жизнь другого человека! А все его рассуждения на тему темной магии и магарей были сплошным лицемерием. Хотя бы потому, что Рэм сам прибежал к помощи магии, как алхимик, шагающий по следам своих родителей. А если вспомнить его родословную, то и вовсе...

Сумбурные мысли прервал Игорь, на этот раз, из плоти и крови, отвесивший ей низкий поклон. На нем были жемчужно-серые брюки, белая рубашка, на которой немного комически выделялась бабочка из серебряной парчи, такая же, как и на его широком плаще до самых пят. В области груди на плаще блестела сапфирами эмблема в виде пшеницы, которую Люба уже видела на дверце кареты. Ноги облачены в знакомые ботиночки с кручеными вверх носками. Они были эффектно украшены серебряной вставкой в виде переплетающихся змей. Прекрасные светлые волосы, которые всегда непослушно перебирал ветер во время их коротких встреч, сейчас зачесаны назад и приглажены чем-то липким, похожим на лак.

– Это сон? Я перегрелась на солнце, и ты мне снишься? – Люба в страхе отступала назад.

Игорь отрицательно покачал головой, убрал золоченую трость обратно в карету и умоляюще протянул к ней руки:

– Ты сломала игрушку. И я освободился. В этом мире бывает и такое! Можешь себе представить? Ты подарила мне

жизнь здесь и сейчас, любовь моя!

Журавлева недоверчиво прищурилась:

– Говоришь, ты – персонаж из моей игры? Тогда откуда эта карета? Кто ты такой, магарь тебя побери!

Игорь вдруг опустился перед ней на одно колено:

– Все тот же преданный рыцарь из игры. Если ты согласишься поехать со мной, я объясню тебе все, от начала до конца. Но, разве ты не рада, что я могу дышать с тобой одним воздухом? Ты считала меня расстройством своего рассудка... Неужели, теперь откажешься от своей идеальной половины, только потому, что я – настоящий, такой же живой, как и ты? Твои чувства ко мне изменились, или их вообще не было? А, может, тебе нужен кто-то другой?

Люба слушала его сладкие речи в пол-уха, с беспокойством оглядываясь по сторонам. Вот из окон с любопытством выглянули гномы. Они о чем-то шептались между собой. Разобрать слов ей толком не удалось, повторялось лишь одно:

– Здесь династ!

Спустя еще пару минут, прошедших в сердечных излиниях мальчишки из ПСП, Люба обнаружила, что к карете начали стекаться все любопытное население ближайших домов.

– Вставай, нечего таким красивым плащом землю подметать, если только это не фотосессия для «контакта», или для журнала ценой в пару тысяч долларов! – Люба шагнула к

нему и вцепилась в плечо, вынуждая подняться с колен, потом подтолкнула мальчишку в сторону кареты. Забравшись следом, захлопнула дверцу и крикнула кучеру:

– Трогай! – после чего, посмотрев на Игоря, сидящего напротив неё на бархатных подушках, виновато добавила, – всегда хотела это сказать...

Игорь только понимающе кивнул. Они просто смотрели друг на друга. Повисла неловкая пауза. Ее нарушила смущенная Люба:

– Рассказывай. Смотрю я на тебя, и не верю во всю эту историю с ожившей ПСП. Откуда карета, и куда мы едем? Династы, вроде, правители провинции. Но причем здесь ты?

Игорь вдруг наклонился вперед, поймал ее руку и переплел тонкие пальцы со своими:

– Не злись, я все тебе расскажу. И даже покажу дом, где живу. Ты права, я – не магарь, не существо, порожденное сломанной программой. Я много раз собирался признаться тебе, но как? Как сын династа, я обязан наблюдать за всей Озерной провинцией! Я сразу заметил твое появление. Мне, мастеру иллюзий, не заставило труда переместить часть своей души в твою игру. Это был наш способ общаться... Романтично, правда?

Люба попыталась отстраниться:

– Не вижу ничего романтичного в том, что ты следил за мной и обманывал. Ты играл с самого начала, будто я – твоя марионетка! И с чего вдруг решил объявиться сейчас?

Игорь сильнее сжал её тонкую кисть, поднося её к губам и целуя пальчики:

– Хотя бы сегодня ты узнаешь, что значит – встречаться со мной по-настоящему, – прошептав что-то еще очень тихо, он вдруг посмотрел ей в глаза, и Люба почувствовала головокружение. Она решительно отвела взгляд, не понимая, что это: ее собственные растревоженные чувства, слабость, минутная реакция на вспышку его обожания, или – его магические проделки.

Тишину нарушил знакомый хлопок. Люба, смотревшая в окно, с удивлением обнаружила, что рукав её платья изменился. Плотная ткань терракотового цвета исчезла, вместо нее на ее плече красовались пышные кружева. Журавлева опустила взгляд на колени и ахнула: скучное платье матери Даньяра превратилось в роскошный наряд из золотой парчи, с широкой юбкой, перетекающей в белоснежную пену из кружев и оборок. На ее коленях лежало зеркальце, и Люба схватила его, прежде чем подумала, насколько это безопасно.

Из зеркала на неё смотрела очень красивая, но какая-то чужая, незнакомая ей девочка. Легкий макияж в золотистых тонах подчеркивал сияние широко раскрытых глаз. Волосы были собраны розой высоко на макушке, образуя сложное плетение из множества косичек, в каждую из которых было вставлено не менее десятка шпилек с крупным янтарем. В ушах блестели массивные серьги в виде восьмиконечных

звезд.

– Как ты это сделал? – выдавила она. – Я думала, твои фокусы работают только в игре. Но, это уж слишком...

– Моя звездная... Ты же – «звездочка» в своем мире, я прав? Эти ваши модели, кто они, если не «звезды»? Я просто сделал твоё сияние ярче. Моя магия вполне реальна и в этом мире. Правда, держится она недолго. Исчезает через сутки. Но, даже это мало кому подвластно, верно?

Люба, заметив его новое посягательство на свои руки, резко убрала их, и откинулась спиной на мягкую подушку:

– И как же тебя зовут, не-Игорь? Должно же у тебя быть настоящее имя!

В ответ он посмотрел на нее очень серьезно:

– Крармий Зот. Сын династа Озерной провинции. Приятно познакомится, моя дорогая.

Люба чувствовала себя так, словно она стоит под старой новогодней елкой, которая осыпается ей на голову. Иголки у нее слишком острые, и их бесконечно много. А уйти почему-то не может. Наверное, это ее, Любы, наказание, за то, что раскрывала душу перед незнакомцем. Пусть даже он и казался ей милым, приветливым и ненастоящим.

– И куда мы сейчас направляемся? – она протянула руку к занавеске, прикрывавшей окно. Впервые за все время общения с Игорем-Крармием, Люба почувствовала себя в опасности. Сердце сжалось от плохого предчувствия...

В ту же минуту карету качнуло и ощутимо затрясло, слов-

но бы дорога, по которой они ехали, изменилась, превратившись, из покрытой слоем песка в вымощенную неровным камнем.

– А ты как думаешь? – Крармий сунул под локоть подушку и подпер ладонью щеку, подмигнув ей.

Приподняв занавеску на окне, Люба изумилась. Никогда еще она не уезжала так далеко от Волнистого озера. Почему эти лошади такие быстрые? Они, что, тоже магические? Миновать поселок, выехать так далеко, обогнув Мерлый лес, за считанные минуты!

Они ехали по дороге к видневшейся вдали крепости. Скалистая порода, из которой была сложена дорога, когда-то окружала всю крепость. Но однажды сверхчеловеческими усилиями здесь прорыли глубокий ров.

«Без Гриотов точно не обошлось, – с беспокойством подумала девочка. – И что вообще этому Крармию от меня надо?»

– Послушай, Игорь, – она решила обращаться к парню по-прежнему. Так комфортнее. Или просто хотелось, чтобы он вел себя, как раньше, не вызывая того противного холодка, бегущего по спине, который она чувствовала в присутствии Соболевой и некоторых высокомерных девчонок из «Звездного компаса». Давно известно: обманувший единожды, обманет еще раз. Но, только ты сам решаешь, сколько раз позволять истории повторяться.

– Я передумала. У меня есть еще дела, давай закончим

этот нелепый разговор. Отвези меня назад, и расстанемся по-дружески. Так будет правильно.

– «Дела»? С Рэмами, полагаю? Или с тем вихрастым мальчишкой из твоего мира? Конечно, с ними интереснее, чем со мной. Пока ты была тем, кто контролирует ситуацию, ты держалась очень смело. А теперь неужели испугалась?

– Тебя? Еще чего выдумал! – Люба невесело рассмеялась.

Она очень не любила, когда другие люди пытались ею манипулировать. По всему видно, что этот Крармий что-то задумал. Но и слабачкой себя признавать не хотелось. В случае чего, у нее есть магия воды, к тому же, она – Страница. Герои не сбегают с позором, завидев на своем пути подозрительных типов и даже злодеев. Убежит сейчас, сколько раз еще придется бегать?

«От самой себя не сбежишь, глупая авантюристка!»

– Отлично, – заулыбался Крармий, – я хочу стать тебе настоящим другом. Не только «виртуальным», как вы говорите. А для этого мы должны хоть немного побыть наедине.

Люба безразлично пожала плечами. Может, ей и хотелось верить в благие намерения лже-Игоря, но его поведение говорило само за себя.

С детства Журавлева привыкла доверять делам, а не поступкам. Если сын династа так хотел подружиться с новой Страницей (хороша, кстати, причина для дружбы!), мог бы объявиться и раньше. Ей много раз требовалась поддержка, и она с радостью пожала бы любую протянутую руку. Но,

вместо этого, «ее герой» отсиживался в своем замке, манипулируя ею с помощью магической игры.

Глава 25. Замок Крармия

Карета остановилась, и девочке услужливо поспешили отворить дверцу. Выходя следом за Зотом, Люба окинула быстрым взглядом пятерых слуг, вытянувшихся по струнке.

В ту же минуту её неприятно удивила собственная длинная юбка, зацепившаяся за дверцу кареты. На помощь пришел маленький паж. Слуга быстро, не произнеся ни звука, освободил подол юбки, и подхватил самый его край, не глядя на Крармия, смерившего его колючим, как заросли шиповника, взглядом.

Крепостная стена, которая теперь отделяла Любу от внешнего мира, опоясывала небольшой замок со множеством остроконечных шпилей. Над центральным входом Журавлева заметила уже знакомый символ с колосьями пшеницы, очевидно, герб.

«Надеюсь, он не приведет меня к местному королю и королеве! И не станет знакомить со своим влиятельным папочкой в первую реальную встречу!»

Крармий подхватил ее под руку, и, пройдя сквозь широко распахнутые двери, повел через помпезную анфиладу комнат и залов, отделанных в разных оттенках золотой, желтой и коричневой палитры. Опять некстати в голове всколыхнулась ассоциация с принцем и Золушкой. Но Люба не чувствовала ни капли благодарности. В глубине души она ждала

от него извинений, каких-то настоящих слов, раз уж он живой человек, а не часть игры. Но была разочарована, обнаружив лишь красивый фасад. Или даже видимость фасада.

Они поднялись по лестнице, миновав просторный зимний сад, прошли еще пару коридоров. Паж следовал за ними, а Люба никак не решалась попросить Крармия отпустить его.

«Лучше бы магия лже-Игоря поскорее прекратила действовать», – вздыхала Люба. В этом замке, полном кричащей роскоши и показного блеска, она вдруг ощутила себя слишком маленькой и ничтожной. Устав скользить взглядом по бесконечным портретам в тяжелых рамах, роскошным цветам и статуям, Журавлева пропустила момент, когда они, наконец, остановились.

– Вот мы и пришли, располагайся, – Крармий легонько толкнул ее в будуар, и с видимым удовольствием захлопнул за ней дверь. Люба оглянулась, заметив, что паж, то ли был невидимкой, то ли знал минуту, когда нужно исчезнуть. Одной проблемой меньше.

Будуар радовал претенциозностью. Кровать с высокой спинкой и романтичным балдахином; стол, заставленный золотой и серебряной посудой; дерево в кадке возле окна, занимающее значительную часть комнаты – лимонник или карликовая береза?

Люба не спешила осматриваться. Оказалось, что, без помощи пажа в длинном платье трудно передвигаться. Да и нужно ли проявлять интерес к вещам, которые не имеют к

тебе никакого отношения?

– Игорь, зачем ты меня сюда привез? – прямо спросила она.

Зот нахмурился:

– Понимаю, это имя, «Игорь», из твоего родного мира. Но я буду признателен, если ты увидишь меня сквозь него. Я никак не могу избавиться от чувства, что ревную к самому себе. Это неприятно, знаешь ли!

– Прости! Но чего ты хотел?

Крармий прошелся по комнате, остановившись перед роскошно убраным столом:

– Для начала, угостить тебя так, как Рэмы не смогут. Присаживайся, неужели ты не голодна? Здесь напитки и еда со всех пятнадцати уголков Солнечной страны! Разве не интересно?

Люба отрицательно покачала головой:

– Спасибо, я хорошо позавтракала. Значит, это все, что тебе нужно, Игорь?

Зот, подхватив с золотого блюда персик, со вкусом его прожевал и лишь после ответил:

– Любовь моя, у меня еще есть сюрпризы. Я не хотел дарить ничего, созданного моей магией, так как она недолговечна. Но у меня есть кое-что, способное тебя удивить.

Он подошел к стене и дернул за торчавший из нее рычаг в форме змеи. Тут же заскрипели скрытые от глаз колесики, зазвенела цепь. От потолка отделился ровный квадрат, кото-

рый стремительно опускался вниз.

– Вот он, маленький роскошный сюрприз, который живет этажом выше. Подойди поближе, дорогая, тебе понравится!

Люба не смогла сдержать любопытства. «Сюрприз» Игоря скрывался под тонкой черной тканью. Что это может быть? Она послушно подошла к неизвестному предмету, гадая, что там: ее портрет, скульптура с ее лицом или...?

Краем подхватил непрозрачную ткань за край и потянул на себя.

И... взгляду девочки открылась клетка, с уже знакомой Любе птицей. Она сидела, прикрыв голову одним крылом. В солнечном свете, льющимся из окна, птица встрепенулась, и легонько зашевелилась, потянувшись клювом, раскрывая единственное видимое крыло сильнее. Ее потускневшие золотые перья чуть распушились.

Жар-птица в клетке. Но Любу поразило не это. Однокрыл – он или она – выглядел совсем измученным. Его сотрясала дрожь.

– Ты поймал Однокрыла? Но зачем? – Люба не могла оторвать от клетки испуганного взгляда.

– Хотя бы потому, что я не силен в воздушной магии. Даже временной. Мне хотелось подарить тебе нечто редкое, недоступное. Я удивил тебя? Мне хочется удивлять тебя снова и снова! Ты, маленькая и храбрая Странница из другого мира, этого достойна!

– Но, Игорь... Эти птицы не выживут без солнечного све-

та. Она хотя бы видит его? И ты в курсе, что Однокрылы выбирают партнера один раз и на всю жизнь, а в разлуке с ним – умирают? Что, если у нее уже есть пара?! Ты убиваешь ее! Немедленно отпусти птицу!

– И не подумаю, – улыбка сошла с лица Зота. – Мне и самому нужна эта птичка. Ты же слышала легенду: перед смертью она подарит свои крылья человеку. Я давно хочу парочку крыльев. Это удобно и даст мне значительное превосходство над плохими людьми...

– Кого ты считаешь плохими? – разозлилась Люба. – Что, у вас тут в замке и другие есть?

– Ты просто не оценила красоту моего подарка, милая. Однокрылы не приближаются к людям. Увидеть одного из них так близко – невероятная удача! Просто скажи мне «спасибо» и забудь о нелепом сочувствии к магарям. У меня есть к тебе еще одно очень важное дело.

– Что же это? – Люба заставила себя отвернуться от клетки с несчастным исхудавшим безобидным созданием. Она мысленно твердо пообещала, что найдет способ его спасти.

– Я уже говорил, что не случайно увлекся тобой. Меня попросили. Люба, это очень влиятельные люди. Или, не совсем, люди. Скоро ты станешь Странницей официально. Гриотам нужна от тебя самая малость! А я хочу, чтобы ты выбрала путь моей помощницы. Нас двоих ждут великие дела!

Крармий вынул из внутреннего кармана свиток, перевязанный красной тесьмой. Закусив губу, протянул его девоч-

ке:

– Прочитай, пожалуйста.

Люба развернула свиток и пробежала взглядом по строчкам. После чтения книг из запасов семьи Рэмов, письменную речь этого мира она понимала также хорошо, как и родную русскую.

«Договор

Закljučается между Журавлевой Любовью Родионовной, или Страницей, (с одной стороны), и Гриотами (с другой стороны).

Журавлева Любовь Родионовна обязуется проиграть Первое испытание Страницы. Взамен она получает титул невесты Крармия Зота, сына династа Озерной провинции, Сагока Зота. А также приобретает возможность беспрепятственно передвигаться по Солнечной стране, жить без ошейника. Сверх объявленных ценностей в дар Странице достанется любой магический артефакт на выбор и сумма, равная годовому содержанию династа.

Данный договор вступает в силу с момента подписания его сторонами.

*Лидер высших ступеней в Солнечной стране, Медиян Барс
Представитель Гриотов, Баграт»*

Напротив имен Гриота и лидера солнечной страны стояли замысловатые росчерки. Договор скрепляла печать в форме пирамиды, где поверх желтой позолоты красовалась змея.

– Значит, эти Гриоты и даже ваш лидер... – тихо сказала

она, – думают, что я пойду на все, чтобы получить тепленькое местечко в этом мире? За кого они меня принимают?! И почему решили, что я хочу стать твоей невестой? Я еще даже школу не закончила!

Крармий усмехнулся:

– Я немного изучил историю твоего мира и страны, пока наблюдал за тобой. Ничего сложного, только немного магии. Раньше у вас в России браки заключали с тринадцати лет. Нет ничего плохого в том, чтобы выбрать любимого заранее. Ты же выберешь меня, Люба? Я не ошибся в тебе и в собственных чувствах?

Журавлева растерла подушечками пальцев виски, занывшие от неприятных мыслей:

– У меня есть и другие вопросы. Например, гномы сказали, что не считают меня Странницей, и решение о моем окончательном положении в Солнечной стране будет передано в ведение Гриотов. Значит, они одобрили меня в качестве Странницы?

– Конечно, да, любовь моя. Разве могло быть по-другому? Ведь ты идеальна!

– Оставь эту чепуху для ПСП-игры, Игорь. Вернемся к делу. Откуда мне знать, что этот договор – не, грубо говоря, обычный «развод»? Разве Гриоты честны и всегда выполняют обещания?! И вдруг мне придет в голову, пройтись по Озерной провинции, и показать эту бумагу всем, кто захочет ее увидеть? В каком тогда положении окажутся благородные

династы, высшие ступени, Гриоты... Это слегка подпортит им «малину», верно? – Люба возмущенно потрясла в воздухе злополучным свитком.

Крармий больше не улыбался. В его глазах промелькнуло что-то холодное и чужое:

– Отвечу по порядку, дорогая. Договор скреплен магической печатью и обязателен для исполнения, в случае, если ты найдешь условия приемлемыми и подпишешь его. Для заключения сделки понадобится твоя кровь. Можешь прикусить палец и написать им свое имя на бумаге. Но, если ты решишь показать договор людям, чтобы выставить Гриотов на посмешище, то ничего не выйдет. Эту бумагу можешь прочесть только ты. В чужих руках и даже при чужом случайном взгляде, она сгорит, как будто никогда и не существовала. К тому же, это разгневет Гриотов, любовь моя. И тогда, не быть нам вместе... Ты же не настолько безрассудна, верно? Надеюсь, ты этого не хочешь?

Люба решила не отвечать на провокационный вопрос. Ей в голову пришла мысль, что лучше не злить этого незнакомого ей Крармия-Игоря. Лучше немного подумать, чем потом кусать локти. Потому, досчитав мысленно до десяти и чуть слышно вздохнув, она обратилась к сыну династа, куда мягче, чем до этого:

– Мой дядя говорил, что нельзя подписывать бумаги в спешке. Если ты не возражаешь, я бы хотела побыть одна, и взвесить все «за» и «против». Если соглашусь на сделку со

Гриотами, то, скорее всего, уже никогда не вернусь домой. Меня это пугает... Но, с другой стороны, со мной рядом будешь ты...

– Всегда, всегда, любовь моя. Конечно, я понимаю, ты должна хорошенько все обдумать, – расцвел Крармий и направился к двери, но вдруг остановился у самого порога, – и не подходи слишком близко к окну! Здесь высоко, вдруг у тебя закружится голова... Упадешь, а потом и костей не собрать...

Дав этот совет, лже-Игорь захлопнул за собой дверь. Его улыбке позавидовал бы и чеширский кот.

Глава 26. Птица в клетке

Люба вытерла пот со лба, глядя на закрытую дверь. Она держалась изо всех сил, чтобы не запаниковать. Но, в первую очередь, девочка волновалась не о себе.

Нащупав на волосах первый попавшийся янтарный камень, Люба с силой дернула за него, вытаскивая шпильку. Затем она быстро подошла к запертой клетке и опустилась перед ней на колени. Ковыряясь в затейливом замке, Журавлева размышляла о двух вещах. Во-первых, о том, как в детстве дядя Вадим запирали ее дома одну, не желая оплачивать няню, а сам уходил на работу. Зато теперь, при наличии шпильки, она могла открыть, если не все, то половину замков. Во-вторых, Люба не избавилась от мысли, что попалась, как Алиса в книге Кира Булычева «Остров Ржавого Генерала». Но та, с помощью дельфинов, покинула остров вплавь. А вот у Любы такой возможности нет!

Когда замок скрипнул, птица начала биться о прутья решетки, пытаясь вырваться на свободу.

– Тссс... Тише ты! – шикнула на нее Люба, – подожди немного! Дай мне тебя освободить!

Но однокрылая пичужка, не веря в то, что ей хотят добра, снова налетела боком на дверцу клетки, и та под ее напором распахнулась. Шпилька упала к ногам Журавлевой, в то время, как измученная магарь взмыла вверх и... бессильно упа-

ла на пол.

Люба всплеснула руками:

– Бедненькая! погоди, сейчас я помогу тебе окрепнуть. Этот больной Игорь не давал тебе греться на солнышке, и потому ты так ослабла?

Птица, вместо ответа, подхватила клювом шпильку с янтарной бусиной и затравленно посмотрела на девочку. Она явно боялась. Люба подняла исхудавшее тельце птицы и отнесла его к окну. Здесь было не просто солнечно, а даже жарко. Но, для Однокрыла, долгое время томившегося в неволе, самое то. Птице понадобилось лишь несколько минут на восстановление.

За это время Люба успела выглянуть в окно и оценить обстановку. Сразу стало ясно, что выбраться отсюда самостоятельно она не сможет. Чистое-чистое небо, как будто его кто-то только что вымыл родниковой водой, и ни пылинки-облачка на нем! А пресловутый глубокий ров, вырытый в скале, пустехонек, только сухие камни из земли торчат. Значит, надеяться не на что?!

Люба оглянулась на Однокрыла. Тот выглядел лучше. Сейчас, в солнечных лучах, если очень хорошо присмотреться, можно заметить мерцание прозрачного крыла. А перья на видимом крыле отливали золотом.

Девочка решила поторопить птицу-пленницу:

– Если можешь, улетай сейчас! Быстрее! Задержишься хоть на чуть-чуть, я не смогу тебя защитить. Но выплунь

сначала эту гадость! Не ровен час – проглотишь, а я за все время, проведенное здесь, не слышала про ветеринаров для магарей.

Наверное, Однокрыл понимал человеческую речь. Его не требовалось просить дважды, он сам мечтал отсюда выбраться.

Птица выпорхнула в окно, стоило Любе договорить. Но шпильку из клюва так и не выпустила.

Люба огляделась по сторонам в поисках оружия, которым она могла бы воспользоваться. До сих пор в Озерной провинции ей не приходилось лезть в драку с голыми руками, или без магии. Но что поделаешь? На столе не оказалось ни одной емкости с жидкостью. Значит, эксперименты с водой придется отложить до лучших времен. И никаких вилок или ножей. Хорошо подготовился, гад!

Она стянула с уха вульгарно-крупную серьгу в виде звезды. Острая... Может и согдится, чтобы поцарапать слишком красивое лицо лже-Игоря!

В этот момент дверь распахнулась. Люба сжала в ладони серьгу, и тут же почувствовала, что не может пошевелиться. Руки и ноги словно сковали незримые оковы. Журавлева сделала усилие над собой, глядя прямо на разъяренного Крармия.

– Ты! Пренебрегла моими дарами и даже не подумала над договором с Гриотами! Более того, ты выпустила из клетки мою птицу! Решила, что вправе распоряжаться имуществом

замка? Но ты пока здесь – никто! В вашем мире Игорь бы назвал тебя стервой, или кем похуже... А я сделаю по-другому!

Он резко выбросил вперед руку, раскрывая перед собой ладонь. Люба ясно увидела, как на ней загорается алый круг – так, словно он только что схватился за раскаленную сковородку. Глаза Крармия сменили оттенок с темно-карих на огненно-красные.

На Любу обрушился град кровавых, горячих и болезненных, при попадании на кожу, искр. Она словно окунулась в раскаленный бассейн, не в силах вынырнуть обратно, чтобы глотнуть воздуха.

А потом все закончилось. Люба с дрожью открыла глаза и... обнаружила себя в клетке. На ней снова было коричневое платье мамы Даньяра, которое она надела с утра. Да и клетка была знакомая. Та самая, из заключения в которой она спасла Однокрыла. Сейчас клетка вытянулась в человеческий рост, но была невозможно узка в плечах. Она давила со всех сторон, оставляя на теле красные отметины.

– Звезда моя, это достаточное наказание за твою ошибку. Тебе нужно время обдумать договор? Так ты его получила. Конечно, моя магия не продержится долго. Но ты успеешь на своем опыте убедиться, как несладко птичке живется в клетке. Не хочешь соглашаться на пряник, так, может, испугаешься кнута? Ты должна знать место в этом мире, Страница. Еще раз хорошо подумай, чью сторону принять!

Крармий громко хлопнул дверью, оставив Любу в одиночестве.

«Вот же марсианский богомол! Нет, космический пират Крыс с планеты Крокрыс! А столько разговоров о любви было...» – философски вздохнула девочка. Конечно, она не думала, выпуская магарь на свободу, что Зот окажется полным психом. Но, если бы у нее появилась возможность повернуть время вспять, и снова спасти птицу, она бы не колебалась. Оставалось только решить, что делать дальше? И как игнорировать эту боль, ноющую в каждой клеточке тела?

Во время модельных съемок было важно сохранять хладнокровие. Люба попыталась вспомнить, как это сделать. Представить себе, что тебя будто за ниточку поднимают вверх. Расправить грудь, вытянуть шею, приподнять подбородок. Пустить мысленную волну, расслабляя мышцы. Затем трезво оценить обстановку.

«То, что происходит, – реально. Но его магии надолго не хватит. И ему нужно мое согласие. Рано или поздно, ему придется меня выпустить», – Люба заставила себя думать о своем незавидном положении в позитивном ключе.

Теперь нужно восстановить дыхание. Два глубоких долгих вдоха, два коротких, повторять не меньше пяти минут.

Почувствовав себя немного лучше, Люба решила просто закрыть глаза и мысленно считать до бесконечности. Если делать это вдумчиво, не отвлекаясь, то и плохие мысли улетучатся. В процессе счета, то ли подействовала невидимая

магия цифр, то ли она очень устала и перенервничала из-за лже-Игоря. Но девочка задремала.

Глава 27. Магарь вида Хамелеон

Люба проснулась от порыва шквального ветра. Быстро огляделась по сторонам: окно по-прежнему распахнуто, небо затянули тучи. Погода словно отражала боль и смятение, поселившееся в душе незадачливой Странницы.

Она тряхнула головой, чувствуя, как что-то щекочет ей лоб. Оказалось, что не волосы: к её ногам упал зеленый лист с дерева, которое она заметила в этой комнате сразу, как вошла. Люба посмотрела вниз – на полу валялись еще несколько листьев. Словно наступила осень...

Журавлева тоскливо подумала, что, если не выберется из этой клетки, то не сможет вернуться домой и снова пойти в школу. Никогда еще перспектива учебы за партой не казалась ей такой привлекательной!

За этими грустными мыслями ее и застал вернувшийся Крармий. Одним хлопком в ладоши он уничтожил свою магическую клетку, мучившую пленницу несколько часов. Люба бессильно рухнула на пол, опираясь о поверхность локтями. Валяться в ногах у Зота девочке не хотелось. Поэтому она постаралась сохранить хотя бы минимум достоинства.

– Звезда моя, надеюсь, ты подумала и приняла верное решение, – Крармий не стал комментировать ее состояние. Кажется, он снова нацепил любимую маску, которая ей раньше так нравилась. Но вид у сына династа был немного помятый

– лицо побледнело, золотистые волосы растрепались и сейчас напоминали солому. Видимо, он тоже провел последние часы беспокойно.

Крармий подошел к Любе и протянул ей руку:

– Ты должна встать и сесть за стол. Как только подпишешь договор, сможешь отлично перекусить. Я голоден. Ты, наверное, тоже? Думаю, тебе больше понравится быть в моем замке хозяйкой, а не пленницей, правда?

Люба подавила желание ударить его. Может, и стоило потратить силы, и, если не сломать, то, хотя бы, вывихнуть эту нагло протянутую ей руку. Или подняться, а потом поставить обманщику фингал под глазом. Но после этого она точно далеко не уйдет. Журавлева, что есть силы, впиалась ногтями в ладонь Крармия, оставив на ней глубокие царапины.

Но он терпеливо и с притворным вниманием довел ее до стола и усадил рядом. Затем снова вытащил свиток и, старательно разгладив его, положил на стол перед Любой:

– Теперь подпиши его, дорогая. Ты же понимаешь, что другого выхода у тебя нет?

Девочка впиалась пальцами в край расшитой золотом скатерти. Миленько! Такое давление она ненавидела больше всего. Да, выбор у нее невелик. Но, только по этой причине лишит еще на двадцать лет Солнечную страну мечты о свободе? Снова украсть у них веру в Страницу? Если она подпишет договор, то её новые друзья из Озерной провинции навсегда отвернутся от нее! Да и не нравился ей лже-Игорь

настолько, чтобы посвятить ему всю жизнь! Или, сколько она там протянет, как только перестанет представлять угрозу для Гриотов?

Крармий наблюдал за ней, как коршун за добычей. Но, не успев остановить, когда Люба схватила свиток и разорвала его сначала надвое, и потом еще раз, и еще.

– Ах, ты, дрянь! – он попытался вырвать у нее кусочки бумаги, но те вспыхнули и в долю секунды осыпались пеплом.

– Ой! Прости! Чуть не устроила пожар! – виновато пожала плечами Люба. – Опасные бумажки штампуют эти ваши Гриоты! Ну, теперь я могу идти домой?! Или опять посадишь меня в клетку? Нравится иметь контактный зоопарк у себя в комнате? – Журавлева укоризненно фыркнула.

Крармий молчал, но ровно до того момента, пока она решительно не встала из-за стола. К ней быстро возвращались силы, во многом благодаря изматывающим тренировкам моделей в агентстве «Звёздный компас».

– Ты никуда не пойдешь, – сухой голос Зота не заставил ее обернуться. Почти достигнув двери, она уже поверила в свою победу. Ей хотелось уйти. Сейчас больше всего на свете Люба мечтала покинуть это место.

Но тело словно обрело собственный разум. Она споткнулась, и в ужасе поняла, что падает на спину. Люба довольно сильно ударилась, и хорошо еще, что головой не задела стул или угол. Журавлева просто лежала, смотрела прямо перед собой и не могла пошевелиться. Зато она почувствовала по-

что видимую волну злобы, накрывшей комнату. Он приближался. Он подошел очень близко. И просто смотрел сверху. А она чувствовала себя куклой... беспомощной куклой, которая ждет, когда ее злой хозяин оторвет ей руку, ногу или голову.

Но Крармий не торопился. Он просто стоял рядом и грустно улыбался:

– Значит, ты не выбрала меня, нас... Эти... тебе дороже. Прости, отпустить тебя я никак не могу. Я все силы приложил, чтобы уговорить тебя по-хорошему. Но ты не послушалась. Такая «невеста» мне не нужна.

– Почему я не чувствую ног? – прошептала Люба, вглядываясь в лицо Крармия, которое расплывалось на глазах, теряя краски.

– Все очень просто, звезда моя. Помнишь дерево, которое стоит в углу рядом с окном? Это не растение. Это магарь вида «хамелеон». Новая магарь, которая подчиняется только мне. Передана мне по договору, который я подписал с Гриотами.

– Ты подписал с ними договор? Сколько же «тузов» у них в рукаве? – скрипнула зубами Люба. Ее сотрясала дрожь: тело стало горячим, словно в лихорадке. Ей показалось, что по ногам что-то ползет. Мерзкое, слизкое, отвратительное.

– Эта магарь, «хамелеон», способна превратиться в то, что поглощает. Так она стала деревом. Теперь, поглотив тебя, она получит твою внешность. И с блеском выполнит задание

– «провалить первое испытание». Никто не заподозрит ее в обмане, знаешь почему? Она спрячет руки в перчатки. Скажет, что поранилась, когда выбиралась из замка избалованного сына династа. Никто не заподозрит ни в чем копию девочки Любы. Такой же голос, поведение, те же воспоминания. А когда «хамелеон» сделает все, что нужно, она вернется сюда, ко мне в замок... Знаешь, зачем?

– Зачем? – Люба старалась не желать людям плохого. Но сейчас всерьез размышляла, как хорошо, если бы вдруг под Крармием провалился пол. Или на его больную голову рухнул потолок.

– погоди, ты все узнаешь, прежде чем умрешь, – он снова вытянул вперед руку, и алый диск на его ладони загорелся. Потолок комнаты превратился в одно большое зеркало.

– Как круто, зеркальный потолок. У нас такие потолки давно вышли из моды. И что?

– Смотри в отражение, внимательно смотри. Замечаешь что-нибудь? – насмешливо спросил ее Крармий.

Люба не поленилась взглянуть. В конце-концов, у нее не было другого выбора. Зеркало висело над ее головой, как дамклов меч, а Зот предусмотрительно сделал шаг назад, открывая ей обзор.

Девочка шокировано распахнула глаза. По ее плечам, груди, коже лица скользило изображение змеи, так, словно она сделала татуировку. Мало того, такую тату, которую не сумел еще создать ни один действующий салон – скользящую,

передвигающуюся саму по себе.

– Что это? – она испуганно дернулось. Точнее, попыталась. Тело по-прежнему ее не слушалось.

– Магарь проникла в твое тело. Не бойся, процесс быстро закончится. Всего несколько минут... И, смотри, она покидает тебя.

Люба в лихорадочном полузабытьи наблюдала, как от ее тела отделилась призрачная девочка, постепенно набиравшая вполне реальные очертания. Чем хуже слышала и видела Журавлева, тем четче проступал образ девочки-магари, отражающейся в зеркальном потолке рядом с лже-Игорем. Выходит, Крамрий говорил правду. Эта самозванка будет реальна, в то время как она...

– Зачем тебе... Зачем ты подписал этот договор? Не понимаю... – Люба кашлянула, чувствуя на губах кисловатый кровавый привкус.

– Все очень просто, Люба. Уж ты-то должна меня понять. Ты же – сирота, с детства осталась без родителей. А вот я жил вместе с мамой и папой. Был так счастлив. Они любили меня. Никогда не ругали. Но однажды мама тяжело заболела. Ничего не помогало. Мы перепробовали все возможные зелья, приглашали целителей, но ей становилось все хуже. Тогда отец обратился к Гриотам через лидера высшей ступени. И тот нашел средство излечить маму. Синие «теплоки».

– Синие «теплоки»... – эхом повторила Люба, все больше слабея. – Разве такие бывают?

– Бывают. Их создает жизненная энергия, эмоции и тепло Странниц. Увы, не Странников. Таких камней было мало, и стоили они очень дорого. И, продлив маме жизнь на несколько лет, Гриоты потребовали, чтобы мы отправили ее в Пирамирад – в столицу, где еще осталось несколько камней. Но теперь мама вернется! Ведь магарь, поглотившая твою силу, вернет мне ее. Получится много камней, Гриоты обещали. Жаль, Люба. Ты могла бы стать моей невестой и помочь по доброй воле. Но не захотела. Теперь твое тело послужит благому делу...

– Я до сих пор могу это сделать, – прошептала девочка, – помочь твоей маме, – теперь она понимала, какие страсти грызут изнутри лже-Игоря.

– Уже не нужно. Я разочаровался в тебе. Прощай, любовь моя.

Глава 28. Враги и друзья

Люба думала, что здесь и наступил конец ее сказки. «Удивительно, как в жизни все неправильно: в книге финал для героя обычно хороший. Но, может, я с самого начала была на вторых ролях, а главная роль полагалась Соболевой?!»

Магарь-хамелеон обретала все более четкие осязаемые очертания, а сама Люба словно таяла с каждым прошедшим мгновением. Но вдруг...

Журавлева не сразу поняла, что произошло. Просто магарь, которая сейчас питалась её жизненной силой, резко согнулась пополам и завизжала, совсем как человек. Люба рассмотрела знакомую стрелу в ее животе. Жидкость алхимика в стреле забурлила, превращая существо в обыкновенную зеленую слизь.

– Кто посмел...! – в ярости закричал Крармий, но в следующую секунду сам оказался прищиплен к стене сразу тремя стрелами. Зеркальный потолок в одно мгновение снова стал обычным.

Люба глубоко вздохнула, чувствуя, словно очнулась от долгого, кошмарного сна. Силы возвращались к ней. Почти сразу она перевернулась набок, к окну, в которое ворвались ее собственные «дельфины-спасители».

Даньяр и Ярослав влетели в комнату на потрепанном ковровом ковре. Рэм угрожающе навел новую стеклянную стрелу, це-

лясь прямо в полыхающий огненный глаз Крамия:

– Даже не думай, – буркнул он предостерегающе, не сводя гневного взгляда с сына династа. Тот как раз сделал попытку приподнять руку, и, видимо, собирался наслать на пришельцев очередную иллюзию.

– Дэн, не спеши кидаться стрелами. Не хватало еще убить сына династа! Или лишить его глаза! Проблем потом не оберешься. В тюрьму посадят. Или куда похуже. Гриотам только повод подбрось. Давай я просто тресну его по старинке? – Ярослав, не дожидаясь согласия, подошел и от души кулаком заехал Крамию по лицу. Тот, не ожидавший такой вопиющей наглости, на несколько минут лишился чувств.

Даньяр продолжал держать сына династа на прицеле, а Таманцев поспешил помочь пленнице. Подскочив к Любе, он помог ей подняться, а затем еще и дружески приобнял за плечо:

– Красота, ну, давай, рассказывай! Как этот таракан тебя пытал? В зависимости от его вины, я подберу достойное наказание. И да, Дэн, не дуйся, как бык на корриде, наш Крамий будет жить.

– А как вы вообще сообразили, что меня нужно искать в замке Зотов? – спросила Люба. – И откуда взялся этот потрепанный ковролет?

На этот раз Ярослав даже не успел и рта раскрыть. Говорил Даньяр:

– Мы волновались за тебя, Любушек. Слышали, что ты

села в карету к сыну династа. Слава нашел ковролет, рвался тебя спасать. Потом прилетела эта птица, Однокрыл. Учтывая ее неприязнь к людям, и женскую шпильку, которую она притащила, мы решили последовать за ней. Тем более, что она, как и мы, летела к замку Зотов. Показала, какое именно окошко выбрать для спасительной операции... Вижу, мы успели как раз вовремя! Кстати, гномы передали, что тебя официально признают Странницей, и у тебя завтра Первое испытание.

– Про испытание наслышана от Крамия... Так откуда взялся ковролет? – повторила свой вопрос Люба, прищурившись и пристально глядя на Ярослава.

Тот невинно захлопал ресницами, точно ребенок, на ходу придумывая небылицу. Даньяр снова ответил за него:

– Этот ковролет он позаимствовал на память из «Ковров в конуре». На нем он летал на границу с соседней провинцией, даже не сказав нам. Решил пользоваться им сам! Развлекался там лишние сутки, отдохнул от работы, а нам с тобой наплел, что так выдохся, добираясь до границы, что и встать с кровати не может. Представь, Любушек, как легко проходила бы моя охота в Мерлом лесу, если бы этот пень рассказал о ковролете! Сверху я рассмотрел все детально, а этот!...

– Ну-ну, хватит уже промывать мне косточки, Дэн, – вступился за себя Ярослав, – как только Любе понадобилась помощь, я сразу рассказал о ковролете! И никто, кроме меня, не имеет, права летать на нем! Это – моя собственность!

– Нет у тебя никакой собственности, кроме тех тряпок, что на тебе. И ковролет ты не на свои деньги приобрел.

– Он же – списанный! – возмутился Таманцев. – Его бы утилизировали или сожгли! А я его спас! Значит, он мой!

– Но ты не предупредил владельца «Ковры в конуре», что оставляешь его себе. Иными словами, ты его стащил, – заключила Люба, но, заметив, как омрачилось добродушное лицо Славы, поспешно добавила, – и в этот раз я тебе очень благодарна! Спасибо!

Шипение, раздавшее со стены, где находился сын династа, прервало их веселую перепалку:

– Явились, не запылились, так говорят в твоём мире, Люба? Рэм, тебе впервые не наплевать на кого-то, кроме себя, и глупой идеи разыскать тех, кого давно признали мертвыми? Я потрясен. Может, эта девчонка из другого мира чего-нибудь да стоит, раз смогла на тебя повлиять! Вдруг ты поумнеешь и приползешь ко мне, прося замолвить за тебя словечко перед Гриотами? Если Любаша уговорит принять мое покровительство, пусть остается в Озерной. И я даже забуду, что ты стрелял в меня, будущего династа, и уничтожил ценную магарь! Любовь моя, знаешь, почему Даньяр перекрасил волосы? Он принадлежит к высшей ступени, но предпочитает держаться в стороне от нас... Натуральный цвет волос Даньяра дает ему превосходство над большинством людей Солнечной страны. Белокурые, русые, золотистые волосы с древних времен выделяли отпрысков влиятельных се-

мей. Возможно, и ты, Люба, не так проста, как кажешься? Хотя, в вашем мире все по-другому, не так ли? А Рэм решил, что, перекусив волосы, откажется от наследия. И от связи с Гриотами, разумеется.

– Заткнись. Слава уговорил не стрелять тебе в глаз. Но, что, если я случайно лишу тебя уха? Очень болезненно, – ровно и по слогам произнес Даньяр. Его глаза стали совсем черными и холодными. Как ночь в безграничном космосе.

Люба уже собиралась вмешаться. Им следовало уходить, как можно быстрее. И больше не допускать ошибок сегодняшнего утра! Теперь она – официально Страница. И не должна совершать ничего такого, что заставит людей потерять в нее веру. Надо просто забыть о Крармии и сосредоточиться на Первом испытании. Если в ее силах помочь Солнечной стране – она использует любой шанс!

Но Журавлеву, закрывшую собой лже-Игоря от слишком уж злого Даньяра, вдруг негромко окликнули со спины:

– Так эта молодая особа – новая Страница? Насколько я помню, она должна была стать невестой моего сына по договору со Гриотами?

– Невестой?! – разом выпалили ребята.

– Юный Рэм, сложи оружие. Тот, кто рискнет убить хозяина в его же доме, навлечет на себя несчастье.

Люба, повернувшись, пристально рассматривала стоявшего в дверях человека. Он был похож на Крармия, как две капли воды. Только на лице обозначились глубокие морщи-

ны, а светлые волосы кое-где поседели. Его богатая одежда мешковато смотрелась на худой костлявой фигуре. Темно-карие глаза смотрели жестко, без тени веселья.

Ярослав дернул девочку за руку, вынуждая спрятаться за спиной. Люба вдруг почувствовала себя так, словно неделю провела в деревенском погребе: один взгляд, брошенный на этого человека, ее буквально заморозил. Как там его имя? Да, отца Крармия звали Сагок Зот.

Журавлева сделала шаг в сторону так, чтобы выйти из тени Ярослава. Она не собиралась прятаться! Это она здесь жертва, ее в этом замке чуть не убили!

– Мои маленькие случайные гости. Я советую вам немедленно покинуть замок, – Сагок остановился рядом с сыном, презрительно глядя на него. Он не спешил освободить одежду Крармия от стеклянных стрел. – Сын, ты так похож на нее. На свою мать. Она была столь же амбициозна, хитра, беспощадна!

Он вдруг наклонился и похлопал Крармия по щеке. Тот чуть слышно охнул. Очевидно, что благородное лицо, разбитое добрым кулаком Таманцева, сейчас меньше всего нуждалось в поглаживаниях и прикосновениях.

– Сын, ты провалил задание. Но, не бойся, я разорвал твой договор со Гриотами. Тебе не придется нести ответственность за провал. Я пришел сказать одно – повзрослей! Пора уже научиться реально оценивать врага и собственные возможности. Ты должен подняться до высшей ступени! Поче-

му же я вижу, как тебя избивают эти дети?!

– Прости, отец. Я не сумел. Но, пожалуйста, не отпускай ее. Мама, мы должны ее спасти. И только Люба, только с помощью нее... – Крармий не договорил, потому что мужчина, коротко замахнувшись, отвесил ему пощечину.

– Повзрослей, сын. Твоя мать давно умерла. Я сказал, что отвез ее в столицу, потому что не хотел, чтобы ты страдал. Синих «теплоков» не хватило, когда они были нужны. Этого не исправить. Но, если бы тебе удалось заставить эту девчонку подписать договор, я был бы самым счастливым отцом в Солнечной стране! Наша семья заняла бы высокое положение, о чем всегда мечтала твоя мать! Но ты провалил дело...

– Значит, ты мне лгал? – Крармий побледнел, как погребальный саван. – Она мертва?!

– Она – да, а я – нет. Я никогда тебя не брошу, сын.

– Игорь... – прошептала Люба. Ей вдруг захотелось хоть как-то утешить его. Абсурдное, невысказанное желание, учитывая, что он сегодня натворил.

Крармий как будто услышал ее. Глянул зверем и зарычал:

– Убирайтесь! Убирайтесь вон!

Сагок развел руками:

– Вы слышали желание моего единственного отпрыска. И я разделяю его. Уходите! Завтра Первое испытание. Страница, желаю тебе... Нет, не победы. Даже не мечтай!

Глава 29. Прощальный вечер

Домой возвращались в полной тишине. Ковролет летел плавно, неторопливо. Единственным неудобством оказался сильный ветер, дующий в лицо.

Заметив, что Люба дрожит, заботливый Таманцев не пожалел для неё единственной куртки-косухи. Девочка не стала отказываться. После истории в замке Крармия ее до сих пор бил озноб. Подумать только, парень из ПСП чуть не пустил ее на «теплоки»! И самым паршивым было то, что он ей до сегодняшнего дня даже нравился... В своей игровой версии.

Дед Морий встретил их горячим ужином и чаем. Набив желудок до отвала и с трудом поднявшись из-за стола, Люба собиралась идти спать. Перед Первым испытанием требовалось отдохнуть. Тем более, после таких событий.

Но Дэн дернул ее за локоть:

– Приходи сейчас на веранду. На пару слов.

Люба чуть заметно кивнула. Вытерев полотенцем посуду и расставив ее на полках в шкафу, она вспомнила о своем обещании только спустя полчаса. И поднялась вверх.

Фонари по углам веранды светили ярко, привлекая к себе ночных бабочек и просто мелких мошек. Даньяр застыл у открытого окна, опираясь о деревянное ограждение.

– Пришла, – негромко сказала Люба. Если бы девочка так

сильно не устала, то непременно заметила, что ему очень идет позировать на фоне закатного неба, по которому неведомый художник словно расплескал жидкую лимонную и оранжевую краски.

Даньяр повернулся. В его глазах промелькнула такая тоска, что Любе стало не по себе:

– Ты даже не представляешь, что я сегодня пережил. Боялся, что не уберег тебя...

– Из-за того, что я – Страница?

– Нет. Ты знаешь, что по другой причине.

Люба тихо подошла к окну. Сама не заметила, как встала совсем близко и склонила голову ему на плечо:

– Я много думала о тебе. Из-за чего ты такой... Но, сейчас, зная, что твоих родителей выдал Гриотам кто-то из местных, один из тех, кого они спасли, понимаю твои чувства. И, давно хотела сказать... Ты – классный парень, Дэнька!

– Ну, хоть ты-то меня так не зови! – поморщился Рэм, – мне одного Таманцева за глаза хватает. Ириска вот тоже ему подражает...

– Так-так, звали, и я пришел!

Люба и Даньяр вздрогнули и мгновенно отстранились друг от друга. Люба сделала вид, что любит тонущими в вечерней дымке крышами ближайших домов, а Рэм перевел взгляд на свои туфли.

– Впрочем, если не звали, все равно пришел, – хмыкнул Ярослав, хитро поглядывая, то на одного, то на другого. –

Надеюсь, вы не забыли, что я живу на веранде?

– Ты вроде на вечернюю пробежку собирался? – хмуро спросил Даньяр.

Не ответив, Слава втиснулся между Рэмом и Любой, и обнял их за плечи, игнорируя слабые протесты:

– Ребят, у нас же последний вечер перед испытанием! Давайте проведем его вместе, как одна команда!

– Какая команда? – удивилась Люба, – разве это не испытание только для Странницы?

– Не совсем, – настало время улыбнуться Даньяру, – Странники могут проходить Испытание в одиночку, или выбрать себе тех, кто захочет разделить с ними судьбу. Но «спутники» должны дать добровольное согласие. Привыкай, завтра мы станем одной командой!

– Думаю, командой мы уже стали после сегодняшних приключений, – рисовался Таманцев, легонько похлопывая друзей по плечам.

– Не знаю, что и сказать, – смутилась Люба, – вы уверены, что вам оно надо? Что не пожалеете потом? Я хотела, чтобы Слава помог, но не подразумевала...

– Мы уже увязли в этом по уши, – скривился Даньяр, очевидно, задетый, что его братья в «спутники» даже не собирались, – а тебе, Любушек, придется проходить Испытание в той самой одежде, в которой ты появилась в Солнечной стране.

– Прекрасно! Надоели эти длинные юбки! То есть, Дэн...

Одежда твоей мамы, конечно, красивая, но, по земным меркам, слишком неудобная. А моя – чистая и сухая. Давным-давно ее постирала. С удовольствием залезу в любимый джинсовый сарафан. Есть еще какие-то новости? Как считаете, династ не вмешается в завтрашний тест?

– Не посмеет, это против правил. К тому же, он и так рискует потерять должность. Пытаться убить Странницу – тяжкое преступление, и не важно, что к этому его подтолкнули Гриоты, – отмахнулся Даньяр.

– А давайте споем? – внезапно предложил Таманцев, – Я выучил десяток местных песенок, но лучше бы, конечно, спел что-то свое, родное. Знаешь народные песни, Красота? Или, ваше поколение совсем отсталое?

– «Ваше поколение»! И это я слышу от умудренного опытом парня пятнадцати лет! По крайней мере, внешне, – Люба сбросила его нахальную руку с плеча, – между прочим, на конкурсе от модельного агентства я выступала с русской народной песней.

Выдержав театральную паузу, Люба сосредоточилась и снова представила зал «Шелка», заполненный людьми. И негромко, как и в прошлый раз, запела:

*– На Муромской дорожке стояли три сосны...
Прощался со мной милый до будущей весны...*

Сделав паузу, она, с гордым видом смерила Таманцева взглядом, и тут же поняла, какую ошибку допустила. Яро-

слав уверенно продолжил, видимо, решив, что она забыла слова:

*– Он клялся и божился одну меня любить,
На дальней, на сторонке, меня не позабыть!*

«Его завыванию позавидовал бы не только волк, но даже Нептунис», – подумала Люба, жалея, что не может заткнуть уши. Кусты, окружавшие дом, слабо зашевелились. Магические «меломаны» оценили громкий голос Таманцева, в отличие от самой Любы.

– Ну же, вспомнила слова? Давай петь вместе! – на секунду отвлекся Ярослав, после чего продолжил утробное пение:

*– Наутро он уехал, умчался милый вдаль,
Оставив мне на память тоску лишь, да печаль.*

Пришлось подпевать. В какой-то момент, на повторе песни, к их нестройному хору подключился Даньяр, и стало еще веселее. Люба поймала себя на том, что счастливо улыбается. Отчего-то она ощутила уверенность: завтра все будет хорошо.

Глава 30. Небесное яблоко

Люба растерянно разглядывала Большую площадь Озерной провинции, украшенную в ее честь. Белые, синие, желтые ленты скрещивались, образовывали диковинную композицию, которую в ее мире называли бы красивым словом – «инсталляция». К ногам Странницы бросали букеты цветов, и она шла, буквально утопая в мягких лепестках.

В центре площади оформили огромную арку, украшенную зеленою и разноцветными шарами. После того, как Странницу и ее «спутников» представили народу, гном Рэ выступил с речью:

– Сегодня знаменательный день в истории Озерной провинции! Два раза подряд Странники появлялись именно у нас, а это – что-то, да значит! Итак, условия первого испытания для храброй девочки из другого мира. Люба, слушай внимательно! Ты должна найти дорогу к таинственному плоду, названному Гриотами «Небесным яблоком». Он появляется раз в пятьдесят лет. Всего один плод! Но, если ты не справишься в течение двух дней, фрукт завянет... Твоя задача – как можно быстрее доставить Небесное яблоко жителям Солнечной страны. Тот, кто съест кусочек Небесного яблока, обретет великую силу и сможет уничтожить «Клыкастых», самых страшных существ в армии Гриотов. Но, помни, Странница, чтобы Испытание засчитали, ты должна

отдать яблоко человеку из Солнечной страны. Ни в коем случае, и ни при каких обстоятельствах, ты не должна есть его сама! Нарушение этого табу грозит Странице смертью, а миру невиданными бедствиями! Ты все поняла?

– Вроде ясно. Но... С чего мне начинать поиски? Неужели вы не дадите мне более четких указаний? Мне обойти пешком всю Озерную провинцию? Или, вообще, отправиться за её пределы?! – Люба скрестила руки на груди.

С такими указаниями – «пойди туда, не знаю куда» – она в легкую может искать магический плод до пенсии. А у неё – всего два дня сроку...

Ро нервно подергал бороду, потом недовольно покосился в сторону Любы. Похоже, просто задав вопрос, Страница окончательно лишилась его симпатии:

– Предполагается, что магическая сила Страницы поможет отыскать ход. Но, твой случай – особенный. Для тебя Гриоты сделали исключение, учитывая добровольное желание пройти испытание. Ход, ведущий к Небесному яблоку, начинается на заброшенном гумне, севернее нашего замка. Это все, чем я могу тебе помочь.

Люба тяжело вздохнула:

– Ну, спасибо и на том.

После чего подняла обе руки вверх и приветственно помахала людям, окружившим арку:

– Я буду очень стараться! Пожалуйста, поддержите меня! Ответом был дружный восхищенный возглас, пронесший-

ся над толпой. Родители поднимали детей повыше, чтобы те увидели Странницу. Впрочем, от Любы не укрылось, что некоторые женщины отводят глаза или незаметно смахивают слезы. До нее донеслись обрывки фраз:

– Молоденькая, совсем ребенок! Это бесчеловечно, посылать таких детей на войну с Гриотами!

«Похоже, вера в Странника, который принесет избавление Солнечной стране, за долгие годы пошатнулась...»

– Журавлева, хватит из себя голливудскую мымру корчить, пошли уже... Сначала дело, – прошипел за ее спиной Таманцев. Люба виновато обернулась и встретилась взглядом с Дэном, который давился со смеху.

Гумно, о котором говорили гномы, оказалось старым полуразвалившимся зданием без одной стены. Со всех сторон его окружали заросли крапивы в рост человека. Пришлось сходить за серпом и рабочими рукавицами к деду Морюю, чтобы проложить проход. Они убрали крапиву по очереди, смахивая пот с лица. День, как назло, выдался душным и жарким, ничем не облегчая работу.

Когда с крапивой было покончено, Даньяр предложил зайти внутрь и осмотреться. Он также предположил, что придется убирать крапиву со всех сторон старой постройки. Мало ли откуда берет свое начало «ход»?

Любе эта мысль радости не прибавила. Согласно условиям, она не могла даже натянуть магические чулочки, кото-

рые бы защитили кожу от «укусов» колючего растения. Сейчас Журавлева очень сочувствовала юному Рэму, когда-то во время игры, угодившему в яму с крапивой.

Внутри старого здания воздух оказался прохладным, пахнущим сыростью и гнилыми досками. Очевидно, «домик для сена», как назвал его Таманцев, еще не успел нагреться.

– А здесь вообще безопасно находиться? – поинтересовалась Люба, когда деревянная половица под ее ногой вдруг треснула.

– Думаю, что нет. Но у нас нет другого варианта, как исследовать это древнее строение вдоль и поперек, – пожал плечами Таманцев.

Друзья какое-то время молчали, осматриваясь. Гумно оказалось внутри совершенно пустым. В нем давным-давно ничего не хранили. Но, кое-где, между половиц Журавлева рассмотрела сухие зернышки овса.

Стены гумна, сложенные из толстых бревен, оказались сплошь изрезаны сердечками, именами влюбленных, а также какими-то цифрами. Окон не было, да и откуда им было взяться, если помещение складское? Крышу подпирали четыре толстые балки. Они казались настолько массивными и тяжелыми, что Люба старалась держаться там, где они не нависали над ее головой – ближе к центру постройки.

– Что ж... Придется мне еще раз сбегать домой к Дэну и позаимствовать пару ведер... – Люба уныло поскребла затылок.

– Это еще зачем?

– Затем. Здесь из-за толстого слоя пыли ничего не разглядеть ни на полу, ни на стенах! Славка, пойдем со мной! Поможешь тащить ведра с водой! – Журавлева сделала шаг к выходу, поманив его за собой.

– Еще чего! – возмутился Таманцев, – Даньяра проси. У него нет душевной травмы, связанной с Нептунисами. А я к этому озеру больше близко не подойду. Лучше здесь все внимательно изучу! По-моему, твоя, чисто бабская идея, типа генеральной уборки – пустая трата времени.

– Воду можно набрать у нас в колодце, – фыркнул Рэм, – последние дни ты ее таскал в дом и не возмущался. В нашем колодце, уж поверь, магари не живут. А я лучше попытаюсь найти ход с помощью магии!

– Вы, что, серьезно? Зачем тащить воду за километр, когда можно ее набрать в десяти шагах отсюда? – Люба закатила глаза, – ну и ладно, сама схожу.

Вернувшись через полчаса с двумя полными ведрами воды, Журавлева без сил опустилась прямо на скрипучий пол. Немного отдохнув, она смочила тряпку в ведре и принялась оттирать грязь с пола, между делом, ворча на мальчишек, уже исползавших гумно вдоль и поперек:

– Ну, что, кладоискатели, ничего не нашли? Сказано вам, ход обнаружит Странница. А вы даже не хотите помочь! Так, какие из вас «спутники»?!

Те и не думали оправдываться. Даньяр продолжал колдо-

вать со своими мешочками, раскладывая их в противоположном углу, а Ярослав просто стоял над душой Любы, раскачиваясь на пятках:

– Красота, ругаешься сейчас, как старуха! Напоминаешь мне мою бабу. Ух, и злока она была! Если не слушался, сразу била палкой!

– Плохо тебя били, – огорчила его Люба и обратилась к Даньяру, – слушай, Дэн... Вот мне интересно. А какую роль в вашей стране играют гномы? Если Гриоты всем заправляют, под ними – высшие ступени, следом – династы. Так причём здесь гномы? Зачем нужны Старейшины?

– Они находятся в подчинении династов. Думаешь, отцу Крармия хочется решать все мелкие дела провинции? Кто, у кого и что украл, кто решил развестись, и тому подобное... Богатые не особенно любят шевелиться. А вот гномам приходится. Кажется, у них какая-то своя личная драма. Гномы – долгожители. Они есть не в каждой провинции. В нашей им нелегко пришлось... Когда-то их было семеро, а теперь только пять. Сейчас они работают на высшие ступени и, при необходимости, могут связаться напрямую со Гриотами. Народ их не особенно любит.

– Понятно, – протянула Люба, выжимая тряпку. Ей пришлось в голову, что она может драить это помещение и завтра, и послезавтра. Но, улыбнется ли ей удача? Найдёт ли она тот таинственный ход?

Внезапно её осенило. Бросив тряпку на пол, Люба уве-

ренно встала, подхватила ведро и вылила его содержимое на пол, игнорируя дружное возмущение друзей. После чего, напрягая кисть руки, попыталась равномерно распределить по полу воду, которая быстро стала стекать вниз, сквозь незаметные щели.

Но тут произошло что-то странное. Пол под ногами Любы прогнулся. Одна за другой старые доски трещали и рассыпались, превращаясь в труху. Даньяр, оказавшийся быстрее, чем Таманцев, схватил её за руку и оттащил в сторону. Из-под остатков деревянного настила хлынул поток горячей воды.

– Люба, останови это, перестань притягивать воду! – Даньяр тряхнул ее за плечи.

Журавлева испугалась. Конечно же, все из-за нее! Девочка призвала свою силу, но, вместо того, чтобы заставить воду растечься по полу, она притянула к себе какой-то горячий подземный источник! Девочка глубоко вздохнула и расслабилась, наблюдая, как струи, от которых идет пар, медленно опадают, а затем, и вовсе, уходит обратно в землю.

– Молодец, Красота! Нашла тот самый ход! Все согласно предсказанию о Странице! – Таманцев осторожно подкрался к краю и глянул в дыру, на дне которой светился красный огонек. – Подземный ход кажется бесконечным. Смотрите-ка, здесь есть ступени в стене. Железные, но уж очень ржавые. Предлагаю разобрать пол и спуститься вниз на ковrolете.

Глава 31. Первое Испытание

Ковролет спускался все ниже и ниже, и Люба давно сбилась со счета, сколько же мимо них пролетело ступенек. Она подумала, что потребовалось бы не меньше дня, чтобы сползти вниз по тайному ходу, если бы с ними не было Таманцева.

Красные огоньки постепенно приближались. А ход становился все шире и шире, и им уже не приходилось плотно прижиматься друг к другу, как вначале, или сутулиться.

Лестница закончилась на берегу бурлящей реки. От нее шел жар, пахло дымом, и Люба закашлялась.

– Красная подземная река. Вот уж не думал, что она реальна. Река, соединяющая мир Гриотов и Солнечную страну, – удивился Рэм, – смотри, Любушек, камни в воде. Их называют «лиловыми» или «пылай-камнями». Их тут сотни, и они нагревают воду.

Плоские камни, которые Даньяр назвал «лиловыми», имели в действительности темно-бурый цвет. Они были испещрены круглыми сквозными дырками, через которые на поверхность воды поднимались пузыри.

На другой берег реки можно было перебраться только на ковролете. Но Ярослав дал ему команду возвращаться назад, в дом Рэмов. Оказалось, у ковролетов есть лимит магии на день, и долгий спуск её почти исчерпал.

Они решили идти по песчаному берегу вдоль старого, сло- манного в разных местах, железного ограждения. Люба сту- пала осторожно, стараясь не смотреть по сторонам. Но, по- рой, бросая взгляд на каменную стену слева от себя, она ду- мала, что за время погружения под землю, утратила ощу- щение реальности. Ей казалось, что сейчас – глубокая ночь, и они бредут по старому кладбищу, вдоль бесконечного забо- ра, освещаемого тусклым светом красноватых сумеречных фонарей.

Люба старалась шагать в ногу с Дэном и Ярославом, не от- ставая ни на шаг. Не хотелось показывать усталости. Не хватало, чтобы они делали ей скидки на то, что она – девчонка. В какой-то момент дорога стала казаться ей бесконечной, а ощущение изоляции от остального мира усиливалось с каж- дой минутой.

У Любы никогда не водилось фобии закрытых про- странств. В пятом классе они ездили на экскурсию в Сья- ны – местечко в двадцати километрах от Москвы. Там, под строгим надзором двух учителей и одного папы, школьники немного побродили по подземным пещерам. С тех пор её в пещеры не тянуло.

Красиво, конечно – потолки удивительные, словно выло- женные узорной плиткой. Природная резьба, которую не по- вторить даже искусному скульптору! А если фонарики пога- сить – вообще шик. Некоторые считают, что в таких вот за- брошенных, редко посещаемых пещерах, можно столкнуть-

ся с высшим разумом. Только застрять в подобном подземном царстве девочка очень не хотела.

Единственное, чем отличалось подземелье Солнечной страны от Сьян – ходить здесь было легко, благодаря высоким потолкам.

Временами на Любу накатывало ощущение, что они здесь не одни. А чьи-то недобрые глаза неотрывно наблюдают, с тех пор как они спустились в подземный мир.

Дорога внезапно закончилась. Река, огибая берег, с ревом уходила под камни. Ярослав с удивлением прошелся взад-вперед мимо здорового валуна в человеческий рост:

– Если бы мы были в русской народной сказке, то здесь полагалось бы написать: «Налево пойдешь – жену найдешь, направо – коня потеряешь, прямо – сам пропадешь». А тут – что? Почему пусто?!

Не успели Дэн и Люба придумать свою версию относительно камня, как за их спинами послышалось шипение.

Таманцев среагировал первым, выхватив заранее припасенную палку с железным наконечником. Один резкий взмах – и первая шипящая тварь полетела обратно в воду, откуда и появилась. Но это не спасло положения. Из воды на берег начали выползать десятки слизких созданий.

– Что за мерзость? – поежилась Люба, разглядывая длинные безволосые тела. На вид твари напоминали гусениц-сороконожек, но размером гораздо больше. Они вылезали на берег один за другим, оставляя за собой влажный след.

– Привет от Гриотов. Ядоплюи, – коротко ответил Даянъяр, – У них нет зубов. Самое противное в этих магарях, что они охотятся, поражая жертву ядом, а потом иссушают ее своим языком. Осторожно, их яд очень опасен! Не знал, что они могут обитать в воде. Видел в Мерлом лесу парочку, те предпочитали места посуше...

Рэм достал из походной сумки свои загадочные мешочки и принялся вытряхивать их содержимое по одному:

– На какое-то время это их отпугнет.

Однако, несмотря на его слова, лишь небольшая часть магарей отступила обратно в воду. Оставшиеся бросились на людей скопом, выстреливая ядом, от которого приходилось уклоняться.

Люба не знала, как помочь мальчишкам. Она забрала у Дэна кинжал, но толку от ее атак не было. Тогда ей пришла в голову мысль использовать магию воды. Рэм заметил, как она подняла руку, и заорал так, что со стен посыпался песок:

– Не смей! Ты её толком не контролируешь! Еще нас утопишь! И на этих магарей, похоже, горячая вода вообще не действует.

Он истратил почти все стрелы, но тварей меньше не становилось. Внезапно Ярослав вскрикнул от боли. Ядовитая слюна магари обожгла ему плечо. Пошатнувшись, и отступая назад, Таманцев задел рукой большой камень, и тот слабо засветился.

Слава хмуро усмехнулся:

– Вот оно что! Камень-то – не указатель. Это камень перемещения.

Люба и Дэн, продолжавший без осечек отстреливать магарей, повернулись к нему и увидели, что Таманцев зачем-то прижал испачканную кровью руку к груди. Затем, другой ладонью, коснулся камня, слегка надавил. От его руки исходил теплый свет, очень похожий на сияние солнца. На поверхности камня появился рисунок в виде треугольника.

– Это символ Странников. Только их магия может открыть портал между мирами. Самое забавное, Люба, что у тебя этой силы нет. Но тебе повезло, ведь я с тобой, – Таманцев бледнел прямо на глазах.

– Этот яд может и убить! Мы должны немедленно обработать... – кинулся к нему Даньяр.

– Вы должны убираться отсюда. Этот портал доставит вас к Небесному яблоку. Одновременно прикоснитесь к треугольнику на камне! – сухо потребовал Ярослав. Его щека чуть подрагивала. Он положил руку на треугольник, демонстрируя, как надо.

Люба и Даньяр последовали его примеру.

Вспышка синего света, и ощущение легкости в теле, словно она поднялась в воздух как птица, – вот и все, что Люба почувствовала, прежде чем оказаться на другой стороне. Даньяр глухо застонал – его выкинуло из портала не слишком удачно. Он медленно поднимался с земли.

Журавлева быстро огляделась. Довольно мирный пейзаж.

Высокие деревья, усыпанные фруктами, мягкий травянистый ковер, небо... А где же Таманцев?

Повернувшись, она увидела камень. Точно такой же камень, как в подземелье, со сверкающим магическим треугольником.

Она с силой ударила по нему ладонью:

– Слава!

В треугольнике промелькнуло знакомое лицо. Таманцев слабо улыбался:

– Люба, Дэнька, теперь все зависит от вас. Постарайтесь. Я не могу пойти с вами, потому, что закрыть портал можно только с этой стороны. Я кое-что читал про испытания Странников. Если оставить портал открытым, эти твари проникнут следом. Они же разумные... И очень злые. А я не хочу, чтобы сегодня миссия провалилась.

– Немедленно тащи сюда свою пятую точку! – закричала Люба, – решил погеройствовать напоследок? Ты мне нужен! Испытание еще не закончено!

– Для меня закончено, – помотал головой Таманцев. А потом вдруг ткнул пальцем в свой браслет, – поверь, лучше умереть героем, чем двадцать лет носить это на шее. Я прожил достаточно. Хочу поступить правильно, так, как и должен был, оказавшись в Солнечной стране. Прощай. Ты должна пройти Первое испытание.

Вот и все, что напоследок Люба услышала от Таманцева. Магический треугольник растаял без следа. Портал сно-

ва превратился в обычный камень. Люба отчаянно била по нему кулаком, сдирая кожу, и даже не замечая этого.

Рука Даньяра легла на ее плечо:

– Пойдем. Мы потеряли много времени. Мы обязаны найти Небесное яблоко. Иначе его жертва будет напрасной.

– Я не просила о такой жертве! – Люба зарыдала и попыталась оттолкнуть парня от себя.

– Тебе и не нужно было просить. Но ты разрешила следовать за собой. Я предупреждал, каковы Гриоты. Они делают все на свете, чтобы пророчество о Страннице не исполнилось! Хватит плакать! Пошли искать яблоко.

– Для тебя только это проклятое яблоко имеет значение, да? Ты помешался на желании досадить Гриотам!

– Можешь злиться на меня, сколько хочешь, но позже. Сейчас самое важное – закончить дело. Благодаря Таманцеву мы добрались сюда. Теперь, когда осталось только протянуть руку, и забрать яблоко, ты отступаешь?!

Люба медленно поднялась, не глядя на него:

– Даже если мы найдем яблоко... Как мы теперь вернемся назад? Это невозможно, если нас забросило в мир Гриотов! Только Слава мог...

– Поверь, надолго нас в этом месте без внимания не оставят, – мрачно усмехнулся Дэн. – Так что, стоит поторопиться!

– Хорошо!

– Правда?

– Правда. Но мы обязательно вернемся за Таманцевым. Даже если... – неизвестно, верила ли Люба собственным словам. Но, даже слабая надежда лучше, чем ничего.

– Ладно. Теперь пошли искать яблоко.

Они медленно брели по большому ухоженному саду. Вокруг было множество деревьев, в том числе и плодовых. Яблоки, груши, сливы и другие, незнакомые Любе, фрукты, так и манили к себе. Их было столько, что рябило в глазах.

– Жизни не хватит, чтобы перепробовать все эти плоды, – вздохнула Люба.

– Нам не надо их пробовать, – напомнил Даньяр, – нам нужно одно-единственное яблоко. И ты не должна его есть!

– Да, я знаю, – нахмурилась Люба, – но, как его найти?!

...Временами ребятам попадались совершенно невероятные деревья. Даньяру приходилось буквально оттаскивать Любу от чудесных зарослей на территории Гриотов. Например, одно дерево не имело плодов, только спутанные ветви, напоминавшие ветви ели и березы. Его уникальность состояла в том, что с дерева, с каждого его сучка и листка тонкими струйками сочилась вода. Удивительно, но, несмотря на это, под деревом находился совершенно сухой мох. Падая на землю, сверкающие, как мыльные пузыри, водяные капли просто исчезали, не оставляя и намека на влагу.

Другое дерево в саду Гриотов поразило Журавлеву тем, что в его ветвях клубился густой туман с проблеском ве-

черных звезд. Пышную лиственницу, возвышавшуюся высоко над головой ребят, словно укрывали клубки из ваты или снежные комья. Но, если присмотреться хорошенько, – то, кроме густого тумана, ничего необычного.

– Не подходи к нему близко! – строго предупредил Даныяр. – Мало ли чем надышишься! Здесь нет ничего безопасного.

Напрасно он переживал. Люба забыла находку с закутанной в туман лиственницей сразу, как увидела персиковое дерево, вокруг плодов которого на манер бабочек порхали... Самые обычные на вид книги. Когда ребята приблизились, те стали суматошно переворачивать страницы, словно умоляя дотронуться до них, прикоснуться рукой. Временами они с резким хлопком складывали страницы и просто вертелись в воздухе, мерцая яркими обложками, на которых невозможно было прочесть ни названия, ни автора. Затем снова распахивали страницы, то чуть подлетая к ребятам, то возвращаясь к облюбованным персикам на дереве.

– Даже не думай их трогать! – снова осадил Любу Даныяр, заметив ее сверкающие от удивления глаза, и та даже немного надулась:

– Почему ты все время меня одергиваешь? По-твоему, я похожа на ребенка?

– Видела бы ты сейчас себя со стороны, – покачал головой Рэм, – кажется, на такой эффект Гриоты и рассчитывали, заманивая тебя сюда.

– Ладно-ладно, просто шагаем дальше. Не будем терять время, – вздохнула Люба, с трудом отводя взгляд от копошащихся и вполне живых на вид книг.

Еще какое-то время ребята просто ходили от одного дерева к другому, надеясь, что Небесное яблоко будет хоть как-то выделяться среди прочих. Но, вскоре поняли, что это – пустая трата времени и сил.

– Люба, у меня есть идея. Если Небесное яблоко – фрукт, созданный при помощи магии Гриотов, то есть, той же силы, которую они вкладывают в магарей, значит, те должны отличить его от других.

– И что ты предлагаешь? Здесь нет ни птиц, вроде Однокрылов, ни... Ядоплюи остались с Ярославом, впрочем, они вряд ли бы согласились нам помочь в вычислении нужного дерева. Поняла! Хочешь, чтобы я попробовала использовать эти... ммм... чешуйки Нептунисов внутри себя, да?

– Конечно же, нет, – поморщился Дэн. – Если бы ты могла, ты бы уже увидела этот плод. Так что не стоит лишний раз напрягаться. Я предлагаю в качестве подопытного себя. Без «теплоков» в ошейнике мне грозит проклятие манекенов. Но это нам на руку, потому что магия проклятия и сила магарей, по сути – одно и то же зло, порожденное Гриотами. Если ты сделаешь все быстро, благодаря проклятому ошейнику я узнаю, где Небесное яблоко. А, потом, вернешь на место «теплоки», и мы заберем себе яблоко. Всего-то и дел!

– Ну, нет! Это опасно! Я не хочу, чтобы ты, как Славка...

– Хватит, женщина! У нас только один шанс. Давай быстрее, снимай с меня «теплоки». А потом, аккуратно придерживая голову, помоги мне посмотреть по сторонам, ясно? – Рэм с видом оскорбленного достоинства опустил на траву.

Любе пришлось выполнить его просьбу. Стоило вытащить «теплоки» из ошейника и взять лицо Даньяра в свои ладони, чтобы, осторожно повернуть сначала влево, потом вправо, как она почувствовала могильный холод. Словно трогашешь фонарный столб на морозе. Больно, неприятно, опасно... Как же страшно... Она торопливо помогла ему повернуться.

Даньяр вздохнул. Любе послышалось, или внутри его тела и, правда, что-то скрипнуло или звякнуло? Она не стала дожидаться разрешения вернуть «теплоки». Дрожащими руками девочка вставила камни в ошейник, и опустилась на траву, обняв его.

Даньяр пошевелился. Его взгляд, из безжизненного и тусклого, становился осознанным. В нем светилась благодарность, когда он посмотрел Любе в глаза:

– Прости. Мне отказал голос, когда... Знаю, некоторые манекены умеют говорить. Но далеко не все. И, тем не менее, я надеялся... Но это сейчас неважно. Я нашел Небесное яблоко. Сейчас чуть-чуть отдохну, и мы заберем его вместе.

– Просто скажи мне, где оно, – покачала головой Люба, – в прошлый раз, когда твои «теплоки» отказали, ты и на следующий день плохо выглядел.

– Сегодня я справлюсь, – отрезал Даньяр. – Хочу быть ры-
дом.

Они сидели в полной тишине, каждый думая о своем. По-
том Люба помогла ему подняться. Чуть прихрамывая, луч-
ник сделал несколько шагов, после чего пошел, уже не опи-
раясь на ее руку:

– Там, у самого обрыва. Невысокое раскидистое дерево с
единственным плодом. Придется забраться на ветку, чтобы
его снять. Я буду страховать тебя снизу.

Люба кивнула. От нее требовалась такая малость: просто
не испугаться высоты. Ее друзья сегодня пожертвовали куда
большим. Но ей все равно было страшно. И, когда она ползла
по стволу, чувствуя, как яблоня прогибается под её весом...
И, когда срывала плод, представляя, что не дотянется и упа-
дет... Или, того хуже, – просто уронит Небесное яблоко в
бездну...

Журавлева успела порадоваться яблоку, крепко сжатому в
правой руке, когда ветка под ней с хрустом обломилась. Она
упала на Дэна, умудрившись не потерять фрукт, но этим их
злоклучения не кончились. Земля под ногами содрогнулась.
Край обрыва, на котором росла яблоня, начал осыпаться.

Люба, подтянувшись, успела ухватиться за нижнюю ветку
дерева, а Дэн – за ее ногу. Они повисли над обрывом. Любу
охватила паника. Она не представляла, как они смогут сей-
час спастись. Правая рука начала уставать, а ухватиться вто-
рой девочка не могла – больше всего на свете она боялась

потерять заветное яблоко.

Вдруг Странница почувствовала чей-то пристальный взгляд. Мгновение спустя, прямо из воздуха, перед ней появился Гриот. Он был высок ростом, в темном балахоне, очках, скрывающих лицо, широкополой шляпе, с двумя светлыми плетеными косами, спускавшимися по спине. В одной руке Гриот держал зонтик, словно вот-вот должен пойти дождь:

– Рад приветствовать нашу новую Странницу! Прелестную Любовь Родионовну Журавлеву! Ту, что порвала контракт, подписанный лично мной, Баграмом! Вижу, дорогая, вы полны желания выиграть.

– Да уж, проигрывать как-то не хочется. А где ваш... дружок в белом халате? Тоже Гриот. Вот с ним бы охотно побеседовал Даньяр. А мне сейчас не до того, – она прикусила губу. Ветка дерева, за которую девочка держалась, обломилась и полетела вниз. Пришлось срочно ухватиться за каменный выступ, прямо у ног любезного господина Гриота.

– Белый Гриот? К сожалению, дорогая, сегодня вам придется удовольствоваться мной. Кстати, автограф не дадите? Вы стали невероятно популярной личностью, Любовь Родионовна!

«Вот же, гад!»

– Непременно, – в тон ему ответила Люба, – как только выберусь на твердую поверхность.

Баграг оживился:

– Люблю людей с чувством юмора. Кстати, о «твердой поверхности». Я могу вас спасти. Мне только нужно ваше согласие проиграть Испытание. И, на этот раз, достаточно устного подтверждения. Скажите: «да», и я помогу вам выбраться. А также верну вашего друга в Солнечную страну.

– Она уже отказалась, – рявкнул Даньяр, который, признаться, делал положение Любы только тяжелее, в прямом смысле слова.

– Да, отказалась! Были предложены плохие условия. Но, что, если мы их изменим? Любовь Родионовна, вы уверены, что знаете о себе все? Подумайте, чего вы страстно желаете? Того, что мы могли бы для вас сделать, разумеется... Вы не выигрываете с самого детства. Никогда. Вам ни за что не пройти Испытание. Вы погибнете сейчас или через пару минут. Как и ваши «спутники». А я могу пообещать, что с этого дня, из любой ситуации вы будете выходить победителем! На конкурсе красоты, как, например, ваша соперница Соболева. В школьной олимпиаде... В бизнесе, в любви! Везде, где пожелаете! Знаете, почему это возможно? Только для вас, дорогая, то самое, единственное предложение. Вы станете Гриотом!

Люба на секунду замерла. Чего-чего, а такого она точно не ожидала! Перспектива счастливого будущего на мгновение опьянила её. Конечно, она же всю жизнь мечтала о везении! Если получит его, свернет горы, верно?!

И тут она почувствовала, что ладонь Даньяра соскальзы-

вает с её ноги. И, что-то темное, тут же сломалось в её душе, так и не родившись.

– Я отказываюсь! – крикнула она, затем откусила часть Небесного яблока, и разжала пальцы, хватая Рэма за плечо и притягивая ближе к себе. Она видела его испуганное и, одновременно, радостное лицо. Конечно, ведь Странница выбрала его.

Крепко обнимая Дэна за спину, Люба потянулась к чужим губам и легонько поцеловала его. А, точнее, передала кусочек яблока.

Это было последнее и самое яркое воспоминание от того долгого дня.

Глава 32. Возвращение

Люба пришла в себя, когда кто-то провел сухими прутьями по её лицу. Она открыла глаза, и, оглядевшись, обнаружила, что лежит на земле, в куче желтых листьев, в знакомом с детства Александровском саду. А над ней навис очень злой дворник:

– Сколько можно говорить: не топчите газоны! Уже таблички везде поставили! Теперь, если не бегают, то спят. А здесь, между прочим, центр столицы! Что о нас иностранцы подумают? А, ну, брысь отсюда! А то за себя не отвечаю! И его забери!

Журавлева сообразила, что дворник злится на ее спутника. Даньяр неподвижно лежал рядом. Люба принялась его тормошить.

– Где это мы? – был его первый вопрос.

– В Москве, – фыркнул бдительный дворник и ушел, бросив напоследок, – пить меньше надо! И, чтобы через десять минут, вас здесь не было!

– Все верно, в Москве, – за спиной Даньяра мелькнула тень. Люба сначала охнула, а потом резко вскочила с земли, и бросилась парню на шею:

– Таманцев!

– Всегда знал, что ты от меня без ума, – поддел её парень.

Люба с силой ткнула его кулаком под ребра.

– Идиот! Я думала, что ты умер!

– Зато теперь, счастлива, да? Прошла Первое испытание, и даже спасла одного человека, – рассмеялся Ярослав.

– Но, как?!

– Из-за того, что я помог тебе во время Испытания, чары Гриотов потеряли силу. Меня вернули назад. Ошейника больше нет. Но и возраст не изменился. А я надеялся стать мужественным дядей. Но, по крайней мере, буду считать, что проклятие молодости снято. Дэнька, а твой ошейник исчез?

Даньяр отогнул край футболки:

– Все еще при мне.

– Что ж. Значит, пока Люба спасла только одного. Но и это для начала неплохо! Только мне интересно... Время в Солнечной стране и в нашем мире раньше шло одинаково. Но там сейчас разгар лета, а мы переместились в осень. Сегодня пятнадцатое сентября две тысячи шестнадцатого года, – Таманцев помахал свернутой в трубочку газетой.

– Ох, что скажет дядя... И я пропустила первое сентября в школе!

– Да. Значит, вы что-то натворили. Рассказывайте! – потребовал Таманцев.

Люба задумчиво посмотрела на Даньяра. Временной скачок почти в три месяца... Могло ли на него повлиять то, что она откусила Небесное яблоко? Да и вообще, где фрукт? Был же у нее в руках!

– Прежде, чем объясните, что случилось, хочу вас преду-

предить. То, что мы все оказались в Москве, лишь означает начало второго Испытания. Повеселимся? Ха?

Эпилог

В просторном зале итальянского ресторана царила прохлада, несмотря на душный осенний вечер. Посетители (в основном, отдыхающие из расположенных поблизости отелей) выглядели расслабленными и довольными. Кто-то успел загореть и вдоволь накупаться, приехав всего на неделю, кто-то только вернулся с интересной экскурсии. Люди представляли, что за границами этого ресторана и так гостеприимно встретившей их страны, есть несчастные, что заканчивают сейчас рабочую смену. Чувствовать себя баловнем судьбы всегда приятно.

К тому же, вокруг есть, чем полюбоваться. Сдержанная и, одновременно, элегантная обстановка в стиле кантри. Столы, шкафы, витрины, стойки официантов оформлены беленым дубом, добавляющим в атмосферу ресторана ноты старины и благородства. Точеные потолочные лампы наполняют помещение приглушенным светом, заставляя мечтать о несбыточном.

Кованые подсвечники на стенах вносят элемент старины, словно находишься на приеме в особняке, которому не меньше трехсот лет. Взгляд цепляется за картины – морские пейзажи. Настоящие, не репродукции. Пастельные тона, кремовые оттенки мягких пуфиков, диванов и скатертей на столах – все настраивает на отдых и расслабление. Все свидетель-

ствует о том, что клиентов здесь любят, и спешат выполнить почти любую прихоть. Персонал старается изо всех сил, обслуживая постояльцев, особенно по вечерам.

И только на лице одной темноволосой девушки, уж слишком бледной, по здешним меркам, не нашлось и тени благодарности к окружающему ее комфорту. Она лениво скользила взглядом по барной стойке, просвечивающей сквозь цветную стеклянную перегородку с узором из ромбов.

В ее взгляде смешалось выражение смертельной скуки и разочарования. Девушка медленно ковырялась в тарелке с пастой, время от времени тыкая вилкой в мелко нарезанные помидоры, лежащие в отдельной мисочке.

Ее не радовала сладко звучащая «Феличита», повторявшаяся уже дважды. Сердце не забилося чаще от чарующих ритмов Лучано Паворотти, Мины и Андреа Бочелли.

Девушка грустила. На хорошеньком личике, которое по белизне и нежности кожи могло поспорить с дорогим фарфором, прочно поселилось выражение отчаянной тоски. Время от времени красавица картинно встряхивала копной блестящих темных волос, убирая непослушные длинные локоны со лба и висков, словно отгоняя от себя невидимых врагов. Это походило на демонстрацию длинных музыкальных пальцев и розово-алых ногтей, на которых сверкали миниатюрные наклейки-звездочки.

Посетительница выглядела ухоженно, как, впрочем, большинство туристок из России. Ей особенно шло короткое

кремовое платье, подпоясанное поясом из крокодильей кожи. Глубокий вырез платья щедро осыпали разноцветные бусины и квадраты цветных декоративных камней. Однотонные туфли на танкетке, тон в тон к платью делали модницу хрупкой и одновременно уверенной в себе. Длинные серьги в форме восьмерки с дольками изумрудов добавляли ее облику мечтательности.

Евгения Соболева, а это была именно она, последние полчаса провела в ожидании. В какой-то момент экран ее смартфона, лежавшего на столе, засветился, и девушка поспешила ответить на звонок:

– Мам, сколько можно тебе ждать?! – раздраженно воскликнула она. – Подо мной скоро стул мохом покроется!

– Милая, прости. Маме плохо. Я, похоже, съела что-то не очень свежее, – послышался извиняющийся голос. – Покушай, погуляй в парке и возвращайся в номер. Без меня за пределы отеля не выходи. Не хочу снова ругаться с твоим отцом, понимаешь?

– Конечно. Пока-пока, – Женя поторопилась сбросить звонок. Следующим намерением стало, как можно быстрее, закончить ужин и выбраться из отеля. Плевать на старших и на их глупые нотации! Она уже достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе. В случае чего, и врезать может. Спасибо Анатолию, научил.

Мама, как всегда, все испортила. Они собирались вместе поехать на ночную экскурсию на яхте. И вот, на тебе, такой

облом! Стоило ли проводить три часа у зеркала, чтобы заколоть невидимками волосы, выбрать платье и тщательно накраситься, если даже просто из отеля выйти нельзя?!

А ведь последние два месяца мать не дает ей, Женьке, проходу. Следует по пятам, как тень. Бойтся. После того совершенно непонятного случая, когда Женька последний раз видела модель-соперницу Любку, мать взяла Соболеву под плотный контроль. Сначала продержала неделю в дорогой психиатрической клинике, сразу после того, как Женя очнулась. А потом, под давлением отца, привезла сюда, в Италию. И нет, не ради совершенствования модельного мастерства или же новых рекламных съемок.

Отец четко распорядился: только отдых и под строгим присмотром. Видите ли, Женька своей беседой с журналисткой «подмочила» ему репутацию бизнесмена и любящего главы семьи. Откуда же Жене было знать, что под видом обыкновенной медсестры в дорогую клинику проникла репортер, остро нуждавшаяся в сенсации? А потерявшая рассудок дочь московского толстосума – чем не тема?

Женя рассказала все подробности о «живом» манекене тому, кто хотел слушать. Родители ей не поверили. Брат заинтересовался, но совсем не тем, что волновало Женьку. А вот эта «медичка» оказалась очень даже внимательной. Конечно, теперь-то понятно, что ее мотивировала кругленькая сумма от редакции желтой газеты.

«Эх, море, море и песок! И чего люди сюда рвутся? Мно-

го воды, вот и все. Смотреть не на что. Да и мать дышать не дает. За каждым шагом следит, совсем задушила своей любовью! Лучше бы курортный роман завела. Утерла бы нос папке. У того-то каждый месяц новая куколка. Все, как на подбор, длинноногие блондинки с пятым размером бюста и отсутствием мозгов».

Но, именно сегодня, когда Женька предвкушала интересный вечер и красивые фотографии для друзей в Фейсбук, сделанные профессиональным фотографом на яхте, удача снова отвернулась от неё.

Закусив губу до крови, Женька остервенело вцепилась вилкой в податливую пасту. В ней проснулось желание убивать. Пусть даже сонных осенних мух.

– Синьорина, мы рады угостить вас фирменным коктейлем «Негрони». Это совершенно бесплатно. Вы такая красивая! И грустная. Очень плохо! Цветы на столе засохнут от тоски. И мое сердце тоже, если вы прямо сейчас не улыбнетесь, – неловкий флирт на ломаном английском.

Женька подняла голову, одарила парня взглядом взглядом на сто долларов. Этот официант новенький. Даже не плох: мускулист и накачан. Волосы тщательно уложены лаком назад, из-под густых бровей сверкают темные глаза. Просто юный Антонио Бандерос!

Только Женька не любила пустые фальшивые комплименты. Она их наслушалась и в компании отца, и от маминых подруг, и в школе от тех, кто умел заводить полезные связи.

И тот, у кого на счету было меньше миллиона долларов, в её глазах не считался человеком.

– За коктейль благодарю. Но, если вы еще раз подойдете ко мне, и будете нести всякую чушь, то ваше увольнение станет вопросом одного дня.

Официант, очевидно, не привыкший к отказам, изменился в лице, но все же, чуть поклонившись, отошел от нее:

– Как будет угодно сеньорине!

В этот момент ее смартфон снова громко затрезвонил. Видео-звонок через вайбер. Заметив, что звонок от Анатоля, Женька подумала, что стоит выйти и поговорить там, где поменьше людей. Или сбросить и перезвонить позже. Или вообще не перезванивать! В конце-концов, братишка сейчас отлично развлекается без нее. обойдется без личной беседы с любимой сестрой.

Женька так и сделала. Сбросила номер и снова принялась за пасту. Но Анатолий оказался настойчивым и повторил звонок. Тыкнув по клавише «ответить», Соболева фыркнула в появившееся на экране лицо брата:

– Чего тебе? Я, между прочим, ужинаю.

На зависть улыбочивое лицо парня не выразило ни малейшего сожаления:

– Ты же отвлечешься на пару сек?

– Отлично. Раз нет другого способа отвязаться от тебя! – Женька скорчила гримасу. Для этого пришлось посмотреть в телефон.

Анатолий показал ей в ответ приподнятый большой палец, мол, молодец, так бы с самого начала. Выглядел братец неплохо. За лето, проведенное вдали от исторической родины, его внешность претерпела изменения в лучшую сторону. Мальчик превращался в мужчину прямо на глазах. Черты лица заострились – появился квадратный подбородок, четко обозначились широкие скулы. Непослушные темные кудри, скрывающие прежде лицо, исчезли. Модельную прическу с красиво подстриженными боками уравнивают отросшие волосы на макушке и удлиненная челка, тщательно уложенная лаком и лихо закрученная вверх.

Брат красовался перед вебкамерой в милой футболке с черепашками-нидзя и огромных фиолетовых очках в поллица, больше напоминающих маску:

– Сеструнь, неужели даже не спросишь, как дела у твоего обожаемого брата в Туманном Альбионе? Ну, положим, я пропущу этот вопрос и сам расскажу! Сегодня мы с отцом прыгали с парашютом. Круто, правда?

Так. Все ясно. Откуда взялись чудо-очки, придающие Анатолию пиратский вид. А как горят его глаза! Счастливую личность видно за версту. К ней неосознанно тянешься. А вот человека несчастного сознательно и подсознательно стремишься избегать, как подстреленного хищника. Закон выживания.

Против воли Женька почувствовала, что улыбается. Она живо представила себя на месте Анатоля. Испугалась бы она

прыгнуть? Нет, конечно. Лишь бы папуля остался доволен. Везет же ее старшему брату! Отец от него не отходит, не надышится на свое чадо. Наверное, если бы Анатолий прослыл сумасшедшим, родитель быстро простил бы и это. Или пригласил бы к нему лучших врачей.

Совсем не так, как с ней, с Женькой. С ней всегда по-другому...

– Ты что брови хмуришь и молчишь? – возмутился Анатолий. – Смотри-смотри, я стою на берегу Темзы! А сзади тот самый мост... Ну, как его... Еще всегда в фильмах показывают...

– Лондонский мост, – завершила его мысль Соболева. – Прекрасно, есть еще что-то, чем ты хочешь поделиться с любимой сестрой?

– Женька, чего ты такая тухлая, словно жабу проглотила? Или правда переела морепродуктов?

– Не я, а мама, – коротко сообщила Женя.

– Мама в порядке? – изящные брови Анатолия, форму которых явно подкорректировали в хорошем салоне, сошлись на переносице.

– Мог бы ей сам позвонить, а меня не спрашивать.

– Ну, мы с ней перекинулись сообщениями, зачем еще звонить? Мне и опеки отца вполне хватает, – искренне удивился Анатолий.

– Ладно, замаяли. Ты наговорился? Все рассказал? Все личные победы в британских землях перечислил? Я кладу

трубку. И так, по твоей вине, на меня все косятся, – злилась Женька.

– Ну-ну, погоди, не кипятись. Может, я хочу поговорить о той нелепой ситуации, в которой ты оказалась, после конкурса «Барышня». Я же обещал покопаться! Неужели тебе совсем не интересно? Может, выйдешь на свежий воздух? Найдешь тихое местечко подальше от чужих ушей, и продолжим разговор? Брось, ты в пятизвездочном, там таких залов до и больше. И на улице качели наверняка есть, – продолжил уговоры Анатоль.

Соболева вздохнула и посмотрела на еду, до которой едва дотронулась. Аппетит совсем пропал. Может, наговорившись с братом, она вернется сюда на вечерний чай? Подхватив мобильный, Женька величественно поднялась с кресла и поспешила покинуть ресторан, оставив убирать грязную посуду тому чересчур самоуверенному, официанту.

Она неторопливо миновала слабо освещенный холл с уютными мягкими креслами. Анатоль, тем временем, висел на проводе, ожидая продолжения разговора с ней и, похоже, замерзая от сильного ветра с реки.

Женька вышла к бассейну для малышей. Он радовал глаз лазурной подсветкой. Убедившись, что рядом никого нет, Соболева присела на кожаный диванчик, задумчиво уставившись в темное небо, на котором появились первые звезды. На брата она уже достаточно насмотрелась.

– Ну, и что ты выяснил? – с деланным безразличием спро-

сила она.

Анатолий, не слишком довольный ее сухим тоном, решил еще немножко ее подразнить:

– А я рассказывал, что раз в две недели мы ходим с отцом в элитный гольф-клуб? Ты бы видела здешних денежных воротил! А машины у них – просто очуметь! Сфоткать?

– Обойдусь. Ты вроде должен усердно теннисной ракеткой махать? Есть время и для гольфа? Это вообще нормально?

– Гольф – для нас с отцом – развлечение. Он развивает гибкость, координацию, выносливость. И много полезных знакомств завожу. Многие здесь считают гольф делом семейным. Представь, девчонки в коротких юбчонках и козырьках с утра до вечера, шагу ступить не дают...

– Ты, похоже, можешь болтать об этом всю ночь, – оборвала его Женя. – Мне нет дела до твоей Англии, заруби себе на носу! Что ты там говорил про «Барышню»? Неужели Любка Журавлева, наконец, объявилась?

– А еще мы с отцом ездили в музей «Гарри Поттера»... – будто не услышав её, улыбнулся брат.

– Все, пока-пока, – фыркнула Женя и сбросила звонок. Анатолий прекрасно знает, как она жаждет оказаться на его месте, и без зазрения совести давит на большую мозоль. Возможно, у них это семейное – топтать ногами других.

Несколько минут Соболева безразлично смотрела на надрывающийся смартфон, прежде чем снова кликнуть на ярко-желтую кнопку «ответить»:

– Разве я непонятно выразилась? Катись ты...

– Успокойся, систер. Я же просто пошутил. Я и сам хотел поговорить о твоей проблеме, – примирительно помахал рукой Анатоль. – Точнее о том, как получилось, что никто не мог подтвердить твои безумные слова о живых манекенах, разгуливающих по улицам Москвы.

– Фуф, – хмуро отозвалась Соболева.

– Ну вот. В чем-то ты права. Хоть отец и запретил упоминать об этой истории, я навел свои справки через друзей. И выяснил, что с момента завершения конкурса Любовь Журавлева так и не появлялась на людях. По версии ее дяди, который ищет ее уже третий месяц, девочка сбежала к какому-то дальнему родственнику. Но, Жень, есть в этом что-то подозрительное. Она могла бы предупредить о своем отсутствии на работе в модельном агентстве, в школе... В конечном счете, хотя бы забрать из школы документы. Но Люба этого не сделала. В целом, это подтверждает твою версию, что ее затащило в иной мир. Ну, или по крайней мере, заставляет поверить, что ты не сумасшедшая, просто много работала, переутомилась...

– Анатоль! – рявкнула Женька, – если не веришь моим словам, лучше со мной не разговаривай!

– Ну, что ты такая обидчивая, сеструнь? Нервные клетки не восстанавливаются! Тебя специально здоровье подлечить отправили, а ты – снова бушевать? Я верю... По крайней мере, в то, что Любу похитили. И, знаешь... Эта история меня

заинтриговала. Она настолько выбивается из наших серых будней буржуазного семейства, что я никак не могу о ней забыть, – продолжал сладко журчать Анатоль.

– По-моему, ты не разузнал ничего нового и интересно-го, – Женька передернула плечами, не понимая, к чему ей эта информация.

– Жень, я тут посмотрел весеннюю фотосессию Любы в Ботаническом саду на фоне цветущих сакур. Вот роскошь! Жаль потерять такой талант! Да и кто раскроет ее тайну, подтвердит твои слова, кроме этой загадочной девочки? Хотел бы я ее найти, – неохотно признался Анатоль.

– Значит, ты на нее «запал»? Что, правда? Заочно, с моих слов, «завис» на девице, которая бесит твою сестру? Ты совсем идиот? Или тебе больше заняться нечем? – Соболева устало растерла виски. К вечеру на нее напала мигрень, а это всегда к резкой смене погоды. Не хватало еще целый день провести в отеле из-за дождя!

– Но Люба же симпатичная. Очень. Разве ты так не считаешь? Почему тогда всякий разговор переводишь на нее? Возможно, она – единственная, кого ты считаешь достойной соперницей! – паясничал Анатоль, вышагивая по набережной Темзы. Женька могла видеть черную полосу воды, да вечерние огни, отражающиеся в воде.

– Что у тебя со зрением? В каком это месте Любка красавица? – возмутилась Соболева. – Уродина редкая. Тошная, зубы слишком большие, волосы наращенные. Да если бы не

её дядя, не бывать ей моделью!

– Ладно, не кипятись. Но ведь девочка из хорошей семьи. Её дед был профессором МГУ! И дядя управляет вполне приличным бизнесом, – в голосе Анатоля промелькнули мечтательные нотки.

Женька удивилась. Братец, может, тоже хочет поблистать на обложках журналов? Отец старательно бережет его от внимания прессы. Интервью – только перед соревнованиями, и то далеко не всем журналистам. А так тренировки—тренировки—тренировки. А в «Звездном компасе» есть на что полюбоваться. Хочешь попасть в цветник – племянница директора – идеальный кандидат! Хитер бобер!

– Родители ее – нищоброды. Какая уж там хорошая семья! – опустила Женька парня «с небес на грешную землю».

– Жень, а Жень... А подскажи, ну, ты же с ней, с этой загадочной Любой, общалась. Как она, спортсменов уважает?

– Любка ненавидит спорт. Все, бай-бай, у меня дела. Свидание с официантом. Можешь так и передать отцу!

– Что?! Какое свидание? Когда? Смотри, отец ему уши оборвет! – Анатолий продолжал кричать в трубку, но Женька уже сбросила звонок. Потом немного подумав, выключила телефон совсем.

... Она откинулась на спинку дивана и чуть прикрыла глаза. В памяти всплыл эпизод годичной давности. Тогда, перед первым сентября, ее и Любку Журавлеву заказчики выбрали рекламировать новый бренд школьной одежды. Хоро-

шие деньги, приличные спонсоры. Перед показом было целых четыре репетиции.

Женька многого не ждала от «Аленушки», потому что та не так давно появилась в модельном бизнесе. Но, тем не менее, больших претензий к напарнице по съемкам у нее не было. Ровно до дня съемок, когда Люба не явилась, а вместо нее приехала другая девчонка из «Звездного компаса». Оказалось, Журавлева слегла с тяжелейшим гриппом.

Соболева тогда посчитала это настоящим предательством. Прежде ей не приходилось придумывать на ходу импровизации. Женьку никто еще не осмеливался подвести! Если бы не отсутствие времени, Соболева непременно съездила к Любе и притащила ее, да хоть за шиворот. Но на съемки рекламы отводилась всего пара часов в красивом здании старого театра. Пришлось работать с заменой. А та не умела двигаться, как надо, и испортила кучу кадров. К тому же, оказалась на редкость непонятливой, пропуская мимо ушей все указания режиссера.

Ролик оказался провальным. Его плохо восприняла публика. В итоге, на целый месяц Женька осталась без заманчивых предложений от рекламодателей. Тот случай Соболева так и не смогла простить сопернице.

– Пофигистка проклятая! Какой была, такой и осталась! Стоит только вспомнить, как опоздала на «Барышню», не проверила «минусовку» и бросила одежду в гримерке без присмотра! Коза драная! Что в ней там красивого? Анатолий,

наверное, болен, раз решил к ней подкатить, – сделав разумный вывод, Женька открыла глаза и посмотрела на стеклянный столик перед собой.

По левую сторону от большого бассейна и купальни для малышей стояли всего пять таких столиков, с двух сторон окруженные кожаными диванчиками. Сейчас, после ужина, постояльцы разошлись, и желающих отдохнуть возле бассейна не нашлось.

Размышляя о Журавлевой, Женька задумчиво пробежала пальцами по стеклянной поверхности и повертела в руках красивую плетеную корзинку с искусственными цветами и яблоками. Идентичный макет украшал и другие столики. Соболева задумчиво покрутила корзинку раза три прямо перед собой. Благо, гладкая поверхность стола позволяла совершать такие маневры.

Мысли от Любки вернулись к Анатолю. Что этот баловень судьбы о себе возомнил? Как ему хватило совести перечислять без конца, куда они с отцом съездили в Англии? Разве его не волнует, что сестра мучается, переживает, злится? Может, будучи постоянно рядом с властным родителем, он, просто срывает на ней свое плохое настроение?

Женька вытянула губы трубочкой. Нет, Анатолий не такой. Он доводит ее до белого каления не из-за какой-то там душевной травмы. Просто он – человек, который любит неудачно подшутить над другими. Вечный весельчак, не замечающий грани, когда шутка становится не смешной и

обидной. Удивительно, как он вообще столько времени провел среди богачей Лондона, ни с кем не поругавшись. Хотя, может, что-то уже и случилось, просто «систер» об этом знать не положено.

Конечно, Женька завидовала брату. Его отец очень любил, в то время, как существование дочери предпочитал не замечать. Да, и как такого отпрыска не любить? Анатолий – копия отца в молодости. Соболева видела старые снимки, так вот, просто одно лицо. Отец тоже преуспевал в спорте. А сейчас он мечтал, чтобы Анатолий прочно закрепил за собой звание «золотой ракетки России». Для этого на лето он лично взял отпуск и отправился с сыном в Англию, чтобы наблюдать за его тренировками. Мечтой отца, Макара Соболева, с недавних пор стал Уимблдонский турнир, который проходит ежегодно. Конечно, пока Анатолию рано мечтать даже просто об участие в нем, не то, что о победе. Надо еще подрасти, войти в элиту теннисистов. Но с такой превосходной поддержкой, которую оказывает ему отец, это однажды может стать реальностью.

– Папочка, почему ты никогда так не поддерживал меня, как его? Чем же провинилась я? – однажды спросила Женя.

– Ты – мамина дочка. Пусть она с тобой возится, – как-то серьезно ответил ей отец на ее капризные причитания. И, действительно, только мать, Анна Сергеевна, с утра до ночи занята ее карьерой модели, ее оценками в школе, отношениями с подругами и так далее.

Однажды, вернувшись поздно вечером домой после съёмок, Женька услышала голоса из комнаты матери. То, что мать с отцом временами расходились по разным комнатам, казалось вполне нормальным. Должны же люди отдыхать друг от друга. Женьку, конечно, нервировали сплетни о молодых любовницах бизнесмена Макарова. Но ее мать на это никак не реагировала, словно ее это не касалось.

Случайный разговор матери и ее лучшей подруги Сонечки все расставил на свои места. Теперь Соболева прекрасно знала, чем отличается от брата, и почему ее отец так ведет себя с ней.

Никаких тайн с ее рождением связано не было. Только вот сама история брака Соболевых не имела ничего общего с романтикой. Оказывается, Макар Соболев в юности любил спорт, достиг завидных успехов в теннисе. Потом его отец вдруг серьезно заболел и слег, не способный дальше вести дела. Макар взял управление семейной компанией в свои руки и снова достиг успеха. Он преумножил доставшийся ему капитал, создал целый холдинг. Но от профессионального тенниса пришлось отказаться.

С Анной Сергеевной, мамой Женьки, Макар познакомился еще в школе. Красивая пара – богатый, по меркам одноклассников, Макар, имеющий собственный автомобиль, и самая популярная девочка школы, на людях всегда держались вместе. Но, как узнала Женька, ее мать никогда не любила отца по-настоящему. То ли у нее случилась безответная

любовь, то ли она вообще не умела любить, то ли избранник сердца оказался слишком беден, а бедность претила Анне. Так или иначе, Анна вышла замуж не по любви, а «по залету». И случилось это немного позже несчастья с отцом Макара.

Молодой бизнесмен не стремился связать себя узами брака с Анной, несмотря на то, что любил ее. У него хватало забот: расстаться с мечтой о большом теннисе, найти новых партнеров по бизнесу, укрепить компанию отца. Дети в тот момент казались лишними. Но, раз уж так получилось!

Сыграли свадьбу, потом родился Анатолий. К сожалению, роды проходили очень тяжело. Серьезная опасность для жизни матери, так озабоченно говорил врач. Но все обошлось. Вот только Макара Соболев решил, что сына ему вполне достаточно. Незачем терять горячо любимую супругу ради еще одной ревущей крохи. Он строго-настрого запретил жене думать о том, чтобы еще раз забеременеть.

Анна, в отличие от него, истово мечтала о дочери. Ей казалось, что девочка придаст смысл её существованию. И однажды Небо сжалилось над ней. Супруга Соболева не стала откровенничать с мужем, пока не стало слишком поздно. А потом, насмерть поругавшись с мужем, спряталась под крыльшко свекрови, желавшей еще одного внука.

Вторые роды оказались еще более сложными, чем первые. Но, тем сильнее Анна любила свою дочь. А Макара не мог забыть того, что жена ослушалась его воли и советов. В тот

момент, уже войдя в сотню самых богатых людей России, он не прощал слов, сказанных ему наперекор, равно, как и поступков, которые шли вразрез с его желаниями.

Рождение Женьки стало для него не радостью, а постоянным напоминанием, что жена, которая не принесла в дом ни копейки, посмела пойти против его воли. Анатолий же навсегда остался любимым, подающим большие надежды, сыном. И сейчас Макар готовил из него выдающегося спортсмена. В то время, как мать изо всех сил старалась пристроить дочь в модельном бизнесе.

«Анатолий, Анатолий. Как случилось, что у меня есть враг в собственной семье?» – угрюмо усмехнулась Женька, поглаживая малиновые лепестки искусственного цветка.

Вдруг что-то неуловимо изменилось. Налетел порыв ветра, всколыхнув Женькины волосы. На минуту свет в отеле погас, как и подсветка в бассейне.

Соболева испугалась. Если произошла авария, и электричество отключили, то, возвращаясь в номер на танкетках-туфлях, она рискует сломать себе ногу. Да и вообще, кому может понравиться находиться в темноте рядом с бассейном? Случайно оступиться и искупаться в холодной воде она точно не хочет.

Женька вспомнила о спасительном смартфоне. Нашупала его на столе, попробовала включить. Экран не вспыхнул в ответ на ее манипуляции.

– Что за чертовщина? – выругалась Женька и уже собира-

лась громко закричать, призывая сюда работников отеля, но тут свет снова заработал. Да и телефон включился, выдавая список десяти не принятых вызовов от Анатоля и два пропущенных от мамы.

Соболева подхватила телефон и уже собиралась вернуться к себе в номер, но даже не успела подняться из-за стола. Теперь все лампочки, все фонари кругом, равно как и подсветка в бассейне замигали, как фонари на новогодней елке. Быстро-быстро, как светомузыка в ночном дискотеке.

Девочка почувствовала пробежавшую по телу дрожь. Похожее ощущение преследовало ее всюду при одном воспоминании о том страшном дне, когда она получила первое место на конкурсе «Барышня». Тот жуткий манекен, живой, говорящий... Плод ли он ее буйного воображения? До того, как попасть в дорогую лечебницу, Женька считала его реальным, и внутреннее чутье подсказывала, что она права.

Но сейчас, в чужой стране, эти мысли казались ей нелепыми и смешными. Соболева в который раз пообещала себе не думать о том, что случилось на самом деле с Любой после конкурса. И могла ли Женька помешать ее похищению? Но так вышло, что именно сегодня та история напомнила о себе. Сначала Анатолий, теперь вот...

Женька почувствовала острое желание сбежать к маме прямо сейчас. Но ноги не слушались. Они словно приросли к полу, налились свинцовой тяжестью. Несмотря на световое мельтешение, ей показалось, что она видит силуэт. Он дви-

гался прямо к ней от каменной ограды, увитой розами.

Словно во сне Женька слышала каждый его шаг. Он гулко отдавался молотом в голове. Соболева даже вспомнила страшилки про покойников. Именно так, когда человек спит, его близкий, недавно умерший, может нанести визит. Ты во сне слышишь его шаги. И нет ничего страшнее. Остается просто ждать, когда это закончится, и надеется, что в конце ты все же выживешь и спасешься.

И Женька ждала. Сухими губами она пыталась прошептать молитву, но слова не приходили на ум. Тем временем силуэт из облака бурлящего темного дыма превратился в человеческую фигуру. Точнее, нет. Её можно было спутать в темноте с человеческой, пока свет не падал на лицо.

Субъект ступал механически, словно с трудом преодолевая воздушную преграду, а вот его лицо... Именно оно преследовало Женьку в кошмарах последние два месяца. Это был тот самый металлический манекен, умеющий разговаривать и даже открывать двери в параллельные миры.

«Он пришел за мной... Он заберет меня! Мало им Любки! Нет, живой не дамся, сбегу!» – лихорадочно думала Женька. А существо из ее кошмаров неотвратимо приближалось.

Манекен, грузно дошагав до диванчика напротив нее, опустился на него, по-деловому закинув ногу на ногу. Его застывшая маска, вместо лица, смотрела на Соболеву с долей укоризны:

– Полагаю, милая, вы узнали меня? Как бы вам не хоте-

лось, от своей судьбы не убежишь. Вот я снова здесь, перед вами! Видите, границы времени и пространства для меня – вовсе не помеха. Тогда, как ваши желания, конечно, могут быть обременительны...

Женька почувствовала, что дар речи возвращается к ней.

– Что вам надо? Зачем снова явились? – в этот раз девочка предпочла сразу создать дистанцию в разговоре и строго ее держаться. Она выжидающе смотрела на него, скрывая за надменностью страх.

– Мы с вами не закончили наш разговор, Евгения Макаровна. Смею все-таки напомнить свое имя, чтобы вы знали, с кем имеете честь вести беседу. Меня зовут Делёж Дробь Один, уполномоченный Гриотами донести до вас важное сообщение, – манекен поскреб металлическими пальцами по стеклу столика. Звук получился неприятный, Женьке захотелось срочно заткнуть уши. Вот бы сейчас и зажмуриться еще. А когда откроешь глаза – понять, что все вокруг – лишь игра больного воображения. Нет, определенно, лучше быть слегка ненормальной, чем поверить, что все происходит в действительности.

Но Соболева уже показывала прежде слабость, и это не привело к успеху. Гадкий металлический негодяй снова ошивается рядом с ней! И как он смеет ее пугать!

– Что вам нужно? – снова по слогам спросила она, теперь уже вцепившись взглядом в манекена с дурацким именем Делёж.

– Самую малость. Вы должны вернуть нормальный порядок вещей. У вас появился шанс исправить предыдущий промах. Вам необходимо воспользоваться им. Вы – прекрасная Избранная Страница. Истинная Страница, которую палата Гриотов выбрала для выполнения великой задачи. Ваша миссия и цель – навеки заслужить почет и значимость в истории Солнечной страны. Неужели вы готовы подарить все это своей сопернице с наивным именем Любовь? – Делёж щелкнул пальцами, от чего послышался скрежет, точно где-то рядом завращались не смазанные маслом шестеренки.

Соболева, снова услышав ненавистное имя, вдруг приободрилась. Что ж, по-видимому, ее никудышная соперница в модельном бизнесе жива-здорова. Но, где же она тогда?

Словно в ответ на ее мысли, Делёж раздвинул тонкие губы в металлическом оскале:

– Да-да, дорогая моя Евгения, вы абсолютно правы. Любовь Журавлева сейчас занимает ваше место. Нет, она не учится. Ей незачем теперь корпеть над учебниками и тетрадками. Ей уготована судьба королевы. Судьба, которую она украла у вас! И сейчас она прекрасно проводит время в компании двух симпатичных парней и не бедствует, уж поверьте мне! А в будущем Любовь получит в Солнечной стране власть, богатство и да, взаимную любовь, как не парадоксально, хотя вы заслуживаете ее, куда больше, чем она. Согласно предсказанию об истинной Избранной, о настоящей Странице, Люба имеет все шансы получить такие почести,

которые вам, Евгения, никогда и не снились...

Женька недоверчиво смотрела на него несколько минут. Потом усмехнулась:

– Думаете, я поверю вам на слово? Чем вы докажете свою правоту? И что я должна сделать, по-вашему, чтобы отнять у Любки прекрасное будущее, о котором вы так сладко поете? Даже, если вся эта безумная история – правда, то, как я могу занять место, от которого по ошибке отказалась?

– Поверьте, лазейки всегда можно найти, стоит только захотеть. Гриотов, тех, кто проводит испытания Истинной Страницы, крайне беспокоят действия вашей замены. Представляете, из-за нее время в наших мирах сместилось почти на три месяца! Наш мир сделал скачок. Время ускори-лось. Все жители Солнечной страны плохо помнят, что произошло. Время отматывалось с безумной скоростью, и в этом виновна Любовь Журавлева, обманом прошедшая первое из трех испытаний Страницы.

К сожалению, испытание пройдено, и мы не вправе ее дисквалифицировать. Но мы можем привлечь ко второму испытанию нашего кандидата. И вы более, чем подходите, дорогая Евгения! Действуя исключительно в соответствии с законом, вы сможете пройти путь до конца. Как и на конкурсе «Барышня», вы, Евгения, сможете снова утереть нос вашей заклятой сопернице, – манекен уже не улыбался, просто не сводил с нее щелочек своих глаз.

Женька стряхнула наваждение. Безусловно, речи железа-

ки несут с собой какие-то выгоды для нее. Но, что если и подвох тоже есть? Соболева частенько слышала нравоучения отца о том, что перед тем, как оформить сделку, нужно изучить все доводы «за» и «против».

– Я вижу, что вы нуждаетесь в моей помощи. И пытаетесь запугать, или уговорить, но заставить силой не можете. Ни вы, ни эти ваши неизвестные Гриоты. Итак, я нужна вам. А зачем вы нужны мне? – Соболева изобразила ту самую «шакалью» усмешку, распугивавшую ее недоброжелателей в школе и среди моделей.

– Милая Женя, мы тоже нужны вам, – с подкупающей мягкостью заметил манекен. – Эта ситуация в вашей семье такая неприятная... Вы одиноки. Даже сегодняшним вечером. Мне не составило труда приблизиться к вам! Может, стоит изменить расстановку сил в вашей семье. Хотите, чтобы они, все они, и отец, и ваш братец, зависели от одного вашего слова?

– Это возможно? – в груди Женьки что-то омертвело. Словно из нее разом вытащили живую искру. Удар ниже пояса. Да, манекен в этот раз хорошо подготовился.

Вместо ответа Делёж вытащил из кармана своего плаща сверток, скрепленный алой печатью:

– Внимательно изучите его содержание. Мы уверены, вам понравятся наши условия сделки.

Приложения к книге «СТРАННИЦА»

Словарик понятий и терминов, упоминаемых в книге.

Гриоты – (в переводе с африканского «Сказители») – темные волшебники, которые пришли из мира Абрис, которые завоевали Солнечную страну. Они метаморфы и способны менять свое строение тела.

Магари – твари, созданные Гриотами для удержания своей власти в Солнечной стране. Бывают паразитического и непаразитического типа. Первые могут убить человека (питаются людьми), вторые практически безобидны и питаются солнечной энергией.

Плакун – вид паразитической магари. Без лица, но выглядит, как человек. Привлекает людей своим плачем, потом их убивает.

Живые манекены – люди Солнечной страны, подвергшиеся проклятию Гриотов. В страхе превратиться в живые манекены, люди позволяют высасывать из себя силы и жизненную энергию через «теплоки».

Теплоки – камни в проклятом ошейнике, которые носят жители Солнечной страны за редким исключением. Бывают красные и синие.

Мерлый лес – лес, уничтоженный темной магией Гриотов. Подобные ему встречаются в каждой из 15 провинций Солнечной страны. В таких лесах собираются магари паразитического типа. Там крайне опасно появляться обычным людям.

Озерная провинция – одна из 15 провинций. Известна тем, что в ней есть Волнистое озеро, в котором обитают Нептунысы.

Нептунысы – магари паразитического типа. Появляются на поверхности воды только раз в году – в день Нептунысов. Редкие создания и достаточно уродливые.

Старейшины-гномы – гномы, которые олицетворяют исполнительную власть в Озерной провинции.

Династ – правитель провинции Солнечной страны. Он олицетворяет собой законодательную власть.

Низшие, средние и высшие ступени – сословия в Солнечной стране. Их возглавляют лидеры – не Гриоты, обычные люди.

«Ковры в конуре» – название магазина, в котором работал странник Ярослав Таманцев.

Ковролеты – ковры-самолеты, созданные магией Гриотов.

Странники – подростки от 13 до 15 лет, которых против воли (или по их воле) переносили в Солнечную страну для прохождения трех Испытаний. Люба – тринадцатая Странница.

Пит-залы – столовые в Солнечной стране.

Чоккуты – магари не паразитического типа. Питаются растениями и солнечной энергией. Похожи на пушистых зайчиков. Способны значительно увеличиваться в размере, если их напугать.

Меломаны – цветы-магари не паразитического типа. Их много в Озерной провинции. Способны за день собираться вместе и перестраиваться целым полем в самые разные узоры.

Рогатка – магарь не паразитического типа. Похожа на смесь ящерицы и дикобраза. Служит средством передвижения гномов.

Даром-дерево – дерево (не магарь!), как и ковролеты, созданной магией Гриотов. В Озерной провинции на нем растут сахарные бублики.

"Люба, Данъяр и Ярослав" Художник Анастасия Рогова

"Данъяр-охотник на магарей" художник Анастасия Рогова